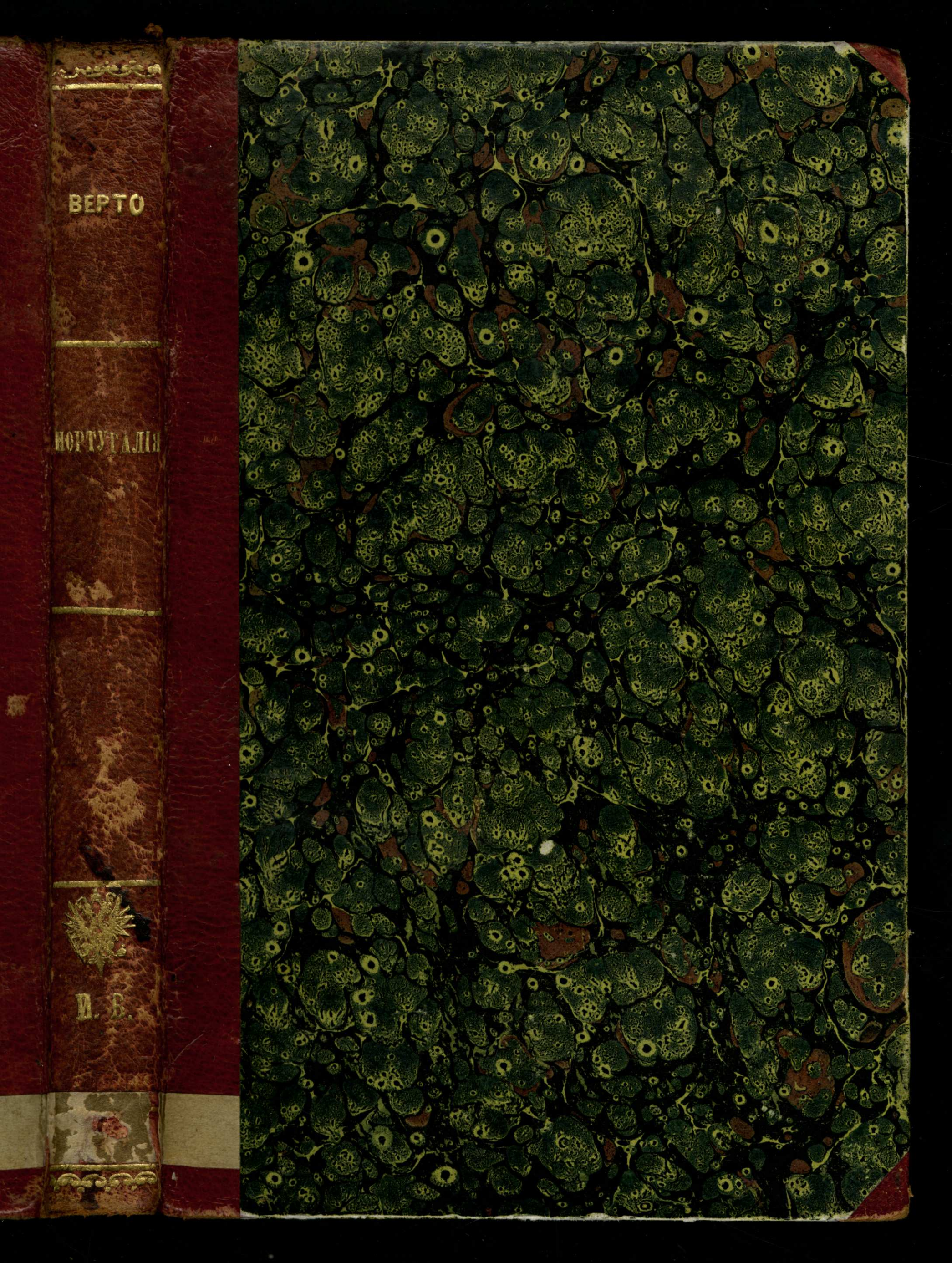

ВЕРТО
ПОРТУГАЛІЯ
И. В.

ПЕРЕМѢНЫ
ПОРТУГАЛЛІИ.

Сочиненіе Г. Аббата Вертота, Члена Академіи Надписей и изящныхъ Наукъ.

Переводъ съ Французскаго.

МОСКВА,
Въ Типографіи Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія,
1789.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ,

ГОСПОДИНУ

ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФУ,

Орденовъ Россійскихъ, Святаго Апостола Андрея, Александра Невскаго и великомученика Георгія перваго класса

КАВАЛЕРУ,

ГРАФУ

АЛЕКСѢЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

ОРЛОВУ-ЧЕСМЕНСКОМУ,

Милостивому Государю,

Посвящаетъ, въ знакъ истиннаго высокопочитанія и благодарности, трудившійся въ переводѣ Капитанъ

Н. З. . .ъ

ИСТОРІЯ

ПОРТУГАЛЬСКИХЪ ПЕРЕМѢНЪ.

Португаллія составляетъ часть той обширной и пространной земли, которую называютъ Испаніею, и которой большая часть областей именуются Королевствами. Она лежитъ къ Западной Кастиліи на брегахъ Океана, окружающаго большую часть Европы. Сіе небольшое Государство простирается въ длину не болѣе, какъ на сто на десять Французскихъ миль, а въ ширину на пятьдесятъ; земля въ немъ плодоносная, воздухъ здоровъ, а жары, свойственные его небосклону, обыкновенно бываютъ умѣренные посредствомъ сильныхъ вѣтровъ и частыхъ дождей. Корона въ немъ наслѣдственная; власть Государя не ограничивается, и Инквизиція служитъ для него надежнѣйшимъ орудіемъ Политики. Что же принадлежитъ до жителей сея земли, то они всѣ исполнены жара, естественно горячи и горделивы; они очень привязаны къ Религіи;

тіи: но больше суевѣрны, нежели набожны. Они многое принимаютъ за чудеса, и вѣрятъ, что и самое Небо гораздо больше имъ благопріятствуетъ, нежели другимъ народамъ.

Не извѣстно намъ, кто были первые жители сея земли. Историки ихъ свидѣтельствуютъ, что они происходятъ отъ Тубала. Каждое Государство имѣетъ странныя понятія въ разсужденіи своего происхожденія. Въ разсужденіи жъ Португалліи намъ извѣстно токмо то, что Кареагенцы и Римляне часто за нее между собою сражались, и владѣли ею попеременно. Аланы, Свевы, Вандалы и другіе грубые народы, которые подъ главнымъ именемъ Готовъ наполняли въ началѣ пятаго вѣка цѣлое Государство, владычествовали надъ всѣми Испанцами. Португаллія нѣсколько разъ имѣла надъ собою частныхъ Королей, и нѣсколько разъ также была присоединяема къ правленію Государей, въ Кастиліи царствовавшихъ.

Въ началѣ восьмаго вѣка, во время
712. царствованія Родерика, послѣдняго Короля Готскаго, Мавры, или лучше сказать Арапы,

ны, находясь подъ предводительствомъ Калифа Валидъ - Алманзора, прешли изъ Африки въ Испанію, и овладѣли ею. Графъ Іуліанъ, Испанской Владѣлецъ, желая отмстить Родерику за причиненную имъ обиду дочери его, открылъ имъ путь въ сію землю и учинилъ ее удобною къ завоеванію.

Сіи невѣрные распространили свою власть во всей Испаніи, изключая Астурійскихъ горъ, въ которыхъ скрывались Христіяне во время царствованія Пелага, основавшаго Леонское Королевство.

Португаллія, раздѣленная по томъ на Испанскія области, досталась также во владѣніе Маврамъ. Сіи невѣрные народы учредили въ ней различныхъ правителей, которые по смерти великаго Алманзора перестали изъявлять имъ свою зависимость и учинились нѣкоторымъ образомъ маленькими владѣтелями. Ревность и неравенство въ выгодахъ произвели между ими несогласіе, и они наконецъ посредствомъ нѣги и роскоши лишились совсѣмъ сихъ владѣній своихъ.

Генрикъ, Бургонской Графъ (*), соединясь съ Робертомъ, Королемъ Французскимъ, въ началѣ XII вѣка совсѣмъ выгналъ ихъ изъ Португалліи. Сей Государь, будучи одушевляемъ тою же ревностію, которая пріумножила въ сіе время число войска, для продолженія Крестовыхъ походовъ, пришелъ въ Испанію съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы ободрить Испанцовъ, и заставить поднять оружіе противъ невѣрныхъ. Онъ ввѣрилъ лучшее свое войско Родригу Бивару, которой довольно уже прославился подъ именемъ Цида; ибо онъ въ продолженіи сей извѣстной всѣмъ войны весьма отличилъ себя своею храбростію. Алфонсъ VI, Король Кастильской и Леонской, вручилъ ему послѣ сего и свои также войска. Полагаютъ, что Французской Государь, послѣ семнатцати сраженій совсѣмъ разбилъ Мавровъ и выгналъ ихъ изъ той части Португалліи, которая лежитъ къ сѣверу. Кастильской Король, желая заставить стараться сего великаго полководца о своей пользѣ, отдалъ ему въ

(*) О семъ пишетъ Ѳеодоръ Годефроа въ сочиненіи своемъ о происхожденіи Королей Португальскихъ.

въ супружество дочь свою Терезію, и вмѣсто приданаго за нею вручилъ ему всѣ свои завоеванія. Графъ посредствомъ новыхъ побѣдъ своихъ распространилъ ихъ и далѣе: онъ покорилъ себѣ города Лиссабонъ, Визу и Конимбру; не меньшій также имѣлъ онъ успѣхъ и въ разсужденіи тѣхъ трехъ провинцій, которыя лежатъ между Дуро и Миніею. И такъ Генрикъ учинилъ изъ нихъ, или лучше сказать, составилъ знатное Королевство, и не бывши Королемъ, остался навсегда основателемъ Португалліи.

Принцъ Алфонсъ, сынъ его, послѣдуя всегда храбрости и знатнымъ его дѣламъ, распространилъ сіе Государство еще и больше посредствомъ новыхъ своихъ завоеваній. Героямъ свойственно основывать Государства, а робкимъ людямъ лишаться оныхъ. Солдаты Принца Алфонса провозгласили его Королемъ послѣ великой побѣды, которую онъ одержалъ надъ Маврами; а главные Штаты, 1136.
засѣдавшіе тогда въ Ламего, укрѣпили ему навсегда сіе высокое титло, которое онъ по справедливости оставилъ и своимъ преемникамъ. Сіи главные Государственные Штаты установили также по

шомъ и законы въ разсужденіи Короны. I Членъ сихъ законовъ состоялъ въ слѣдующихъ словахъ:

Да здравствуетъ Король нашъ Алфонсъ и да царствуетъ надъ нами. Естьли онъ будетъ имѣть дѣтей, то да будутъ и они Государями нашими: да заступаетъ сынъ мѣсто своего отца, потомъ внукъ, а послѣ сего правнукъ, и такъ далѣе.

ЧЛЕНЪ II.

Ежели старшій сынъ Короля умретъ при жизни своего отца, то по смерти Короля да будетъ нашимъ Государемъ второй сынъ; третій да заступаетъ мѣсто втораго; а четвертый третьяго, также и другіе Королевскіе сыновья по порядку слѣдующіе.

ЧЛЕНЪ III.

Естьли Король умретъ, не оставя послѣ себя ни одного сына, то да будетъ Королемъ нашимъ братъ его, ежели онъ его имѣетъ; что же принадлежитъ до сына сего послѣдняго, то ему

по

по смерти своего отца не предоставляется право на корону; и онъ, по крайней мѣрѣ безъ соизволенія на то Штатовъ и и Епископовъ, не можетъ быть Королемъ нашимъ.

ЧЛЕНЫ IV и V.

Когдажъ Португальской Король, не имѣя дѣтей мужескаго полу, будетъ имѣть одну токмо дочь: то да будетъ по смерти Государя она Королевою нашею; съ тѣмъ однакожъ, что она по томъ долженствуетъ непремѣнно вытти замужъ за Португальскаго Владѣльца, которой до тѣхъ поръ не будетъ называться и Королемъ, пока не будетъ имѣть дѣтей отъ сея Королевы мужескаго полу. А когда ему случится быть въ собраніи вмѣстѣ съ Королевою, то онъ долженъ стоять съ лѣвой стороны у нея; но не возлагать никогда на главу свою Царской короны.

ЧЛЕНЪ VI.

Да будетъ сей законъ вѣчно сохраняемъ, чтобъ Королевская старшая дочь не могла имѣть супругомъ своимъ ино-

страннаго Принца, дабы никакой иностранецЪ не возмогЪ учиниться ГосударемЪ нашего Королевства. ЕжелижЪ Королевская дочь выдетЪ за мужЪ за иностраннаго Владѣльца, что она не будетЪ признана Королевою нашею; ибо мы никогда не хотимЪ, чтобЪ народЪ нашЪ повиновался Королю, которой не будетЪ природной ПортугалецЪ; наши многіе соотечественники и сами достойны быть Королевскаго титла.

ПосредствомЪ сихЪ мудрыхЪ законовЪ Португальская корона чрезЪ многіе вѣки не выходила изЪ рукЪ Алфонсовой фамиліи. Преемники его пріумножили ея блескЪ и могущество завоеваніями, учиненными вЪ АфрикѢ, Индіи и по томЪ вЪ АмерикѢ. Не можно приписать Португальцамо довольно достойной похвалы за то намѣреніе, которое они имѣли при сихЪ завоеваніяхЪ; но между прочими выгодами, которыя они получили отЪ сихЪ толико знатныхЪ завоеваній, они возстановили Христіанскую Религію между идолопоклонниками, и научили познавать истиннаго Бога и тѣхЪ непросвѣщенныхЪ, которые до сего не имѣли обЪ НемЪ никакого понятія. ВЪ тако-

ке-

ковомъ положеніи было Португальское Королевство около 1557 года, когда Донъ-Севастіанъ взошелъ на престолъ. Онъ родился по смерти отца своего, и былъ сынъ Принца Донъ Іоанна, которой умеръ прежде смерти Короля Донъ-Іоанна III, своего отца, произшедшаго отъ великаго Короля Еммануила.

Донъ-Севастіанъ, принявъ престолъ 1557.
по смерти дѣда своего, не имѣлъ войны больше трехъ лѣтъ. По причинѣ его малолѣтства, государственное правленіе ввѣрено было его бабушкѣ, Екатеринѣ Дотрихъ, дочери Филиппа I, Короля Кастильскаго и сестрѣ Императора Карла V. Португальскій Дворянинъ, Донъ Алексѣй де-Менезесъ, прославившійся своею набожностію, избранъ былъ для него надзирателемъ; а отецъ Донъ-Лудвигъ де-Камара, яко истинный членъ извѣстнаго монашескаго Ордена, опредѣленъ къ нему учителемъ.

Сіи мудрые надзиратели его ничего не упустили при его воспитаніи нужнаго къ утвержденію его въ вѣрѣ и законѣ, и старались также всевозможно вдохнуть въ него славолюбивыя и достой-

ныя

ныя Государя чувствованія; но при всемъ томъ весьма отдалили его отъ пути, ведущаго къ прямому и Христіянскому благородству. Менезесъ ни о чемъ больше не говорилъ съ Домъ Севастіаномъ, какъ только о завоеваніяхъ, учиненныхъ Королями, ему предшествовавшими, въ Индіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки. А Езуитъ съ своей стороны представлялъ и доказывалъ ему въ ту же минуту, что Государи, получающіе корону свою отъ десницы Божіей, должны единственно о томъ только стараться, чтобъ въ Государствѣ ихъ царствовалъ и управлялъ самъ Богъ, а особливо въ тѣхъ отдаленныхъ земляхъ, въ которыхъ и Имя Его мало было знаемо. Таковыя различныя понятія и мысли, сливаясь между собою, учинили великое впечатлѣніе въ духѣ молодаго Принца, отъ природы пылкаго и исполненнаго жара. Онъ ни о чемъ больше не говорилъ, какъ только о заблужденіяхъ народныхъ и о планахъ завоеваній. Лишь только вступилъ онъ въ государственное правленіе, то въ ту же минуту началъ помышлять о покореніи себѣ Африки. Онъ совѣтовался объ этомъ попеременно то съ Офицерами своими, то съ

набож-

набожными Езуитами; поелику хотѣлось ему вмѣстѣ учиниться и побѣдителемъ и учителемъ.

Междуусобная война, возгорѣвшаяся въ Королевствѣ Марокскомъ, казалась ему благопріятствующимъ случаемъ къ показанію своей ревности и храбрости. Мулей Магометъ взошелъ на престолъ послѣ своего отца Абдалы, послѣдняго Короля Марокскаго: но Мулей Молукъ, дядя его, считая, что онъ не имѣлъ никакого права на корону, старался доказать ему, что онъ по закону Шерифовъ, которые имѣли обыкновеніе возводить на престолъ попеременно Королевскихъ братьевъ, не можетъ быть Государемъ. Изъ сего самаго произошла между племянникомъ и дядею кровопролитная брань. Мулей Молукъ, будучи великимъ политикомъ и искуснымъ полководцемъ, собралъ довольно великую и сильную шайку въ Государствѣ съ своей стороны, и одержавъ на трехъ сильныхъ сраженіяхъ побѣду надъ Магометомъ, выгналъ его изъ Государства до предѣловъ Африки.

Лишенный короны Государь, прешедъ море, началъ искать убѣжища своего при Португальскомъ Дворѣ. Онъ представлялъ

Донъ-

ДонЪ-Севастіану, что онЪ, при всемЪ своемЪ злополучіи, имѢетЪ еще великое число вЪ своемЪ КоролевствѢ сокрытыхЪ единомышленниковЪ, которые для обнаруженія себя ожидаютЪ возвращенія токмо его; по томЪ увѢрялЪ его, что МолукЪ одержимЪ смертоносною болѢзнію, которая его нечувствительно снѢдаетЪ; и что братЪ МолуковЪ ГаметЪ весьма мало почитаемЪ и любимЪ подданными; и что наконецЪ ДонЪ-СевастіанЪ при таковомЪ положеніи ихЪ не имѢетЪ нужды вЪ великомЪ множествѢ войскЪ для одержанія надЪ ними побѢды; короче сказать, что оной изгнанной Государь, желая видѢть похищенную у него корону лучше на главѢ ДонЪ-Севастіана, нежели на главѢ своего дяди, старался всячески убѢдить и уговорить ДонЪ-Севастіана, чтобЪ онЪ воспользовался таковымЪ выгоднымЪ случаемЪ, а чрезЪ то самое отмстилЪ бы и за него.

ДонЪ-СевастіанЪ, котораго духЪ наполненЪ былЪ пространными намѢреніями завоеваній, обязался немедленно гораздо сЪ большею горячностію, нежели благоразуміемЪ, отправиться вЪ походЪ сей. ОнЪ оказалЪ чрезвычайныя ласки

Королю, и обѣщался посредствомъ Португальскихъ силъ опять возвести его на тронъ. Онъ льстился довольно скоро поставить крестъ на Марокской мечети. Вотще благоразумные люди старались отвратить его своими совѣтами отъ таковаго предпріятія его. Собственная его горячность, пылкость и заблужденіе, свойственное молодости Государей; а сверьхъ того и самые льстецы, окружавшіе Дворъ его, ничего другаго не представляли ему, кромѣ славной и весьма удобной побѣды. Онъ, прельстивъ себя собственными своими разсужденіями, не внималъ никакимъ совѣтамъ своихъ Министровъ: имѣя высокое могущество и силу, онъ почиталъ себя умнѣйшимъ всѣхъ людей; и не смотря на увѣщанія своего совѣтника, прешелъ море, и вздумалъ по томъ съ арміею своею, состоявшею изъ тринатцати тысячь человѣкъ, совсѣмъ низвергнуть съ престола сильнаго Государя и славнѣйшаго Полководца Африканскаго.

Молукъ, будучи увѣдомленъ о прибытіи Португальскаго Короля и о его намѣреніяхъ, собралъ въ ожиданіи его всѣ силы своего Государства. Онъ имѣлъ

Кавалерійской корпусЪ, состоявшій изЪ сорока тысячь человѣкЪ, вЪ которомЪ большая часть была старыхЪ искусныхЪ солдатЪ, и которые, взирая на примѣрЪ своего Государя, повелѣвавшаго ими, старались усугублять свою храбрость. Что же принадлежало до его пѣхоты, то оная состояла не больше, какЪ изЪ десяти тысячь регулярнаго войска; ибо онЪ ни мало не надѣялся на тѣ земскія войска, которыя сошлись кЪ нему для вспоможенія, будучи склонными больше кЪ грабежамЪ и добычѣ, нежели кЪ сраженію.

Для одержанія совершенной побѣды надЪ Христіянами, МолукЪ присоединилЪ также и ихЪ кЪ своему войску. Сіи невѣрные собравшись, подходили поминутно кЪ Португальскому лагерю для сраженія; они имѣли тайныя повелѣнія обратиться вЪ бѣгЪ предЪ Португальцами, дабы чрезЪ то выманить ихЪ изЪ морскихЪ береговЪ, у которыхЪ они остановясь, окопали себя шанцами, и дабы наконецЪ чрезЪ притворной страхЪ свой утвердить больше ДонЪ-Севастіана вЪ его надеждѣ. Сей Государь, будучи больше отважнымЪ, нежели благоразумнымЪ, видя, что Мавры не могли ни одинЪ

разЪ

разъ устоять противъ его войскъ, рѣшился смѣло преслѣдовать ихъ, и вышедши изъ своихъ шанцовъ, пошелъ противъ Молука, ни мало не сомнѣваясь объ одержанiи надъ нимъ побѣды. – – – Варварскiй Государь началъ немедленно отъ него удаляться, какъ будто бы хотѣлъ чрезъ то избѣгать послѣдующаго за симъ рѣшительнаго дѣйствiя: онъ показывался съ немногимъ токмо числомъ войскъ своихъ, и дѣлалъ Донъ-Севастiану такiя предложенiя, изъ которыхъ сей легко могъ заключить о слабости силъ его. И такъ Португальскiй Король, считая гораздо для себя удобнѣйшимъ побѣдить, нежели примирить враговъ, началъ преслѣдовать еще ихъ и далѣе: но Молукъ, выведши его на выгодное для себя мѣсто, присоединилъ потомъ къ войску своему великой корпусъ конницы, дабы тѣмъ удобнѣе было окружить всю Христiянскую армiю. Онъ поставилъ начальникомъ надъ симъ корпусомъ брата своего Гамета; но поелику Гаметъ не имѣлъ столько духа, чтобъ могъ отправлять сiю должность, то Молукъ примѣтивъ то, сказалъ ему: „я „тебѣ вручаю такое начальство въ первой „разъ въ своей жизни; однакожъ при всемъ

„ томъ ежели ты обратишься въ бѣгъ „ и не устоишь противъ непріятеля, то „ я тебя лишу жизни собственными ру„ ками, и ты непремѣнно долженствуешь „ теперь или побѣдить, или умереть. „

Онъ чувствовалъ самаго себя почти умирающимъ, и его слабость была столь велика, что онъ не сомнѣвался почти, что день сей будетъ послѣднимъ днемъ его. Однакожъ при таковой крайности своей онъ всячески старался учинить его славнѣйшимъ въ своей жизни. Онъ, поставивъ въ строй всю свою армію, отдавалъ приказы съ такою бодростію духа, каковую токмо можно имѣть человѣку совершенно здоровому. Предвидя также произшествія, которыя могли бы произойти по смерти его, приказалъ Офицерамъ, его окружавшимъ, чтобъ они всевозможно старались, ежели онъ будетъ убитъ, или умретъ въ продолженіи сраженія, о утаеніи смерти его предъ солдатами, которая легко могла бы привести ихъ въ робость и отняла бы надежду въ одержаніи побѣды. Кажется мнѣ, что не льзя довольно надивиться таковымъ умнымъ распоряженіямъ сего Государя. Онъ проѣхалъ по

сихъ

сихъ словахъ мимо всей построенной арміи своей, и увѣщавалъ Мавровъ наиубѣдительнѣйшимъ образомъ къ храброму сраженію, для защищенія вѣры и отечества.

Сраженіе началось съ обѣихъ сторонъ пальбою. Обѣ арміи сражались небоязненно, и по томъ устремлялись другъ на друга съ великимъ жаромъ: все приведено было въ замѣшательство. Христіянская пѣхота, ободряемая своимъ Государемъ, вскорѣ побѣдила Мавровъ, въ числѣ которыхъ находилась большая часть тѣхъ бродягъ, о которыхъ мы уже и выше упоминали. Полководецъ Давіеро разбилъ также впрахъ и Кавалерійской корпусъ, которымъ управлялъ Марокской Государь, которой, увидя своихъ солдатъ со стыдомъ бѣгущихъ отъ лица побѣждающаго непріятеля, бросился съ своей качалки на землю, и будучи исполненъ гнѣва и ярости, хотѣлъ самъ опять ихъ остановить. Вотще Офицеры его старались отвратить его отъ таковаго предпріятія; онъ хотѣлъ умертвить самаго себя, но учиненные имъ до сего толико великіе труды и подвиги лишили уже его всѣхъ силъ; ему

 сдѣ-

сдѣлался обморокъ, и онъ упалъ въ безпамятствѣ на землю между своими конюшими: они, поднявъ его, опять положили его въ качалку; и онъ, пришедъ въ чувство при концѣ последняго уже своего издыханія, приложилъ палецъ къ устамъ своимъ, желая окружавшимъ его чрезъ то объявить, чтобъ они молчали, и никому не разсказывали о его смерти, и потомъ вскорѣ скончался.

Долго о смерти его не знали ни непріятельскія, ни его собственныя войска. Христіяне, казалось, во всемъ выигрывали до сего времени: но Мавры, составлявщіе конницу, вдругъ окружили Христіянскую армію, и единодушно устремясь на нее, привели ее въ великой безпорядокъ; а другіе напали потомъ на Португальскую конницу. Сіе притѣсненное войско со всѣхъ сторонъ окружавшимъ его непріятелемъ, желая присоединиться для обороны къ своей пѣхотѣ, привело и ее также чрезъ то въ большее еще замѣшательство.

Невѣрные бросились немедленно съ обнаженными саблями на сіи открытые и разбитые баталіоны; они безъ всякихъ далныхъ трудностей побѣдили

сіе

сіе въ ужасъ приведенное войско и побѣжденное уже собственнымъ своимъ всеобщимъ страхомъ. И такъ вмѣсто сраженія произошло наконецъ ужасное кровопролитіе. Одни падали на колѣни, и просили о дарованіи имъ живота, а другіе искали своего спасенія въ бѣгствѣ: но поелику они были окруженны со всѣхъ сторонъ, то вездѣ встрѣчались съ своимъ непріятелемъ и смертію. Неблагоразумный Донъ-Севастіанъ погибъ и самъ также при семъ случаѣ; но убили ли его, или онъ самъ себя умертвилъ, дабы не попасть въ руки непріятелей своихъ, не примѣчено другими по причинѣ безпорядка и замѣшательства, произшедшаго отъ бѣгства. Что же принадлежитъ до Мулея Магомета, яко главнаго зачинщика сея войны, то онъ хотя и спасся бѣгствомъ, однакожъ наконецъ, переправляясь чрезъ рѣку, Мучазень называемую, утонулъ. И такъ, въ продолженіи сего сраженія погибло три Государя, и всѣ трое различнымъ образомъ: Молукъ отъ болѣзни, Магометъ посредствомъ воды, а Донъ-Севастіанъ подъ оружіемъ. Августа 4 1578 года.

Дядя его, Кардиналъ Донъ-Генрикъ, заступилъ его мѣсто. Онъ былъ братъ

 Іоанна

Іоанна III и сынЪ Короля Еммануила; но поелику сей Государь былЪ слабЪ и имѣлЪ уже болѣе шестидесяти семи лѣтЪ, то всѣ имѣвшіе по немЪ право на корону считали ее на главѣ его налогомЪ, и каждый изЪ нихЪ старался преклонить ее на свою сторону.

Весьма много находилось считающихЪ себя имѣющими право на оную корону, а особливо изЪ числа произшедшихЪ отЪ колѣна Еммануилова. ФилиппЪ II, Король Испанскій; Екатерина Португальская, жена ДонЪ-Іякова, Герцога Браганскаго; ГерцогЪ Савойскій, и Антоній также Пармскій; Малтійскій КавалерЪ и Великій ПріорЪ Кратоса, ничего такого не упускали, что токмо могло уполномочить ихЪ права. ВЪ то же самое время выходили различныя сочиненія, вЪ которыхЪ знающіе законоискусство люди старались всевозможно о установленіи порядка для полученія короны, хотя впрочемЪ каждой изЪ нихЪ придерживался стороны того, который его заставилЪ писать оное сочиненіе.

ФилиппЪ II былЪ сынЪ Инфанты Изабеллы, большой дочери Еммануиловой.

Гер-

Герцогиня Браганская произошла отъ Государя Донъ Эдуарда, сына Еммануилова. Герцогъ Савойскій былъ сынъ Принцессы Беатриксы, младшей сестры Императрицы; а Герцогъ Пармскій имѣлъ у себя мать Марію Португальскую, которая была дочь Государя Эдуарда и большая сестра Герцогини Браганской. Что же принадлежитъ до Великаго Пріора, то онъ былъ побочной сынъ Донъ-Лудвига, втораго сына Еммануилова, и Віоланты Джометчи, проименованной Пеликаномъ, по причинѣ рѣдкой и безподобной ея красоты, и которую Антоній, сынъ ея, считалъ сочетавшеюся тайнымъ бракомъ съ Принцомъ. Екатерина Медиская, считая также и себя въ числѣ имѣющихъ право на корону, требовала ее яко похищенную у Алфонса III, Короля Португальскаго, и у Матильды Графини Булонской. Папа, желая также имѣть свои собственныя выгоды, старался единственно о томъ, дабы оная корона оставалась на главѣ Кардинала вмѣсто благословенія его Двору. Всѣ сіи толико странныя требованія и права уполномочиваемы были по большой части силою.

Всѣми было примѣчено, что на сіе толико знатное наслѣдіе обратили наипаче

 наче

паче вниманіе свое Испанскій Король и Герцогиня Браганская. Она была всѣми любима; и поелику мужъ ея происходилъ не въ прямой линіи отъ Королей Португальскихъ, то она сама, яко Португалка, требовала собственно для себя оной короны; ибо иностранные Принцы, по государственнымъ установленіямъ и законамъ, не имѣли никакого права на корону, о чемъ мы упоминали уже и при началѣ книги сея. Филиппъ согласенъ былъ на тѣ положенія, которыя исключили Герцоговъ Савойскаго и Пармскаго изъ числа имѣвшихъ право на корону: но не думалъ однакожъ, чтобы Испанской Король считаемъ былъ въ Португалліи иностранцомъ; ибо сное небольшое Королевство часто было управляемо Кастильскими Королями: они оба имѣли своихъ единомышленниковъ. Таковыя ихъ всегдашнія попеченія наскучили Королю Кардиналу: но онъ не вмѣшивался въ дѣло толико важное; ибо ему не очень пріятно было говорить и слушать о своемъ преемникѣ. Поелику ему и самому хотѣлось еще и жить и царствовать: то для того самаго и отсылалъ въ судейское мѣсто права требователей, съ объясненіемъ, что они не прежде должны ими воспользоваться, какъ токмо по смерти его. Го-

Государь сей царствовалъ не болѣе 1580.
семнатцати мѣсяцовъ. По смерти его произошли въ Португалліи великія смятенія и раздѣлы: каждый, слѣдуя своей склонности, придерживался стороны тѣхъ наслѣдниковъ, которые казались ему надежнѣйшими; другіе безпристрастные люди внимали сужденію судейскаго собранія, которое оставилъ покойный Король въ своемъ завѣщаніи. Но Филиппъ, привыкши слѣдовать собственнымъ своимъ выгодамъ, не внималъ совѣтамъ оныхъ законоискустцовъ: онъ ввелъ немедленно въ Португаллію всѣ свои войска, которыя подъ предводительствомъ Герцога Альбскаго рѣшили дѣло въ его пользу.

Никто не ожидалъ при таковомъ случаѣ, чтобы Герцогъ Браганскій вздумалъ также поддерживать свои права силою оружія. Одинъ токмо Великій Пріоръ сопротивлялся Кастилланцамъ: народъ назвалъ его своимъ Королемъ, и онъ носилъ на себѣ титло сіе, какъ будто присвоенное ему государственными Штатами. Друзья его склонили нѣкоторую часть войскъ на его сторону: но Герцогъ Альбской немедленно разбилъ ихъ; ибо противъ такого великаго Полководца, ка-

ковъ

ковѣ былѣ онѣ, ничто не могло устоять. Когда разбитые и неединодушные Португальцы, не имѣя ни начальниковѣ, ни регулярныхѣ войскѣ, истощили уже всѣ силы свои кѣ сопротивленію Кастилланцамѣ: то большая часть городовѣ, для избѣжанія разоренія, придерживались своей частной пользы. Филиппѣ признанѣ былѣ законнымѣ Государемѣ: онѣ овладѣлѣ Королевствомѣ Португальскимѣ какѣ законный наслѣдникѣ покойнаго Короля, хотя впрочемѣ право завоеванія показалось ему надежнѣйшимѣ, чѣмѣ право наслѣдственное: на семѣ правѣ основывалѣ онѣ и преемники его поступки свои. Сынѣ его, Филиппѣ III, и Филиппѣ IV, также его внукѣ, обходились по томѣ сѣ Португальцами не такѣ, какѣ сѣ законными своими подданными, но какѣ сѣ народомѣ, оружіемѣ покореннымѣ и правомѣ войны; Королевство ихѣ учинилось наконецѣ непримѣтнымѣ образомѣ Испанскою областію. Вельможи ихѣ не смѣли оказываться никогда вѣ блескѣ свойственномѣ ихѣ достоинству, и требовать своихѣ правѣ, дабы чрезѣ то не подать какого нибудь подозрѣнія Испанскимѣ Министрамѣ, и особливо вѣ такое время, вѣ которое очень легко было каждому

Томазскіе Штаты.

1581.

знат-

знатному и богатому человѣку учинить-ся подозрительнымъ безъ всякихъ причинъ. Въ продолженіи таковыхъ обстоятельствъ, дворянство какъ будто въ ссылкѣ жило въ своихъ деревенскихъ домахъ, а народъ обременяемъ былъ новыми налогами.

Графъ Герцогъ Оливарскій, первый Министръ Филиппа IV, Короля Испанскаго, считалъ, что они не довольно еще обезсилены таковыми завоеваніями: онъ опасался, дабы прежняя ихъ антипатія не сдѣлалась между ими наконецъ естественною, хотя впрочемъ и самъ не меньше учинилъ Испанское правленіе ненавистнымъ для Португальцовъ, которые всегда взирали съ завистію на иностранцовъ, ничего не значущихъ, но занимавшихъ лучшія мѣста и должности въ Государствѣ по опредѣленію Двора. И такъ, для безопасности своего Государя, онъ рѣшился знатнѣйшихъ Португальскихъ особъ отдалить и отрѣшить отъ государственныхъ дѣлъ, а народъ привесть въ бѣдное состояніе посредствомъ неслыханныхъ налоговъ. Сверьхъ того онъ старался всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ находилъ способными 1640

къ военной службѣ, заставить служить въ другихъ Государствахъ въ военное время, опасаясь, дабы оныя неспокойные головы не возмутили общественнаго спокойствія.

Но таковая политика его, простиравшаяся до извѣстнаго пункта, произвела противныя дѣйствія его желанію, будучи уничтоженною тогдашними обстоятельствами Испанскаго Двора, и свойствомъ перваго Министра, которой естественно былъ жестокъ и непреклоненъ. Не нужно было принимать новыя другія мѣры въ разсужденіи Португалліи; ее не удостоевали даже и предлогами, при истребованіи денегъ отъ народа: налагаемыя тогда новыя подати казались сборами, которые заставляютъ платить обыкновенно въ непріятельской землѣ. Португальцы, потерявшіе уже все и ограбленные, не имѣя никакой надежды къ облегченію своей бѣдности, начали помышлять о освобожденіи себя отъ таковой власти, которая сначала казалась имъ несправедливою, а по томъ учинилась наконецъ мучителною и несносною.

Мар-

Маргарита Савойская, Герцогиня Мантосская, управляла тогда Португаллiею въ достоинствѣ Вице Королевы; но власть сего блистательнаго титла весьма была ограниченна. Тайныя и важныя дѣла ввѣрены были Португальцу Михаилу Васконселлосу, отправлявшему должность у Вице-Королевы Государственнаго Секретаря, которой въ самомъ дѣлѣ былъ независимымъ Министромъ. Онъ всегда получалъ повелѣнiя отъ Графа Герцога, которому всегда онъ былъ любезенъ и нуженъ чрезъ свое умѣнье и искусство собирать знатное количество денегъ съ Португальцовъ, и чрезъ свой хитрой умъ, посредствомъ котораго производя самыя тайныя намѣренiя въ дѣйство, возбудилъ вражду и ненависть между знаменитыми особами Королевства Португальскаго; ибо онъ умѣлъ, оказывая однимъ милости и пристрастныя отличiя, возбуждать въ другихъ злобу и зависть противу ихъ. Таковыя происходившiя несогласiя и раздѣлы между первыми и знатными домами, составляли безопасность и спокойствiе Министра, увѣрившагося, что ежели они займутся мщенiемъ за частныя свои обиды, то не возмогутъ ничего предпринять противъ Правительства.

Во всей Португаллїи не оставалось уже никого, кто бы могъ нанесть хотя малѣйшее безпокойствїе Испанцамъ, кромѣ Герцога Браганскаго. Сей Принцъ имѣлъ тихой и доброй нравъ, но немножко былъ лѣнивъ: онъ имѣлъ духъ больше справедливой, нежели бодрственной: при каждомъ дѣлѣ онъ доискивался главной причины: онъ легко могъ проникать тѣ дѣла, которыя старался узнать; но не любилъ стараться. Герцогъ Ѳеодосїй, его отецъ, имѣя пылкой и горячїй нравъ, старался всячески заставить его ненавидѣть Испанцовъ, и взирать на нихъ какъ на похитителей короны, ему принадлежавшей. Онъ вдохнулъ въ него по своей возможности все то честолюбїе, каковое токмо должно имѣть Принцу, надѣющемуся получить и возложить корону на главу свою, и нужную бодрость духа къ достиженїю сего высокаго и вмѣстѣ погибельнаго предпрїятїя.

Донъ-Жуанъ вошелъ въ самой точности въ чувства Герцога, отца своего: но всегда согласовалъ ихъ съ природною своею тихостїю. Онъ ненавидѣлъ Испанцовъ; но не беспокоилъ себя отмщенїемъ за ихъ несправедливость. Онъ былъ

честолюбивъ, и не отчаявался взойти на престолъ своихъ предковъ: но не былъ притомъ столько нетерпѣливъ, сколько Герцогъ Ѳеодосій. Онъ считалъ довольнымъ для себя никогда не упускать изъ виду онаго намѣренія своего, и не рысковалъ не кстати для неизвѣстной короны спокойною жизнію и всегдашнимъ удовольствіемъ, которыя составляли наибольшее щастіе, каковаго токмо можетъ пожелать честной человѣкъ.

Ежели бы онъ былъ въ самой точности таковымъ, каковымъ желалъ его видѣть Герцогъ Ѳеодосій, то вѣрно онъ никогда не былъ бы удобнымъ къ достиженію онаго намѣренія своего. Графъ Герцогъ началъ, спустя не много времени, примѣчать за нимъ; и ежели бы его праздная и роскошная жизнь не была дѣйствіемъ его хитрости, то скоро бы могли узнать о намѣреніи его. Она составляла его спокойствіе и щастіе. Испанской Дворъ не могъ бы сносить равнодушно, видя его толико сильнымъ, и никогда не позволилъ бы ему жить среди его отечества.

Самая тонкая политика не могла бы изобрѣтать таковыхъ благоразум-

ныхъ поступковъ въ разсужденіи Испанцовъ, каковые онъ имѣлъ по природной своей склонности. Происхожденіе его, богатство и права на корону, не были преступленіями: но по законамъ политики онъ былъ самъ преступникъ, поелику казался сомнительнымъ. Онъ видѣлъ и самъ то ясно; зналъ также, что ему одно остается средство, и прибѣгнулъ къ нему какъ по склонности своей, такъ и по причинѣ. Надлежало ему для уменьшенія преступленія своего, т. е. чтобъ меньше быть подозрительнымъ для Испанцовъ, не вмѣшиваться ни въ какія дѣла, и, не занимаясь ими никогда, предаться однѣмъ только забавамъ и веселію. Онъ такое дѣйствіе исполнилъ въ самой точности. Въ Виллавиціозѣ, обыкновенномъ жилищѣ Герцоговъ Браганскихъ, ничего не видно было, кромѣ охоты, пиршествъ и людей, расположенныхъ и удобныхъ къ однѣмъ только веселостямъ, забавамъ и сластолюбію. Наконецъ казалось, что Натура сама и щастіе вдохнули въ него: одна качества, соотвѣтствующія обстоятельствамъ и дѣламъ тогдашняго времени; а другая знаніе располагать дѣлами такимъ образомъ, посредствомъ котораго онъ могъ придать большую цѣну естествен-

ственнымъ своимъ дарованіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, они не были толико блистательны, чтобы могли заставить Испанцовъ опасаться, дабы онъ не учинился Королемъ: однакожъ всегда подавали постоянную надежду Португальцамъ имѣть надъ собою мудрое, тихое и справедливое правленіе, какъ скоро они сами захотятъ учинить его своимъ Государемъ.

Собственное его поведеніе не навлекало на себя и малѣйшаго подозрѣнія: но нѣкоторое дѣло, между тѣмъ случившееся, и въ которомъ онъ не имѣлъ никакого участія, подало причину первому Министру и его подозрѣвать. Жители Эворы, будучи приведены въ отчаяніе новыми налогами, взбунтовались; и въ продолженіи онаго бунта, между приносимыми жалобами на тиранство Испанцевъ, обнаружили они всеобщія свои желанія, каковыя могли имѣть къ Браганскому Двору. Познали тогда, но уже нѣсколько поздно, сколь мало наблюдалъ и старался Филиппъ II о истинныхъ своихъ выгодахъ, оставя въ Королевствѣ, вновь завоеванномъ, толико знатный и сильный Домъ, котораго пра- 1537г.
ва на корону были неотъемлемыя.

Таковое разсужденіе заставило Испанцевъ, для безопасности своей, стараться какимъ нибудь образомъ выжить Герцога Браганскаго изъ Португалліи. Вскорѣ послѣ того вручили ему правленіе Миланезою, отъ котораго онъ отказался, представляя имъ, что онъ для отправленія оной толико важной и трудной должности не имѣетъ довольно ни силъ, ни здоровья, а сверьхъ того и не знаетъ вовсе дѣлъ, до Италіи относившихся.

1640. мѣсяцъ Май. Министръ, казалось тогда, принялъ представленія его справедливыми, но искалъ новаго средства, дабы учинить его приверженнымъ ко Двору. Путешествіе, которое долженствовалъ Король учинить къ Аррагонскимъ границамъ для наказанія взбунтовавшихся Каталанцовъ, служило ему предлогомъ, заставить вмѣстѣ и Герцога путешествовать. Онъ писалъ къ нему и совѣтовалъ, яко знатнѣйшему чиновнику его Королевства, соединиться съ Кастильскими войсками во время сего толико славнаго для него похода, при которомъ и самъ Король будетъ присутствовать. Испанской Министръ, стараясь привести въ большее безсиліе Португальское дворянство, обнародо-

родовалъ указъ Короля Филиппа IV, въ которомъ повелѣно всѣмъ Фидалцамъ немедленно явиться въ армію, опредѣленную противъ Каталанцовъ, подъ опасеніемъ лишенія всего имѣнія, ежели кто изъ нихъ не явится; и льстился, что Герцогъ Браганскій, яко природный Португалецъ, не рѣшится выступить въ походъ сей. Но поелику Герцогъ всегда со вниманіемъ взиралъ на все при Дворѣ происходившее, то въ ту же минуту употребилъ хитрость, и просилъ Министра, чтобъ онъ исходатайствовалъ для него у Короля позволеніе не ѣхать и остаться, полагая тому главною причиною великіе расходы и издержки, которыхъ онъ не въ состояніи будетъ имѣть по званію и чину, на него возложенному, и которыхъ бы требовало отъ него происхожденіе его.

Таковой усугубленной его отзывъ начиналъ уже, такъ сказать, обезоруживать Министра. Онъ увѣренъ былъ о тихомъ и миролюбномъ нравѣ Герцога Браганскаго; однакожъ боялся, дабы не подали ему случая возчувствовать сильнѣе свои права на корону, и дабы наконецъ желаніе царствовать не одер-

жало побѣды надъ природною его склонностію къ спокойствію.

И такъ, зная всѣ обстоятельства, онъ старался всячески, для пользы своего Государя, овладѣть Принцомъ. Но поелику весьма опасно было употребить противъ него какое нибудь насиліе, по причинѣ чрезвычайной приверженности, каковую всегда имѣли Португальцы къ Браганскому Двору: то онъ рѣшился ослѣпить его своими услугами, и привлечь потомъ къ себѣ притворною искренностію, дружбою и довѣренностію.

Франція имѣла въ тогдашнее время съ Испаніею войну. Французской флотъ приближился къ предѣламъ Португалліи; таковыя происшествія подали Министру весьма способной предлогъ для его намѣреній. Въ Португальскомъ Королевствѣ нуженъ былъ Генералъ для управленія войсками, опредѣленными для защищенія всѣхъ тѣхъ мѣстъ и стороны, съ которыхъ въ противномъ случаѣ легко бы могли учинить Французы набѣгъ. Онъ таковое достоинство возложилъ на него; притомъ, препровождая оное съ врученіемъ полной власти ему укрѣп-

лять города, которые имѣютъ въ томъ нужду, умножать или перемѣнять гарнизоны, и располагать по его волѣ всѣми кораблями, въ портахъ находящимися; по таковой слѣпой довѣренности, казалось, что онъ ему вручилъ цѣлое Королевство въ правленіе. Но всѣ оныя выгоды служили потаенною и сокрытою сѣтію. Онъ въ то же самое время наслалъ тайное повелѣніе Донъ-Лопецъ-Озаріу, предводительствовавшему Испанскимъ флотомъ, войти, подъ предлогомъ худой погоды, въ ту же самую гавань, въ которой будетъ находиться Герцогъ. Испанецъ оной долженствовалъ заманить его какимъ нибудь образомъ на свои корабли, и по томъ, давъ ему пиръ, увезти его немедленно въ Испанію. Но щастіе повелѣло всему тому перемѣниться. Жестокая погода, захвативъ Испанскаго Адмирала въ морѣ прежде, нежели онъ успѣлъ прибыть въ Португаллію, потопила многіе корабли его, а оставщіеся занесла въ безъизвѣстныя мѣста.

Графъ Герцогъ не печалился о такомъ нещастномъ успѣхѣ. Ему тогда казалось, что судьба и самое щастіе спасли Герцога Браганскаго, которой неотмѣнно

мѣнно былъ бы увезенъ, ежели бы Донъ-Лопецъ-Озаріо прибылъ въ гавань Португальскаго Королевства съ желаемымъ успѣхомъ. Онъ обратилъ свою хитрость въ другую сторону, и писалъ къ оному Принцу пріятельское письмо, наполненное наибольшею довѣренностію, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ раздѣлить съ нимъ Государственное правленіе и Министерію свою. Онъ жаловался въ письмѣ своемъ на нещастіе, съ флотомъ воспослѣдовавшее, которое тѣмъ чувствительнѣе для него, что враги учинились съ того времени опаснѣйшими противъ прежняго; что Король, лишившись тѣхъ вспомогательныхъ войскъ, которыя защищали предѣлы Португалліи, весьма желалъ бы, чтобъ онъ самъ согласился освидѣтельствовать всѣ мѣста и гавани онаго Королевства, дабы Французы не могли учинить на оное нападеній своихъ; и послалъ къ нему въ то же самое время Королевское повелѣніе, и сорокъ тысячь Дукатовъ, для набранія новыхъ войскъ, ежели оныя по его мнѣнію будутъ нужны, и для подъему его въ путь оной. Начальникамъ и смотрителямъ тамошнихъ крѣпостей, которые всѣ были Испанцы, наслано также тайное повелѣ-

ніе,

ніе, всегда объ немъ освѣдомляться, и при первомъ удобномъ случаѣ отправить его въ Испанію.

Герцогъ Браганскій, находя всѣ оные знаки отличной довѣренности совсѣмъ несоотвѣтствующими обыкновенному поведенію Министра, началъ его подозрѣвать, и по томъ завелъ его въ ту самую сѣть, которую онъ пріуготовлялъ для него. Онъ отвѣтствовалъ ему на письмо его съ увѣрительными доказательствами, что онъ съ великою радостію принялъ должность, возложенную на него Королемъ, и надѣется посредствомъ своихъ стараній, ревности и трудовъ, справдать его выборъ, и наконецъ учиниться достойнымъ той милости, которою угодно было Королю почтить его. Но поелику онъ примѣтилъ уже въ недавномъ времени, что не не возможно взойти ему на престолъ своихъ предковъ; то и воспользовался властію своего чина, возлагая должности на своихъ друзей, и опредѣляя ихъ въ такія мѣста, въ которыхъ они, по его мнѣнію, могли бы нѣкогда учиниться для него полезными. Онъ издерживалъ Испанскія деньги на пріобрѣтеніе новыхъ себѣ доброжелателей; а когда началъ свидѣтельствовать и осма-

тривать мѣста и города, то вездѣ былъ такъ почтительно сопровождаемъ, что Министръ вовсе терялъ надежду овладѣть когда нибудь его особою.

Весь Испанскій Дворъ начиналъ уже весьма сильно роптать, что ввѣрена была ему толико неограниченная власть. Поелику никто не постигалъ намѣреній Министра, которыя извѣстны были одному токмо Королю: то всѣ Испанцы, взирая на дружественные его соотношенія, каковыя онъ имѣлъ съ Браганскимъ Дворомъ, старались и весьма хотѣли учинить поступки его подозрительными предъ своимъ Королемъ. Всѣ обвиняли единодушно Министра, и приписывали его неблагоразумію, что онъ ввѣрилъ полную власть надъ Португальскими войсками такому человѣку, которой имѣлъ неотъемлемыя права на оное Королевство; всѣ ожидали и думали, что онъ, уполномочивъ чрезъ то свои права, подыметъ оружіе противъ своего Короля. Но Король столько упорно стоялъ въ своемъ намѣреніи, сколько удостовѣренъ былъ въ томъ, что Принцъ никогда не можетъ проникнуть въ его тайну.

И такъ Герцогъ Браганскій, съ пособіемъ новой должности своей, проѣхалъ очень свободно чрезъ всю Португаллію; таковое путешествіе его учинило первыя основанія къ его возвышенію. Онъ имѣлъ весьма великолѣпной обозъ, посредствомъ котораго повсюду обращалъ на себя народной взоръ; онъ выслушивалъ рѣчи и жалобы всѣхъ людей съ тихостію и благосклонностію; онъ обуздывалъ неукротимость солдата, и въ то же самое время хвалилъ Офицеровъ; онъ ихъ привлекъ къ себѣ посредствомъ награжденій, которыя имъ оказывалъ. Все дворянство радовалось его честности; онъ принималъ ихъ весьма ласково и обходился съ каждымъ во всемъ соотвѣтственно его званію и достоинству. Во время путешествія своего вездѣ оказывалъ людямъ добро; онъ больше пріобрѣталъ себѣ друзей чрезъ тѣ милости, которыхъ отъ него ожидали, нежели чрезъ оказываемыя имъ. И такимъ образомъ всѣ тѣ, которые токмо видѣли его, полагали свое благополучіе въ возведеніи его на тронъ.

Всѣ доброжелатели его старались всевозможно о возстановленіи его славы.

Пинто-

Пинто - Рибейро, главный управитель его Двора, старался больше всѣхъ придавать блескъ дѣламъ его, и представить всѣ виды великости своего господина въ ясномъ чертежѣ. Онъ былъ всегда дѣятеленъ, прилѣженъ и знающъ въ дѣлахъ, и имѣлъ сверьхъ того великую страсть къ возвышенію Герцога; да и не безъ довольной причины онъ имѣлъ ее: поелику всегда ласкался надеждою, возведши его на престолъ, имѣть великое участіе въ Министеріи. Принцъ оный не однократно признавался ему, что онъ съ удовольствіемъ воспользовался бы случаемъ, доставляющимъ ему престолъ; но что онъ на таковое предпріятіе не можетъ рѣшиться такъ, какъ на другое простое какое нибудь дѣло, которое не оставляетъ обыкновенно по себѣ никакихъ опасныхъ слѣдствій; впрочемъ онъ позволялъ Пинту пріумножать число его доброжелателей: но съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ ничѣмъ къ тому не обязывалъ ихъ, и чтобы не обнаруживалъ предъ ними, что онъ и самъ принимаетъ въ томъ какое нибудь участіе.

Пинто трудился чрезъ долгое время въ Лиссабонѣ съ великимъ тщаніемъ,

замѣчая роптавшихъ на правленіе, и возбуждая въ нихъ новое неудовольствіе. Онъ изъявлялъ также не рѣдко втайнѣ и свои жалобы съ жаромъ, соотвѣтствующимъ достоинству тѣхъ лицъ, съ которыми обходился. Но ненависть, которую всегда Португальцы имѣли къ Испанцамъ, учинилась уже столь сильною и всеобщею, что онъ вовсе не имѣлъ нужды въ таковой предосторожности; и не оставалось ни одного Португальца, который бы не былъ удобенъ къ принятію тайны, имѣвшей предметомъ своимъ истребленіе Испанцовъ. Пинто съ прискорбіемъ воспоминалъ о почтенныхъ и знатныхъ чиновникахъ, прежде бывшихъ въ Королевствѣ ихъ, когда оное управляемо было природными Принцами. Но ничто столько не могло тронуть дворянства, какъ тотъ позывъ, которой обнародовалъ Король для отправленія ихъ въ Каталонію. Пинто всячески увѣрялъ ихъ, что таковой походъ послужитъ для нихъ ссылкою, изъ которой они не легко могутъ возвратиться; что убытки, которые они понесутъ въ продолженіи онаго похода, заставятъ ихъ наконецъ все сносить отъ надмѣнныхъ Испанцовъ; и что политика Испанская стараемся

раетcя

рается единственно о истребленіи храбрыхъ Португальцовъ, подвергая всегда первыхъ ихъ наибольшимъ опасностямъ, дабы они не могли имѣть никакого участія въ славѣ.

Ежели находился онъ между мѣщанами и купцами, то изъявлялъ съ великимъ крикомъ жалобы свои на несправедливость Испанцовъ, разорившихъ Лиссабонъ и всю Португаллію, перенесши Индѣйскую коммерцію въ Кадиксъ. Онъ ни о чемъ больше съ ними не разговаривалъ, какъ только о бѣдности, въ которую они приведены посредствомъ тиранской власти; и никогда не могъ довольно выхвалить предъ ними состоянія тѣхъ людей, которые благороднымъ образомъ освободились отъ оной.

Голландцы и Каталонцы.

Наконецъ изображалъ онъ весьма живо и всѣ тѣ насилія, которыя чинимы были духовенству и церквѣ; и представлялъ притомъ, что всѣ знатнѣйшія должности и чины возложены на иностранцовъ, вмѣсто того, что прежде служили справедливымъ награжденіемъ природнымъ Португальцамъ.

Но когда онъ обходился съ тѣми, о которыхъ уже увѣренъ былъ, что они

весьма

весьма недовольны правленіемъ: то тогда ни о чемъ больше не говорилъ, какъ токмо о великихъ достоинствахъ своего господина, дабы чрезъ то заставить и ихъ любить его. Онъ часто жаловался предъ ними на ту праздную жизнь, которой предался Принцъ; и весьма сожалѣлъ, что тотъ, которой могъ бы облегчить ихъ жребій, и пресѣчь всѣ неустройства и безпорядки, не любитъ почти своего отечества и столь равнодушно взираетъ на собственное свое величіе; и когда примѣчалъ, что слова его могли подѣйствовать надъ слушателями, то онъ начиналъ по томъ ихъ прельщать славнымъ титломъ освободителей отечества, возбуждая въ нихъ презрѣніе къ тѣмъ, которые, допустивъ учинить государственныя перемѣны, полагаясь на другихъ, угнѣтаются Испанцами.

Онъ умѣлъ весьма удачно склонять другихъ на свою сторону; и когда увѣрился уже о каждомъ изъ нихъ въ особенности, то собралъ наконецъ довольно знатное число дворянства, въ которомъ находился главнымъ членомъ Архіепископъ Лиссабонскій.

Пре-

Прелатъ оной происходилъ отъ фамиліи довольно извѣстной въ Королевствѣ; онъ былъ ученъ, знающъ въ дѣлахъ, любимъ народомъ, но ненавидимъ Испанцами, которыхъ онъ и самъ взаимно ненавидѣлъ: поелику они предпочтили ему Архіепископа Брагизскаго, любимца Вице-Королевы, которой имѣлъ и въ государственныхъ дѣлахъ нѣкоторое участіе.

Между прочими знатными людьми, составлявшими оное собраніе, Донъ-Михаилъ Алмеида отличалъ себя въономъ больше всѣхъ. Онъ былъ почтенной старикъ, заслужившій отъ всѣхъ уваженіе своими достоинствами. Онъ всегда полагалъ славу свою въ любви къ отечеству, а не въ собственномъ своемъ щастіи, и не хотѣлъ видѣть его никогда порабощеннымъ. Онъ во всю жизнь свою сохранялъ таковыя чувствованія въ сердцѣ своемъ съ одинаковою твердостію духа и постоянствомъ, безъ которыхъ усильныя прозьбы его семейства и совѣты друзей, можетъ быть, могли бы заставить и его ползать предъ Испанскимъ Министромъ. Таковыя великія его достоинства учинили его наконецъ весьма подо-

подозрительнымЪ. Пинто, желая откровеннѣе изъяснить мысли свои, всегда обращался съ своими разсужденіями къ нему первому, зная, что разговаривая съ человѣкомЪ таковаго свойства, онЪ ничего не можетЪ терять, тѣмЪ паче, что оной удобно можетЪ склонить на свою сторону все дворянство.

ВЪ собраніи ономЪ находились также ДонЪ Антоній - Алмада, искренній другЪ АрхіепископовЪ, съ сыномЪ своимЪ ЛудвигомЪ; ДонЪ ЛудвигЪ Акугна, племянникЪ онаго Прелата, имѣвшій въ супружествѣ дочь ДонЪ Антонія - Алмады; ОберЪ - Егерь - МейстерЪ Мелло; ДонЪ Георгій, братЪ его; ПетрЪ Мендоза, ДонЪ РодригЪ - Саа, ОберЪ - КамергерЪ, и другіе чиновники Королевскаго Двора, которыхЪ званія учинились безполезными титлами съ того времени, какЪ Португаллія лишилась природныхЪ своихЪ Королей.

АрхіепископЪ, будучи всѣхЪ краснорѣчивѣе находившихся вЪ собраніи, подалЪ ужасное понятіе о томЪ состояніи Королевства, вЪ которое оно приведено Испанцами. ОнЪ представляетЪ, что ФилиппЪ II потерялЪ безчисленное множество

дворянства для собственной безопасности своей; что онъ ни мало не уважалъ и не щадилъ духовенства: онъ ссылался въ томъ на его имянное повелѣніе, исключившее двѣ тысячи благочестивыхъ церковнослужителей, которые учинились наконецъ жертвою его насилія и злобы; что съ того самаго нещастнаго для нихъ времени Испанцы не перемѣняютъ своей политики, и умерщвляютъ подъ различными предлогами знатныхъ и достойныхъ людей за то токмо, что они имѣли привязанность и любовь къ своему отечеству; что нѣтъ также въ собраніи ихъ ни одного такого человѣка, котораго бы жизнь и имѣніе въ безопасности были; что дворянство вовсе презрѣнно, а знатные люди отдалены отъ Государственныхъ дѣлъ; что Церковь ввѣрена недостойнымъ служителямъ съ тѣхъ поръ, какъ Васконселлосъ началъ употреблять къ тому однихъ токмо своихъ любимцевъ; что народъ обремененъ неслыханными налогами, деревни остались безъ хлѣбопашцевъ, а города учинились пустынями по отправленіи жителей въ Каталонію; что полученныя повелѣнія, для отправленія въ оную дворянъ, подъ предлогомъ Коро-

левскаго указа, были не что иное, какъ послѣдніе удары политики немилосердаго Министра, которой, для достиженія пагубныхъ намѣреній своихъ въ разсужденіи Королевства, находилъ ихъ для себя препятствіемъ; что и наименьшее зло, оказываемое имъ, состояло въ долговременной ссылкѣ; что они принуждены бродить какъ нещастные иноземцы около Кастиліи въ то время, когда Испанцы, вселившись въ ихъ жилища, расхищали имѣнія, единственно имъ принадлежавшія; что таковое печальное представленіе всѣхъ вмѣстѣ нещастій, заставляетъ его желать себѣ лучше смерти, нежели видѣть разрушаемымъ и погибшимъ свое отечество; ибо онъ увѣренъ уже былъ, что всѣ знатные люди, въ ономъ собраніи находившіеся, собрались не безъ всякаго намѣренія.

Таковыя его представленія живо изобразили оскорбленному собранію всѣ тѣ бѣдствія, которыя оно претерпѣваетъ съ давняго уже времени. Каждый изъ нихъ приводилъ примѣры немилосердія, которое оказывалъ Васконселлосъ. Одни лишились своихъ имѣній посредствомъ его несправедливости, а у другихъ отняты

имЪ же самимЪ наслѣдственныя владѣнія и вручены его любимцамЪ; многіе стенали чрезЪ долгое время подЪ тягостными цѣпями, для удовлетворенія подозрѣнію одного Испанца; иные оплакивали своихЪ отцовЪ, а другіе братьевЪ и друзей, отправленныхЪ вЪ МадритЪ, для отсылки вЪ Каталонію, вмѣсто аманатовЪ вЪ вѣрности нещастныхЪ соотечественниковЪ ихЪ. НаконецЪ не оставалось уже между ими ни одного такого, который бы не имѣлЪ довольной причины кЪ отмщенію, при всеобщей пользѣ, за частную свою обиду. ПоходЪ вЪ Каталонію всего былЪ для нихЪ чувствительнѣе. Они знали и видѣли, что отправляютЪ ихЪ туда не для того, чтобЪ тамЪ нужна была ихЪ помощь; но для того, что Испанской ДворЪ старается всячески о погубленіи ихЪ. Таковыя сужденія, соединенныя сЪ надеждою отмстить нѣкогда за всѣ причиняемыя имЪ несправедливости, заставили ихЪ рѣшиться принять нѣкоторыя мѣры кЪ освобожденію себя отЪ толико тягостнаго ига. Не имѣвЪ никакой надежды кЪ облегченію своихЪ бѣдствій, они упрекали другЪ друга вЪ прежнемЪ терпѣніи своемЪ, и считая его постыдною для нихЪ подлостію,

стію, согласились наконецъ единодушно о изгнаніи Испанцевъ изъ своего отечества: но не могли тогда рѣшиться еще, какой избрать лучше видъ правленія.

Нѣкоторые изъ нихъ избирали и одобряли народное правленіе, подобное Голландскому; а другіе желали имѣть Короля, и назначали къ тому или Герцога Браганскаго, или Маркиза де Виллареаля, или Герцога Авеира, яко наслѣдныхъ Принцовъ крови Португальскаго Королевства. Каждый при выборѣ ономъ слѣдовалъ своей склонности, и старался о собственной своей пользѣ; но Архіепископъ, облагодѣтельствованный Браганскимъ Дворомъ, употребилъ немедленно важность своего характера, и старался всячески доказать имъ, что избраніе правленія не есть самопроизвольное, и что они никакъ не нарушатъ клятвы, учиненной въ вѣрности Испанскому Королю, ежели отдадутъ справедливость законному наслѣднику короны, которымъ почитаетъ весь міръ Герцога Браганскаго. И такъ надлежало тогда рѣшиться, или признать Герцога Браганскаго Королемъ своимъ, или оставаться навсегда подъ тягостнымъ игомъ Испанцевъ.

Послѣ того онъ началъ говорить съ ними о силѣ, богатствѣ и многочисленности подданныхъ онаго Герцога, въ Португалліи находившихся; по томъ продолжалъ, что ежели они хотятъ выгнать Испанцевъ изъ Португалліи, то для того надежнѣйшее средство учинить Герцога Королемъ своимъ; а дабы онъ отъ того не отказался, то должно поднесть ему корону, на которую онъ всегда имѣлъ неотъемлемое право, какъ первой Принцъ крови.

Послѣ таковыхъ рѣчей, началъ уже Архіепископъ изчислять предъ ними всѣ его душевныя достоинства; онъ не могъ довольно выхвалить благоразумія, мудрости, тихости и благонравія, на которыхъ Принцъ всегда основывалъ свои поступки. Наконецъ онъ умѣлъ такъ удачно плѣнить всѣхъ словами своими, что всѣ вмѣстѣ съ нимъ находившіеся единодушно захотѣли имѣть Герцога Браганскаго Королемъ своимъ, и согласились не упускать ничего нужнаго къ скорѣйшему исполненію желанія своего. И такъ для избранія нужныхъ и надежныхъ средствъ, могущихъ щастливо способствовать намѣренію ихъ, они согласились опять въ

на-

назначенной день и часъ собраться; и по томъ разошлись.

Пинто, видя таковое расположеніе знатныхъ людей къ его господину, написалъ къ нему тайно, чтобъ онъ немедленно пріѣхалъ въ Лиссабонъ, и ободрилъ бы больше присутствіемъ своимъ мятежниковъ, принявъ съ ними нужныя мѣры къ исполненію намѣренія ихъ. Онъ, будучи довольно хитръ, умѣлъ управлять всѣми пружинами онаго дѣла, не показывая впрочемъ, что онъ принимаетъ въ немъ большее участіе, нежели другіе; и каждой думалъ объ немъ, что онъ возбуждается къ тому ревностію и любовію общенароднаго блага. Онъ не рѣдко притворялся сомнѣвающимся о пріѣздѣ своего господина, по причинѣ естественной его несклонности къ отважнымъ и смѣлымъ предпріятіямъ, которыя оставляютъ по себѣ великія слѣдствія. Правда, что отъ того родились въ скорости извѣстныя трудности: но всѣ онѣ служили къ умноженію ободренія, и отдаляли отъ него подозрѣніе, которое легко могли бы на него навлечь тѣ сношенія, которыя онъ имѣлъ съ Принцомъ.

Герцогъ, получа извѣстіе отъ Пинта, немедленно отправился изъ Виллавиціозы, и прибылъ въ замокъ, не въ дальномъ разстояніи находившійся отъ Лиссабона, называемый Алмадою, какъ будто бы для того, что онъ долженствовалъ освидѣтельствовать лично всѣ мѣста и города Португальскіе. Онъ имѣлъ великолѣпной обозъ, и повсюду сопровождаемъ былъ такимъ множествомъ знатныхъ людей и военныхъ Офицеровъ, что легко можно было скорѣе почесть его Королемъ, осматривающимъ свое Королевство, нежели простымъ правителемъ провинціи, которую онъ долженствовалъ освидѣтельствовать. Онъ находился весьма недалеко отъ Лиссабона, и для того не могъ не побывать и у Вице-Королевы для изъявленія ей своего почтенія. Лишь только онъ успѣлъ пріѣхать къ ней, то весь пространной дворецъ и всѣ палаты наполнились множествомъ народа, которой, желая его видѣть, вездѣ тѣснился: все знатное дворянство окружало его, въ препровожденіи его къ Вице-Королевѣ. Во всемъ городѣ видны были общенародныя торжества; и онъ такую возбудилъ въ народѣ радость, что не льзя было не ожидать, чтобъ они не провозгласили его Королемъ, или

чтобъ онъ самъ не рѣшился возложить на главу свою короны.

Но поелику онъ былъ очень благоразуменъ, то и не могъ ввѣрить толико важнаго намѣренія легковѣрному и непостоянному народу. Онъ зналъ, что рѣшительныя побужденія, необходимо нужныя къ предпріятію таковаго дѣла, весьма далеки отъ пустыхъ рукоплесканій, легко народомъ производимыхъ. И такъ разставшись съ Вице-Королевою, онъ возвратился опять въ Алмаду, не желая лишиться Браганскаго престола, и не разъѣзжалъ уже больше по городу, дабы чрезъ то не привесть въ смятеніе Испанцевъ, которыхъ власть совсѣмъ почти была обезоружена.

Пинто получилъ изъ того случай доказать друзьямъ своимъ робкую предосторожность своего господина: онъ представлялъ имъ, что они должны не теряя времени воспользоваться пребываніемъ его въ Алмадѣ, ежели хотятъ съ нимъ объясниться, и по томъ принудить его нѣкоторымъ образомъ къ принятію короны, для спасенія отечества своего. Мятежники одобрили его совѣтъ, и по

томъ

томъ просили его, чтобъ онъ исходатайствовалъ имъ на то позволеніе у своего господина. Пинто съ великимъ удовольствіемъ исполнилъ оное прошеніе ихъ, и Принцъ согласился на предложеніе его, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ изъ всего числа ихъ не больше къ нему пріѣхало трехъ человѣкъ, съ которыми бы онъ могъ имѣть сношеніе; поелику онъ не находилъ во всѣхъ нужды.

И такъ, Михаилъ Амеида, Антоній Алмада, и Мендоза, явились къ нему ночью; и когда были введены тихонько въ его кабинетъ, то тотъ, которому назначено было за всѣхъ говорить, живо представилъ ему нещастное состояніе Королевства, въ которомъ всѣ угнѣтаемы несправедливостію Кастиланцовъ; онъ доносилъ также ему, что онъ и самъ при всемъ его величіи находится не меньше другихъ въ опасности; что не безъизвѣстно уже ему, съ какою ревностію старается Испанскій Министръ о погубленіи его; что для избѣжанія отъ злыхъ намѣреній его, онъ не имѣетъ для себя другаго убѣжища, кромѣ престола; и что для доставленія ему

ему онаго убѣжища, довольное число знатныхъ людей предлагаютъ ему свои услуги, которые соглашаются также для сохраненія его пользы, и для отмщенія чрезъ то Кастиланцамъ, съ удовольствіемъ пожертвовать какъ имѣніемъ своимъ, такъ и жизнію.

Онъ представлялъ также по томъ, что такихъ ужасныхъ насилій не слышно было ни во времена Карла V и Филиппа II, когда Испанцы давали другимъ народамъ законы и приводили въ ужасъ всю почти Европу; что Испанское Королевство, имѣвшее нѣкогда очень великія намѣренія, едва можетъ удержать прежнюю свою власть и силу, по причинѣ частыхъ Голландскихъ и Французскихъ нападеній; что оно подвигло всѣ свои силы къ возстановленію спокойствія въ Каталоніи, что оно не имѣетъ также довольнаго числа ни войскъ, ни денегъ, а сверьхъ того управляется слабымъ Принцомъ, которой во всемъ положился на своего Министра, всемъ Королевствомъ ненавидимаго.

Онъ обнадеживалъ также Герцога въ помощи, которой онъ можетъ ожидать

дать отъ Европейскихъ Принцовъ, недоброжелательствовавшихъ Утрехтскому Двору; что Голландія и Каталонія должны научить его, чего онъ можетъ ожидать отъ великаго Министра, котораго проницательной и высокой умъ ни о чемъ больше не старается, какъ токмо о разрушеніи Утрехтскаго Двора; и что море открываетъ ему безопасной путь для полученія нужной помощи. Онъ представлялъ ему также наконецъ, что многіе гарнизоны выступили изъ Королевства по указу Испанскаго Короля, для дополненія арміи, въ Каталонію отправленной; и что онъ не можетъ никогда впредь имѣть удобнѣйшаго случая для возстановленія своихъ законныхъ правъ, для приведенія въ безопасность своего имѣнія и жизни, и для освобожденія отечества отъ несноснаго ига и рабства.

Можно думать, что таковыя рѣчи были не непріятны Герцогу Браганскому; однакожъ онъ, согласуясь съ своимъ естественно холоднымъ характеромъ, отвѣтствовалъ Депутатамъ на ихъ предложенія такими словами, которыя, казалось, не могли ни лишить, ни умножить надежды.

Онъ

Онъ сказалъ имъ, что онъ довольно видитъ плачевное состоянiе Королевства, да и самъ также находится не въ безопасности отъ Испанцевъ; что онъ не можетъ довольно надивиться ревности ихъ, которую они изъявляютъ для пользы общенароднаго блага, и что онъ весьма благодаритъ ихъ за тѣ прiятныя для него услуги ихъ, которыя они ему предлагаютъ: но что при всемъ томъ онъ сомнѣвается, можно ли уже рѣшиться къ принятiю предлагаемыхъ ему предложенiй, которыя навлекутъ на себя ужасныя слѣдствiя, ежели не получатъ желаемаго конца.

Къ таковому отвѣту своему, которой казался ему не очень увѣрительнымъ, онъ изъявилъ благодарность свою каждому изъ нихъ въ толико ласковыхъ словахъ, что господа Депутаты легко могли понять, что предложенiя ихъ были для него не непрiятны; но впрочемъ они не надѣялись, чтобы Принцъ подалъ имъ на то рѣшительное свое согласiе прежде, пока успѣхи не учинятся извѣстными.

Онъ, принявъ нѣкоторыя новыя мѣры съ Пинтомъ, возвратился немедленно въ

Вил-

Виллавиціозу съ такими безпокойствіями духа, которыхъ онъ никогда еще не ощущалъ до того времени, и которыя лишили уже его навсегда того удовольствія, которое онъ вкушалъ въ уединенной жизни.

Лишь только успѣлъ онъ пріѣхать въ замокъ, то и сообщилъ въ ту же минуту Герцогинѣ, женѣ своей, всѣ тѣ предложенія, которыя ему были дѣланы. Принцесса Олая была природная Испанка, сестра Герцога Медино-Сидонскаго и правителя Андалузіи. Она имѣла природную склонность ко всему тому, что казалось для нея великимъ, и склонность оная учинилась въ ней наконецъ страстію къ обширной славѣ и возвышенію. Герцогъ, отецъ ея, имѣвшій всегда бодрой духъ, старался всевозможно о приведеніи естественныхъ ея дарованій въ совершенство. Особы, окружавшія ее въ младенчествѣ, вдохнули ей чувства исполненныя честолюбія; которое почитается въ мірѣ семъ самою благороднѣйшею вещію и первою добродѣтелію Принцовъ. Она научилась заблаговременно распознавать различныя свойства людей, и по наружности правильно заключать о

виу-

внутреннемъ расположеніи самыхъ глубокихъ политиковъ; и отъ того самаго она легко могла проникать въ сердца всѣхъ своихъ придворныхъ, какъ бы они ни притворялись. Короче сказать, она всегда имѣла довольно бодрости для предпринятія и самыхъ труднѣйшихъ вещей, ежели токмо онѣ казались ей великими и славными, и умѣла изыскивать нужныя средства къ достиженію ихъ. Поступки ея были благородны, знатны и всегда сопровождаемы извѣстною величественною тихостію, которая удобно могла вдохнуть любовь и почтеніе во всѣхъ тѣхъ, которые ее окружали.

Она входила въ подробныя обстоятельства Португалліи съ такою удобностію, что не льзя было не почитать ее рожденною для Лиссабона. Она старалась наипаче пріобрѣсть почтеніе отъ мужа своего, и посредствомъ благоразумныхъ своихъ поступковъ получила въ томъ совершенной успѣхъ. Она пренебрегала всѣми забавами, которыми занимаются обыкновенно люди ея достоинства и лѣтъ, и упражнялась всегда въ такихъ дѣлахъ и вещахъ, которыя могли обогатить ея умъ и учинить сужденіе справедливѣйшимъ.

Но

Не рѣдко Герцогъ Брагачскій радовался, что онъ обладаетъ таковою особою. Онъ имѣлъ къ ней неограниченное почтеніе и совершенную довѣренность; онъ ничего не предпринималъ безъ ея совѣтовъ: и такъ не могъ не посовѣтоваться съ нею и о тѣхъ предложеніяхъ, которыя были сдѣланы ему мятежниками.

Онъ открылъ ей наконецъ планъ мятежа, имена мятежниковъ, усердіе ихъ, принятіе его въ Лиссабонѣ, и каковое также имѣлъ онъ сношеніе съ Алмадою. Онъ объявилъ ей сверхъ того, что дворянство, не желая выступить изъ своего Королевства, и итти въ походъ, назначенный ему въ Каталонію, рѣшилось уже совсѣмъ признать его Королемъ своимъ; и что онъ боялся, дабы чрезъ свое на то несоизволеніе не обратить намѣреній ихъ въ другую сторону: однакожъ не могъ онъ не признаться предъ нею и въ томъ, что великость опасности удержала его отъ того; что когда думалъ онъ слегка о возшествіи своемъ на престолъ, то лестное понятіе о величіи приносило ему великое удовольствіе; но что когда приближилось уже

время

время испытать свое щастіе, и сдѣлать нѣкоторой рыскъ при толико отважномъ предпріятіи: то онъ не могъ также не представлять себѣ и той ужасной опасности, въ которую бы онъ не только себя подвергъ, но и весь свой домъ; что онъ не можетъ положиться на такихъ непостоянныхъ людей, которыхъ и малѣйшая трудность можетъ привести въ замѣшательство и робость; и что дворянство не можетъ ему помочь, ежели не согласится съ знатнѣйшими членами Королевства поступать единодушно; что онъ не вѣритъ также, чтобъ они старались больше о его выгодахъ, нежели о своихъ, и не послужили бы ему иногда опаснѣйшими врагами; и что естественная ревность не позволяетъ людямъ учинить надъ собою Государемъ того, которой былъ имъ равенъ.

Таковыя разсужденія, соединенныя со многими другими, о силѣ и могуществѣ Испанскаго Короля, умѣряли страсть къ царствованію въ Принцовой душѣ. Но Герцогиня, которой духъ былъ отважнѣйшій и честолюбивѣйшій, рѣшилась совершенно имѣть участіе въ предпріятіи мятежа. Видъ толико великаго намѣренія послужилъ къ возбужденію въ ней боль-

шей твердости духа, и къ умноженію желаній могущихъ возвысить ее. Она спросила немедленно Герцога, что ежели Португаллія по причинѣ его отказовъ учинится Республикою, чьей стороны онъ будетъ придерживаться, Испанскаго ли Короля, или новаго онаго правленія? Герцогъ отвѣтствовалъ ей, что онъ во всю жизнь свою будетъ стараться о соблюденіи пользы своего отечества. Намѣреніе ваше, сказала Герцогиня, подаетъ мнѣ случай сдѣлать вамъ другой вопросъ, и которой вы должны будете предложить Депутатамъ Дворянства; и поелику вы хотите подвергать себя великимъ опасностямъ въ достоинствѣ простаго члена Республики, то мнѣ кажется, что для васъ гораздо выгоднѣе и славнѣе будетъ рѣшиться на защищеніе короны, вамъ принадлежащей, и которую какъ народъ, такъ и Дворянство хотятъ на васъ возложить. Она представляла ему потомъ неотъемлемыя его права на корону; и что нещастное состояніе Португалліи не позволяетъ ему оставаться толико равнодушнымъ, ежели онъ не хочетъ, дабы потомки его не упрекали его въ подломъ нерадѣніи и бездѣйственности, яко недостойнаго члена ихъ крови. После

слѣ того она описывала Герцогу выгоды и прелести окружающія корону, удобность получить ее, и удовольствіе царствовать въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ онъ съ великимъ страхомъ повинуется; и представляла ему, что хотя бы онъ не имѣлъ никакой другой помощи, которую ему хотятъ оказать, то и безъ того онъ могъ бы самъ собою выгнать изъ Португалліи Испанцевъ, а особливо въ продолженіи Каталонскаго бунта. Наконецъ она умѣла показать ему корону съ такой лестной и блистательной стороны, что онъ не могъ противъ нея уже устоять больше. Однакожъ она старалась больше прежде о пріумноженіи числа мятежниковъ, и рѣшилась до тѣхъ поръ не входить совершенно въ оное дѣло, пока оно не будетъ приведено къ концу.

Дворъ начиналъ уже въ оное время безпокоиться. Чрезвычайные знаки радости, изъявленные народомъ въ Лиссабонѣ предъ Герцогомъ Браганскимъ, чувствительно и примѣтно подѣйствовали надъ Министромъ.

Онъ, посовѣтовавшись съ Королемъ, рѣшился, для предупрежденія бунта, которой бы легко могли Португальцы учинить,

нить, немедленно возвратить Герцога Браганскаго въ Мадритъ, яко перваго и опаснѣйшаго члена для Королевства. Графъ Герцогъ наслалъ къ нему Королевское повелѣніе, не употребляя уже больше никакихъ къ тому предлоговъ, чтобъ онъ въ самоскорѣйшемъ времени предсталъ къ Королю, для изустнаго увѣдомленія его о состояніи городовъ и войскъ Португальскихъ; онъ писалъ къ нему сверьхъ того и самъ, что всѣ друзья его, при Дворѣ находившіеся, давно желаютъ видѣть его, и что онъ не долженъ притомъ сомнѣваться, чтобъ онъ не былъ принятъ сообвѣтственно своей знатности, произхожденію и чести.

Таковая новость послужила для Герцога громовымъ ударомъ. Поспѣшность и другіе различные предлоги, которые употреблены были для его вызову изъ Португалліи, увѣрили его еще и больше о его погибели. Онъ видѣлъ, что его требуютъ, и не употребляютъ уже къ тому никакихъ хитростей, ни учтивствъ, и что онъ не можетъ не повиноваться. Страхъ, отъ нарушенія вѣрности происходящій, наполнилъ духъ его; и поелику всегда тѣ, которые предпринимаютъ великія

ликія намѣренія, думаютъ, что весь міръ за ними примѣчаетъ и проникаетъ въ ихъ тайну: то и Принцъ оной, будучи довольно благоразумнымъ, но нѣсколько также робкимъ и недовѣрчивымъ, считалъ себя совсѣмъ уже погибшимъ.

Однакожъ дабы увѣдомить своихъ единомышленниковъ о таковомъ нещастіи, то онъ не теряя времени отправилъ въ Мадритъ, по совѣту Герцогини, жены своей, одного умнаго и вѣрнаго пріятеля своего къ Министру съ увѣреніемъ, что онъ въ скоромъ также времени и самъ явится ко Двору. Онъ приказалъ ему сверьхъ того тайно употреблять различные предлоги къ извиненію его нескораго пріѣзда, и отвращать отъ него опасность, пріумножая число мятежниковъ. Дворянинъ оной какъ скоро прибылъ въ Мадритъ, то старался всевозможно увѣрить Короля и перваго Министра, что господинъ его въ слѣдъ за нимъ поспѣшаетъ. Онъ пріуготовлялъ для него пространной домъ, великолѣпно украшенной, и нанялъ для виду въ то же самое время великое множество служителей, которыхъ одѣлъ весьма богато. Онъ всякой день дѣлалъ чрезвычайныя издержки, и

никогда не забывалъ увѣрять, что въ скоромъ времени прiѣдетъ уже Принцъ, которой хотѣлъ явиться ко Двору во всемъ блескѣ своей знатности.

По томъ спустя нѣсколько дней, онъ наученъ былъ распустить слухъ о Принцовой болѣзни, разглашая ее повсюду опасною. И такъ, употребивъ ее новымъ предлогомъ, которой не могъ ему служить на долгое время, онъ представлялъ о томъ Министру, и просилъ его именемъ Герцога, своего господина, чтобъ онъ исходатайствовалъ ему у Короля отсрочку до нѣкотораго времени. Но Министръ, которому всѣ оныя замедленiя казались подозрительными, превозмогъ всѣ трудности, и обратилъ все дѣло посредствомъ Короля въ свою пользу, велѣвъ опять немедленно ему выѣхать изъ Португаллiи и явиться въ Мадритъ.

Мятежники какъ скоро услышали о новыхъ повелѣнiяхъ, которыя Герцогъ получилъ отъ Двора: то, опасаясь, чтобъ онъ не рѣшился исполнить ихъ, отправили къ нему немедленно Мендозу для ободренiя и съ прошенiемъ также, чтобъ онъ не отсрочивая принялъ свои мѣры благороднымъ образомъ. Они для того

упо-

употребили для посольства своего Мендозу, дабы чрезъ то удобнѣе было сокрыть отъ Испанцевъ тайное Намѣренїе его путешествїя; ибо онъ могъ къ нему во всякое время прїѣзжать, яко Надзиратель мѣстъ и земли, лежащей около Виллавицїозы, подъ предлогомъ какихъ нибудь нуждъ, до его должности относившихся. Онъ встрѣтился съ Принцомъ будто ненарочно на охотѣ; ибо таковое время показалось ему наиудобнѣйшимъ для его намѣренїя. Они оба удалились немедленно въ лѣсъ; и когда Мендоза увидѣлъ, что разговору ихъ никто не можетъ попрепятствовать, началъ представлять ему опасность, которой онъ подвергается, отправляясь къ Двору; что онъ, чрезъ таковую довѣренность свою ко врагамъ, можетъ лишить всякой надежды какъ дворянъ, такъ и народъ; что онъ имѣетъ уже довольно великое число знатныхъ людей, рѣшившихся жертвовать для него какъ имѣнїемъ своимъ, такъ и жизнїю; и что они, для показанїя услугъ своихъ ожидаютъ токмо той минуты, въ которую онъ рѣшится избрать для себя или смерть, или корону; что весьма опасно ему отлагать свои выгоды до другаго времени; и что онъ не

долженъ также сомнѣваться, чтобы о такомъ важномъ дѣлѣ, въ которомъ многіе участвуютъ, не узнали также и Испанцы. Герцогъ ему отвѣтствовалъ на сіе, что онъ на все соглашается; и просилъ его по томъ увѣрить своихъ друзей, что онъ совершенно рѣшился учиниться надъ ними Королемъ.

Мендоза тотъ часъ по томъ съ нимъ разстался, дабы не навлечь на себя подозрѣнія отъ тѣхъ, которые бы могли его замѣтить. Ему казалось довольнымъ увѣдомить своихъ единомышленниковъ только о томъ, что онъ находился съ особливою частію охоты; что ловля продолжалась чрезъ долгое время, и что охота окончилась наконецъ щастливо. Онъ увѣрилъ чрезъ то друзей своихъ о щастливыхъ успѣхахъ своего путешествія, и далъ знать имъ, что Принцъ требуетъ къ себѣ Пинта. Они немедленно къ нему отправили онаго, со всѣми нужными наставленіями къ исполненію ихъ намѣренія. Пинто, по пріѣздѣ своемъ къ нему, вскорости увѣдомилъ его о великомъ замѣшательствѣ и неудовольствіяхъ Лиссабонскаго Двора; что Вице-Королева вездѣ жалуется на неумѣрен-

ренную гордость Васконселлуса; что она весьма недовольна тѣмъ, что онъ управляетъ всѣми дѣлами по повелѣнію Испанскаго Двора, и что она пользуется однимъ токмо пустымъ титломъ своего достоинства, и не имѣетъ ни въ чемъ власти. Жалобы оной Принцессы весьма были основательны; ибо она довольно чувствовала себя способною къ отправленію своей обширной должности. Но не могла она впрочемъ примѣтить того, что собственныя ея великія достоинства были главною причиною тому, что ей не позволяли входить ни въ какія Государственныя дѣла. Пинто довольно далъ почувствовать своему господину, сколь много могутъ споспѣшествовать таковые раздоры и несогласія его намѣреніямъ; и что онъ никогда не можетъ имѣть для бунту удобнѣйшаго случая.

Герцогъ Браганскій по отъѣздѣ Мендозы опять впалъ въ обыкновенныя свои нерѣшимости. Чѣмъ нужнѣе было приступать къ дѣлу, тѣмъ больше умножалось въ немъ неизвѣстности и сомнѣній. Пинто всѣми силами старался въ немъ истребить ихъ; и смѣшивая съ своими представленіями и прошеніями угрозы, объяснилъ ему, что онъ давно бы при-

знанъ былъ Королемъ, ежели бы таковымъ не былъ нерѣшительнымъ; и что онъ далѣе отъ своей нерѣшимости не долженъ ничего ожидать другаго, кромѣ великихъ бѣдствій. Герцогиня, жена его, согласясь съ симъ вѣрнымъ слугою, упрекала его медленностію и нерадѣніемъ, что онъ низкую жизнь предпочитаетъ Королевскому достоинству. Герцогъ, стыдясь быть малодушнѣйшимъ жены своей, принялъ всѣ ихъ представленія: но весьма однакожъ безпокоился увѣдомленіями дворянина, въ Мадритѣ пребывающаго. Оной писалъ къ нему всякой почти день, что онъ не въ состояніи уже больше оправдывать его предъ Министромъ, которой не принималъ и не слушалъ никакихъ извиненій. И такъ, видя, что не должно терять времени, онъ рѣшился не разбирать больше выгодъ. Однакожъ между прочимъ онъ велѣлъ дворянину оному представить Графу-Герцогу Оливарскому объ немъ, что онъ и давно бы могъ пріѣхать въ Мадритъ, но не имѣлъ у себя столько денегъ, чтобы можно было явиться ко Двору со всею пышностію, соотвѣтствующею его происхожденію и должности, имъ отправляемой въ Королевствѣ.

Онъ

Онъ старался по томъ съ Герцогинею и Пинтомъ о изысканіи многихъ различныхъ средствъ къ скорѣйшему исполненію своего намѣренія. Наконецъ рѣшился онъ на то, чтобы вопервыхъ склонить на свою сторону немедленно Лиссабонъ, которой, будучи столичнымъ городомъ, удобно бы могъ привесть все Королевство въ возмущеніе; и чтобы также въ тотъ самой день, въ которой признаетъ его Королемъ своимъ столичной городъ, онъ провозглашенъ и признанъ былъ таковымъ и во всѣхъ другихъ городахъ, зависѣвшихъ отъ него; чтобы также по томъ друзья его, начальствовавшіе надъ крѣпостями, обьявили во всѣхъ о томъ мѣстахъ; и что бы также господа мятежники всѣ, имѣвшіе владѣнія и деревни въ своемъ правленіи, возбудили немедленно народъ къ бунту, дабы сія великая новость, распространяясь во всемъ Королевствѣ, вмѣсто всеобщей радости взволновала бы всѣхъ подданыхъ, безъ которыхъ небольшое число Испанцевъ, оставшихся въ Португалліи, не знали бы, куды обратиться съ оружіемъ. Онъ вознамѣрился по томъ ввести полкъ свой въ городъ Элвасъ, котораго начальникъ совершенно ему пре-

преданЪ былЪ. Что же принадлежало до того, какимЪ образомЪ они долженствовали овладѣть ЛиссабономЪ, то онЪ ничего имЪ о томЪ не предписалЪ особливаго; ибо таковое дѣйствіе зависѣло отЪ случаевЪ и времени. ОднакожЪ онЪ имѣлЪ намѣреніе, чтобы они обратили первые свои силы на ДворЪ, дабы захватить Вице-Королеву и всѣхЪ ИспанцевЪ, которые могли бы служить аманатами при дѣланіи крѣпости, безЪ которой они могли бы наносить немалыя городу безпокойствія, когда онЪ учинится ГосударемЪ онаго.

ОнЪ вручилЪ Пинту вѣрющія два письма, одно кЪ Алмеидѣ, а другое кЪ Мендозѣ, вЪ которыхЪ писалЪ кЪ нимЪ, чтобЪ они устояли вЪ вѣрности обѣщанной ему, и не имѣли бы недостатка вЪ бодрости дла исполненія намѣреній. ОнЪ отправилЪ по томЪ Пинта вЪ ЛиссабонЪ, и вручилЪ ему всѣ знаки довѣренности своей, которая обнадеживала его, послѣ благополучной перемѣны всегда пользоваться отЪ него таковою милостію.

КакЪ скоро прибылЪ онЪ вЪ ЛиссабонЪ, то вЪ ту же минуту вручилЪ письма.

ма. Алмеидѣ и Мендозѣ. Они послали немедленно за Лемосомъ и Кореемъ, которые стараніями Пинта совершенно преданы были Герцогу. Они были оба мѣщане, довольно знатные и богатые, и пріобрѣли великую довѣренность отъ всего народа, отправляя городскія должности и управляя довольно знатнымъ числомъ художниковъ, которые состояли на ихъ жалованьѣ. Оба они старались ревностно чрезъ долгое время о возмущеніи мѣщанъ противъ Испанцевъ, распространяя вездѣ слухи о новыхъ налогахъ, которые при началѣ года отъ нихъ востребуются. Они отпустили также многихъ работниковъ, а особливо развратныхъ и къ бунту склонныхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они не могутъ ихъ содержать по причинѣ упадка коммерціи отъ разореній, Испанцами чинимыхъ; хотя въ самомъ дѣлѣ сіе сдѣлано ими было для того, дабы голодъ и бѣдность скорѣе могли ихъ взбунтовать: впрочемъ, желая ихъ удержать на своей сторонѣ, они очень часто помогали имъ въ нуждахъ ихъ. Они имѣли на то тайныя причины съ главными особами каждой четвертой части; дабы наконецъ, обезпечивъ мятежниковъ, удобнѣе можно было учинить

ихъ

ихъ во всякое время готовыми къ бунту.

Пинто, зная довольно расположенiе художниковъ, обратился немедленно къ другой части мятежниковъ: онъ увѣщавалъ ихъ всевозможно, дабы они всегда находились въ готовности къ исполненiю намѣренiя по первому увѣдомленiю, которое они получатъ; чтобы они склоняли также къ тому друзей своихъ подъ предлогомъ какой нибудь частной обиды, не ввѣряя имъ тѣхъ причинъ, которыя подаютъ къ тому случай; ибо много есть такихъ людей, которые бываютъ довольно храбры и отважны, но неудобны къ сохраненiю важной тайны.

И такъ, видя ихъ всѣхъ твердыми, непоколебимыми, разоренными и дышущими уже мщенiемъ противъ Испанцевъ, онъ увѣдомилъ о томъ Алмеиду, Мендозу, Алмаду и Мелла, которые, находя все въ желаемомъ положенiи, назна-
1 Декабря 1660. чили субботнiй день къ исполненiю своего предпрiятiя. Они увѣдомили также Герцога Браганскаго, чтобъ онъ съ своей стороны старался, дабы его въ томъ же самой день и во всей провинцiи Алентейской провозгласили Королемъ; и по томъ согласились назначить и еще одинъ день

для

для собранія, прежде нежели приступятъ къ дѣлу.

Въ 25 день Ноября они сошлись всѣ ночью въ Браганской Дворецъ, яко въ назначенное къ тому мѣсто для своего свиданья. Они нашли, что число участвовавшихъ въ ихъ предпріятіи, составляло около ста пятидесяти человѣкъ знатныхъ дворянъ, да около двухъ сотъ лучшихъ и надежныхъ мѣщанъ и художниковъ, которые посредствомъ своего въ городѣ кредита удобно могли бы къ тому склонить и остальной народъ. 25 день Нояб-ря.

Васконселлосъ первой долженствовалъ быть ихъ жертвою, во удовлетвореніе всей Португалліи. Многіе изъ нихъ предлагали поступить такимъ же образомъ и съ Архіепископомъ Брагизскимъ: они представляли объ немъ, что онъ весьма для нихъ подозрителенъ, по причинѣ великихъ своихъ дарованій; что не должно также и тому вѣрить, чтобъ онъ равнодушно взиралъ на всѣ производимыя въ Королевствѣ движенія; что онъ можетъ удобно учиниться Секретаремъ, склонивъ на свою сторону Испанцевъ, въ городѣ находившихся, и занять съ ними замокъ въ то время, когда бу-

будутъ стараться овладѣть дворцомъ, или вспомоществовать Вице-Королевѣ, которой онъ совершенно преданъ; и что не должно также при таковомъ важномъ дѣлѣ оставлять такихъ враговъ, которые удобно могутъ посредствомъ ложной набожности заставить раскаеваться народъ въ предпріятіи.

Большая половина собранія, принявъ таковыя представленія въ уваженіе, согласилась и его также умертвить; и конечно Прелатъ сей имѣлъ бы одинаковую участь съ Васконселлосомъ, ежели бы Донъ Михаилъ Алмеида не взялъ его стороны. Онъ напротивъ того представлялъ мятежникамъ, что смерть человѣка таковаго званія и достоинства можетъ учинить ихъ ненавистными всему міру; и что таковой поступокъ удобно можетъ навлечь на Герцога Браганскаго ненависть всего духовенства и также Инквизиціи, которая и для великихъ Государей не меньше опасна; и что Герцогъ не только почитаемъ будетъ за то бунтовщикомъ и грабителемъ, но еще предастся и проклятію; что и самъ также онъ можетъ притти въ отчаяніе, ежели принятіе своего престола ознаменуетъ

нуетъ толико немилосердыми и жестокими дѣяніями. Наконецъ онъ заставилъ друзей своихъ совершенно отмѣнить мысли въ разсужденіи жизни Прелата онаго, и они не могли въ томъ никакъ отказать ему.

Тогда оставалось учинить токмо распоряженіе приступамъ и осадѣ. Они рѣшились раздѣлиться на четыре разныя части, дабы со всѣхъ четырехъ сторонъ можно было въ одно время окружить дворецъ, и занять всѣ доступы такъ, чтобъ Испанцы не могли подать никакой взаимной помощи другъ другу. По томъ опредѣлили, чтобъ Донъ Михаилъ Алмеида напалъ на стражу, при входѣ во дворецъ стоящую; чтобъ Оберъ-Егермейстеръ Мелло съ братомъ своимъ и съ Донъ Эстеваномъ Акугною, начальствуя надъ мѣщанами, захватили тѣхъ Испанцовъ, которые всякой день ходили на стражу въ замокъ; чтобъ Теилло де Менезесъ, Оберъ-Камергеръ, Еммануилъ Саа и Пинто, овладѣли покоями Васконселлоса; и дабы Донъ Антоній Алмада, Донъ Каролосъ Норогна и Антоній Салзагнъ захватили особу Вице-Королевы и всѣхъ Испанцовъ, во дворцѣ

нахо-

находившихся вмѣсто аманатовъ, естьли они нужны; чтобъ отрядить также нѣсколько конницы съ отборными мѣщанами для провозглашенія въ городѣ Донъ Іоанна, Герцога Браганскаго, Королемъ Португальскимъ въ то самое время, въ которое вышеупомянутыя особы приступятъ каждый къ своему дѣлу и мѣсту. Что же принадлежало до народа, собравшагося по улицамъ, то его опредѣлено разсылать въ тѣ мѣста, въ которыхъ могли бы оказаться какія нибудь сопротивленія. Они назначили для рѣшенія всѣхъ своихъ намѣреній 1 день Декабря мѣсяца, и велѣли одной половинѣ мятежниковъ сбираться въ домѣ Донъ-Михаила Алмеиды, а другой у Мендозы; ибо всѣ мятежники долженствовали прежде вооружиться.

Въ самое то время, когда друзья Герцога Браганскаго ревностно старались въ Лиссабонѣ о его выгодахъ, первой Министръ, теряя надежду его дождаться, наслалъ и опять ему повелѣніе, немедленно явиться ко Двору; и дабы онъ не извинялся уже болѣе въ недостаткѣ денегъ для своего пути, то присланный къ нему курьеръ вручилъ также ему поз-

позволенїе отъ Графа Герцога, взять десять тысячь дукатовъ изъ Королевской казны.

Онъ чрезъ таковое позволенїе свое довольно могъ объяснить Герцогу Браганскому мысли свои. Но Герцогъ рѣшился уже учинить себя и по справедливости подозрительнымъ. Онъ не имѣлъ уже никакой нужды повиноваться Королевскимъ указамъ; онъ долженствовалъ больше бояться, дабы своимъ медленїемъ не навлечь наконецъ изъ Мадрита печальныхъ указовъ, которые могли бы пресѣчь его намѣренїя и совершенно разрушить предпрїятїе. Однакожъ, поелику полученныя имъ повелѣнїя были очень строги, то онъ немедленно отправилъ большую половину своего дома въ Мадритъ.

Онъ отдавалъ повелѣнїя всѣмъ находившимся въ его управленїи особамъ, какъ человѣкъ приготовившїйся уже въ путь, въ присутствїи онаго курьера. Онъ отправилъ также дворянина къ Вице-Королевѣ съ увѣдомленїемъ о своемъ отъѣздѣ; и писалъ также въ ту же минуту къ первому Министру, что онъ не позже явится ко Двору восьми дней; а

 дабы

дабы имѣть въ томъ достовѣрнаго съ своей стороны свидѣтеля, что онъ весьма щедро наградилъ курьера, подъ предлогомъ своей къ нему благодарности за трудъ, понесенной имъ при доставленіи ему Королевскихъ указовъ. Онъ увѣдомилъ по томъ немедленно мятежниковъ о новыхъ указахъ, полученныхъ имъ отъ Двора; а чрезъ то самое далъ имъ знать, что они безъ всякихъ отлагательствъ должны приступить къ дѣлу, ежели не хотятъ въ томъ предупреждены быть Испанцами. Но мятежники находились также тогда и сами въ такомъ замѣшательствѣ, что ничего не могли предприять въ скорости.

Въ *Лиссабонѣ* находился нѣкоторой знатной человѣкъ, которой при всякомъ случаѣ изъявлялъ свое негодованіе на Испанское Правительство: онъ никогда и нигдѣ не называлъ Испанцовъ иначе, какъ грабителями. Онъ повсюду жаловался на ихъ несправедливости, и весьма ропталъ на походъ, въ Каталонію назначенный, выводя изъ того многія печальныя слѣдствія. Алмада, видя его нѣсколько разъ такимъ образомъ разговаривающаго, почелъ его лучшимъ Португальцомъ и наи-

удоб-

удобнѣйшимъ къ соучаствованію въ ихъ предпріятіи. Но сколь великое было его удивленіе, когда онъ, открывъ ему въ уединенномъ мѣстѣ тайну своего намѣренія, нашелъ его столь робкимъ и подлымъ на дѣлѣ, сколь дерзкимъ на словахъ, и нежелающимъ имѣть никакого участія съ бунтовщиками, подъ предлогомъ ненадежнаго ихъ предпріятія въ таковомъ дѣлѣ! Сколь былъ неустрашимъ онъ, не знавъ дѣла, столько учинился робкимъ, видя, что и ему надлежало раздѣлить съ ними опасность: гдѣ нужныя силы, сказалъ онъ Алмадѣ, для подкрѣпленія толико великаго намѣренія? какія вы имѣете войска для сопротивленія Испанцамъ, которые вездѣ готовы учинить на васъ нападеніе, какъ скоро вы сдѣлаете первое движеніе? и какія особы будутъ управлять ими, и имѣютъ ли онѣ также сами какую нибудь надежду къ всеобщему возмущенію? Я трепещу, прибавилъ онъ къ тому, дабы вы, стараясь такимъ образомъ отмстить Испанцамъ и освободить отечество, не привели его въ совершенное разрушеніе, подавъ чрезъ то предлогъ имъ, котораго они давно ищутъ къ погибели всей Португалліи.

Алмада, видя себя обманутымъ въ своихъ мысляхъ, пришелъ въ отчаянїе отъ своей неосторожности, и отвѣтствовалъ ему, обнаживъ свою шпагу и обратя на него разгнѣванный взоръ свой: надобно, сказалъ ему, чтобы ты или вмѣстѣ съ моею тайною отнялъ у меня и жизнь мою, или чтобы ты остался наказаннымъ самъ за твои обманчивыя рѣчи! Но другой, котораго благоразумїе всегда заставляло отъ опасности удаляться, видя надъ собою обнаженную шпагу, согласился на все то, что ни предлагалъ ему Алмада. Онъ обѣщался имѣть участїе въ бунтѣ, и находилъ уже безчисленныя причины къ опровержению первыхъ своихъ представленїй. Онъ клялся не однократно сохранять ненарушимо тайну. Наконецъ старался всевозможно увѣрить Алмаду, что онъ не отъ робости прежде не соглашался на его предложенїя, но отъ того, что не выразумѣлъ ихъ.

Всѣ таковыя обѣщанїя его и клятвы не могли довольно увѣрить Алмаду, и заставили его не меньше раскаяваться и беспокоиться. Онъ, не теряя его нигдѣ изъ вида своего, увѣдомилъ о таковомъ приключенїи своемъ главныхъ мятежни-

ковъ

ковъ. Робость вскорѣ овладѣла всѣми ими. Они дѣлали различныя разсужденія о легковѣрчивости и непостоянствѣ онаго человѣка; и боялись, дабы страхъ опасности, или великое какое нибудь награжденіе, не учинило его измѣнникомъ, не смотря на всѣ предосторожности ихъ. Послѣ того они рѣшились отложить исполненіе своего намѣренія, и принудили Пинта писать къ Принцу, чтобъ онъ, по полученіи отъ нихъ новостей таковыхъ, и самъ также съ своей стороны отсрочилъ бы назначенной день. Но Пинто, зная, сколь опасно подобныя дѣла отлагать на одинъ день, писалъ тайно къ Принцу, чтобъ онъ не принималъ никакой осторожности по прежнему его письму; и увѣрялъ его, что писать къ нему оное заставило его не что иное, какъ смѣшной страхъ мятежниковъ, которые начали уже и сами въ томъ раскаеваться.

Въ самомъ дѣлѣ, видя на третій день, что никто не примѣтилъ никакой перемѣны, начали они сами стыдиться своей робости; а тотъ, которой нанесъ имъ толикое безпокойствіе, увѣрилъ ихъ и больше еще въ своей вѣрности; а хотя таковое увѣреніе его происходило и

не отъ благородныхъ чувствованій, то по крайней мѣрѣ отъ страха, быть обвиненнымъ и пренебрегаемымъ толико великимъ числомъ знатныхъ людей. Не успѣли они выттти изъ сего замѣшательства, какъ и опять попали въ другое, которое причинило имъ не меньше безпокойствія.

Пинто, желая знать все происходившее во дворцѣ, подсылалъ въ оной нѣсколько человѣкъ мятежниковъ. Они казались въономъ прогуливающимися какъ праздношатающіеся люди, и услышали не за долго предъ исполненіемъ своихъ предпріятій, которыя долженствовали начаться смертію Васконселлоса, что онъ кудато отправляется. Никто изъ нихъ не зналъ причины, побудившей его къ тому. Однакожъ уныніе всѣми ими овладѣло: они увѣряли другъ друга, что онъ, будучи хитрымъ и проницательнымъ человѣкомъ, имѣя вездѣ своихъ подсматривальщиковъ, узналъ ихъ тайну. Всѣ не сомнѣвались, что онъ для того переправляется на другую сторону рѣки, дабы ввести въ городъ нѣкоторыя войска, въ сосѣдственныхъ и близкихъ деревняхъ стоявшія. Вскорѣ по томъ образъ наказанія

нія представился со всѣми ужасами смерти многимъ изъ нихъ: страхъ заставилъ ихъ думать, что уже домы ихъ окружены чиновниками Благочинія; и нѣкоторые изъ нихъ помышляли уже о бѣгствѣ своемъ въ Африку, дабы спастись чрезъ то отъ Испанцовъ. Они провели уже одну часть ночи въ таковыхъ размышленіяхъ, находясь, такъ сказать, между смертію и жизнію, какъ пришли наконецъ мятежники оставшіеся замѣчать у воротъ входящихъ, и увѣрили ихъ, что Секретарь уже опять возвратился, и что онъ ѣздилъ токмо въ гости по приглашенію. -- Всѣ беспокойствія ихъ уступили мѣсто радости, и они совершенно познали, что никто во дворцѣ о предпріятіи ихъ не знаетъ; что всѣ спятъ въ глубокомъ спокойствіи, и что не могутъ даже и помыслить о томъ, что можетъ вскорѣ съ ними воспослѣдовать.

Они разошлись весьма поздо: и къ исполненію предпріятія ихъ оставалось уже нѣсколько токмо часовъ ночи: но и въ сіе толико малое время еще встрѣтилось нѣкоторое приключеніе съ мятежниками. Весьма справедливо, что въ по-

добныхъ предпріятіяхъ всегда бываютъ опасныя неизвѣстности и сомнѣнія, а особливо когда страхъ или надежда принимаютъ въ нихъ великое участіе. Георгій Мелло, братъ Оберъ-Егерь-Мейстера, обыкновенно живалъ въ домѣ одного своего родственника, жившаго въ предмѣстіи города; онъ думалъ, что родственникъ его, будучи ему другомъ, можетъ жаловаться послѣ на него за то, что онъ не ввѣрилъ и ему таковой важной тайны, относящейся до общественной пользы, и которая можетъ быть заставила бы и его съ мятежниками имѣть участіе. Съ таковыми мыслями онъ взошелъ къ нему въ горницу, возвращаясь изъ собранія своего, и отозвавъ его въ свой кабинетъ, открылъ ему о предпріятіи своемъ и совѣтовалъ всячески, какъ честному и истинному Португальцу, присоединиться къ числу толико знатныхъ людей. Другой, удивившись столь странной и нечаянной новости, радовался о вольности. Онъ благодарилъ Мелла за довѣренность, которою онъ почтилъ его; и увѣрялъ также его, что онъ охотно соглашается для услугъ жертвовать жизнію своею и раздѣлить опасность съ толико знатными, честными и справедливыми людьми.

Послѣ

Послѣ таковаго разговора ихъ они разошлись отдохнуть на нѣсколько часовъ, пока между тѣмъ наступитъ время приступать уже къ самому дѣлу. Но не успѣлъ Мелло вступить въ свою горницу, какъ началъ уже и раскаяваться о своей довѣренности. Онъ упрекалъ самаго себя, что безразсудно ввѣрилъ намѣреніе толико знатныхъ людей человѣку, о которомъ онъ не довольно еще и самъ увѣренъ былъ: ему казалось, что онъ примѣтилъ въ немъ тайное нѣкоторое сердечное движеніе при слушаніи тайны весьма опасной и погибельной. Наконецъ онъ началъ опасаться, дабы страхъ угрозъ, или надежда на великія награжденія, не заставили его открыть тайну ихъ.

Наполнивши умъ свой таковыми разсужденіями, онъ ходилъ большими шагами по горницѣ своей, и въ то же самое время услышалъ тихо разговаривающихъ на дворѣ людей. Онъ открылъ свое окошко, дабы подслушать разговоръ ихъ, и при помощи свѣтлой ночи онъ увидѣлъ у воротъ родственника своего, приготовившагося садиться на лошадь. Тотчасъ гнѣвъ и бѣшенство, овладѣвъ его душею,

за-

заставили его выбѣжать изъ своей горницы; онъ погнался за нимъ съ обнаженною шпагою, и по томъ спросилъ у него съ великимъ жаромъ: какое чрезвычайное дѣло заставило его въ полночь ѣхать со двора? какое онъ имѣетъ намѣреніе, и куда хочетъ ѣхать? Другой, будучи приведенымъ чрезъ то въ замѣшательство, изыскивалъ разныя причины къ своему оправданію. Но Мелло, угрожая ему смертію, заставилъ его возвратиться въ горницу, и заперши домъ со всѣхъ сторонъ, не упускалъ его изъ глазъ своихъ, пока не наступилъ часъ, назначенный для приступленія къ самому дѣлу; и по томъ взялъ его съ собою, дабы вмѣстѣ присоединиться къ числу мятежниковъ. Наконецъ наступилъ день, въ которой успѣхи долженствовали рѣшить, какое титло заслужираетъ Герцогъ Браганскій, т. е. учинится ли онъ Королемъ Португальскимъ и свободителемъ отечества, или навсегда останется бунтовщикомъ и Государственнымъ врагомъ.

Суббота 1 Декабря 1640 года.

Мятежники весьма рано собрались у Донъ Михаила Алмеиды и у другихъ господъ, у которыхъ долженствовали они

во-

вооружиться. Они явились къ нимъ съ такою неустрашимостію, что не льзя было не ожидать хорошихъ успѣховъ. Весьма достойно примѣчанія особливо то, что всѣ изъ нихъ какъ духовные, такъ дворяне и мѣщанство, будучи побуждаемы къ тому различными выгодами, устояли непоколебимо въ обѣщанной вѣрности и данномъ словѣ. Каждой ожидалъ изъ нихъ съ великимъ нетерпѣніемъ минуты, назначенной для исполненія своихъ предпріятій, какъ главной начальникъ бунта, и какъ будто бы корона долженствовала послужить для всѣхъ награжденіемъ за тѣ великія опасности, которымъ они себя подвергали. Весьма многіе, даже и женщины, хотѣли имѣть участіе въ славѣ онаго дня. Исторія повѣствуетъ, что Донна Филиппъ де Вилленесъ вооружила собственными своими руками двухъ сыновъ своихъ, и надѣвъ на нихъ латы, сказала имъ: „Подите, любезныя дѣти мои! истребляйте тиранство и отмщевайте за насъ врагамъ нашимъ; будьте также увѣрены, что ежели успѣхи ваши не будутъ соотвѣтствовать нашей надеждѣ, то мать ваша не останется больше ни одной минуты въ живыхъ, видя нещастіе толико знатныхъ людей.„

И

И такъ всѣ вооружившись, отправились къ дворцу разными дорогами, дабы чрезъ то удобнѣе было можно сокрыть свое число и оружіе. Они раздѣлились на четыре части, какъ о томъ и прежде уговорились, и ожидали съ нетерпѣніемъ осьмаго часа, которой назначенъ былъ для начатія дѣла. Никогда время не казалось имъ толико продолжительнымъ. Опасность и страхъ, дабы не узнали о многочисленности ихъ, и дабы Секретарь, увидя ихъ не въ обыкновенное время собравшихся, не проникъ въ намѣреніе ихъ, причиняли имъ мучительныя безпокойствія. Наконецъ восемь часовъ пробило, и Пинто немедленно выстрѣлилъ изъ пистолета, дабы чрезъ то дать знать имъ о наступленіи времени къ начатію своихъ дѣйствій.

Они бросились въ ту же самую минуту къ мѣстамъ, для нихъ прежде назначеннымъ, и заняли ихъ по предписанному порядку. Донъ Михаилъ Алмейда напалъ немедленно на стражу, которая, будучи приведенною въ изумленіе, безъ всякаго почти сопротивленія сдалась.

ОберЪ - Егермейстеръ Мелло, братЪ его и ДонЪ ЭстеванЪ Акугна напали на Испанцевъ, находившихся на стражѣ вЪ замкѣ. Они сопровождаемы были большею частію мѣщанЪ, участвовавшихЪ вЪ заговорѣ ихЪ. Они немедлено устремились сЪ великою храбростію, имѣя вЪ рукахЪ обнаженныя шпаги, вЪ караульню, вЪ которой находились Испанцы. Но никто такЪ не отличилЪ себя изЪ нихЪ столько, какЪ городской СвященникЪ. ОнЪ предшествовалЪ предЪ мятежниками, имѣя вЪ одной рукѣ крестЪ, а вЪ другой шпагу: и возбуждалЪ народЪ ужаснымЪ голосомЪ кЪ умерщвленію враговЪ; онЪ среди живѣйшихЪ увѣщаній своихЪ поражалЪ и самЪ также ИспанцовЪ. Всѣ отЪ него убѣгали; ибо всякЪ, видя его вооруженнымЪ такимЪ предметомЪ, которой Религія заставляетЪ насЪ почитать, не осмѣливался на него напасть, ни себя защищать отЪ него. Между тѣмЪ Испанской ОфицерЪ, по нѣкоторомЪ сопротивленіи сЪ своими солдатами, нашелЪ себя принужденнымЪ сдаться и для спасенія жизни своей кричать, также какЪ и другіе: да здравствуетЪ ГерцогЪ Браганскій, Король Португалліи!

Пинто, имѣя открытой путь ко дворцу, началЪ повелѣвать тѣми, которые дол-

долженствовали окружить покои Васконселлоса. Онъ шелъ туда съ такою рѣшительною надеждою, что, когда встрѣтившись съ однимъ своимъ знакомымъ, вопрошенъ былъ, куда онъ идетъ съ толико великимъ числомъ вооруженныхъ людей, и что хочетъ дѣлать? то отвѣтствовалъ ему улыбнувшись: „ничто „иное, какъ перемѣнить Государя и по„ставить надъ вами законнаго Короля!„

Входя въ покои Секретаря, встрѣтились на лѣстницѣ съ Гражданскимъ Судьею, Францискомъ Соарезъ Албергаріемъ, которой только что успѣлъ отъ него выти. Судья сей, считая, что народъ оной учинилъ частную какую нибудь драку, немедленно употребилъ свою важность для удержанія и усмиренія онаго; но слыша крикъ со всѣхъ сторонъ: да здравствуетъ Герцогъ Браганскій! счелъ себя также должнымъ по своему званію кричать, да здравствуетъ Король Португальскій и Испанскій! но таковыя слова его стоили ему жизни; ибо одинъ изъ мятежниковъ въ ту же почти минуту застрѣлилъ его, считая для себя заслугою наказать его за невѣрность.

Антоній

Антоній Корреа, первой чиновникЪ Секретаря, выбѢжалЪ также, услышавши чрезвычайной шумЪ. Но поелику онЪ весьма много участвовалЪ во всѢхЪ его злодѢйскихЪ дѢйствіяхЪ, и во всемЪ подражалЪ своему господину, презирая Португальское дворянство: то ДонЪ Антоній МенезесЪ, не теряя времени, вонзилЪ ему вЪ грудь мечь свой. Но таковой ударЪ не могЪ увѢрить нещастнаго, что власть его совсѢмЪ уже пресѢклась: ибо онЪ, не понимая, чтобЪ могЪ кто нибудь напасть на него, и считая, что его почли вмѢсто другаго, устремился на Менезеса, и обративЪ на него глаза свои, мщеніемЪ наполненные: какЪ ты осмѢлился, сказалЪ ему, поднять на меня руку? Но другой на вопросЪ сей отвѢчалЪ ему тремя усугубленными ударами, отЪ которыхЪ онЪ повергнулся на землю. Но таковыя раны его не были смертельны; спустя не много времени, онЪ лишился жизни безчестнѢйшимЪ образомЪ отЪ рукЪ палача.

Мятежники, умертвивЪ его, встрѢтившись сЪ нимЪ на лѢстницѢ, старались одинЪ предЪ другимЪ прежде взойти вЪ горницу Секретаря. ОнЪ находил-

ся тогда съ Діего-Гарцезъ-Паллеіа, Капитаномъ пѣхотныхъ войскъ, которой, увидя великое множество вооруженныхъ людей и разъяренныхъ, не сомнѣваяся, что они вознамѣрились умертвить Васконселлоса. Правда, что онъ ничѣмъ не былъ одолженъ оному Министру, однакожъ честь заставила его защищать входъ въ горницу отъ мятежниковъ, а чрезъ то самое дать ему время спастись: но получивъ рану, и не чувствуя силы больше владѣть шпагою, онъ выбросился въ окошко, и былъ столько щастливъ, что не ушибся до смерти.

Мятежники взошли по томъ немедленно въ горницу Секретаря: они повсюду его искали, и искавши все перебили, разбросали и переломали; ибо каждый изъ нихъ хотѣлъ имѣть честь почтить его первымъ своимъ ударомъ.

Однакожъ нигдѣ его не нашли; всѣ они приходили тогда въ отчаяніе, что онъ избѣжалъ мщенія ихъ, какъ одна престарѣлая служанка, страшась смерти, дала имъ знать, что онъ спрятался въ шкафъ, близь стѣны стоявшій, въ которомъ они нашли его покрытымъ бумагами.

Ужасъ

Ужасъ при взглядѣ смерти, со всѣхъ сторонъ его окружавшей, не позволилъ ему проговорить ни одного слова. Донъ Родригъ де Саа, Оберъ-Камергеръ, первой по немъ выстрѣлилъ, и по томъ всѣ мятежники, исколовши его шпагами, выбросили въ окошко съ крикомъ: тиранъ умерщвленъ! да живетъ вольность и да здравствуетъ Донъ Іоаннъ, Король Португальскій!

Народъ, окружавшій дворецъ, видя его выброшеннымъ, произносилъ радостные крики и производилъ рукоплесканія мятежникамъ. По томъ всѣ кинулись къ тѣлу нещастнаго: и каждый въ отмщеніе общественной обиды, дѣлалъ надъ нимъ разныя жестокости.

Таковъ былъ конецъ Михаила Васконселлоса, природнаго Португальца, непримиримаго врага отечеству и предавшагося Испанцамъ. Онъ былъ весьма знающъ въ дѣлахъ, уменъ, хитръ, прилѣженъ къ своей должности, неутомимъ въ трудахъ и имѣлъ другія также великія дарованія. Онъ умѣлъ изобрѣтать различные предлоги для собиранія съ народа податей, а по тому самому и былъ немилосердъ, жестокъ и не щадилъ ни

родственниковъ, ни друзей, ни пріятелей своихъ; никто не могъ его ни на что склонить: онъ былъ нечувствителенъ къ забавамъ и не внималъ никогда гласу совѣсти; онъ собралъ безчисленныя богатства при отправленіи своей должности, которыя во время бунта всѣ были расхищены. Народъ самъ сдѣлалъ надъ имѣніемъ его судопроизводство, и роздалъ его тѣмъ, съ которыхъ онъ получилъ, отправляя свою министерію.

Пинто, не желая терять времени, присоединился немедленно къ числу мятежниковъ, долженствовавшихъ овладѣть дворцомъ и захватить въ немъ особу Вице-Королевы Онъ узналъ, что все и вездѣ происходило съ желаннымъ успѣхомъ. Онъ видѣлъ, что всѣ тѣ, которымъ назначено было окружить палаты оной Принцессы, стояли уже у воротъ и угрожали стрѣлять по нихъ, ежели бы она не велѣла скорѣе отперетъ ихъ. Вице-Королева, будучи сопровождаема своими Фрелинами и Архіепископомъ Брагизскимъ, явилась сама при входѣ въ ея горницу надѣясь раздраженное дворянство успокоить, и усмирить народъ: „я признаюсь господа, „сказала она имъ, обратившись къ главнымъ

„ нымъ мятежникамъ, что Секретарь по „ справедливости навлекъ на себя народ„ ную ненависть и ваше презрѣніе сво„ ими поступками: смерть его освободила „ уже васъ отъ ненавистнаго Министра, „ такъ не должны ли вы уже удовлетворенны „ быть? подумайте, что таковыя дви„ женія во удовольствіе общественное мо„ гутъ еще продолжаться: но ежели вы „ останетесь на долгое время въ тако„ вомъ состояніи, то вы не можете не „ учиниться бунтовщиками, и я сама не „ въ состояніи уже буду извинить васъ „ предъ Королемъ. „

Донъ Антоній Менезесъ отвѣтствовалъ ей, что всѣ знатные люди, стоящіе предъ нею, не для того только вооружились, дабы отнять жизнь у онаго нещастнаго бѣдняка, которой лишился ее отъ рукъ палача: но дабы возвратить Герцогу Браганскому корону, законно ему принадлежавшую, которую у него похитили, и что всѣ они единодушно рѣшились жертвовать съ удовольствіемъ жизнію для возведенія его на престолъ. Она хотѣла ему отвѣчать на сіи слова его, напоминая о власти Короля: но Алмеида, опасаясь, дабы долгой разговоръ не

 успо-

успокоилъ мятежниковъ, прервавъ рѣчь ея, сказавъ ей, что истинный Португалецъ не знаетъ надъ собою другаго Короля, кромѣ Герцога. Всѣ мятежники послѣ сихъ словъ закричали въ одинъ голосъ: да здравствуетъ Донъ Іоаннъ Король Португальскій!

Вице-Королева, видя, что они не приняли ея предложеній, думала найти большее себѣ повиновеніе въ городѣ, и что присутствіе ея можетъ усмирить народъ и мѣщанство, ежели они не будутъ подкрѣпляемы мятежниками: но лишь только захотѣла она выйти, то Донъ Карлосъ-Норогна въ ту же минуту попросилъ ее возвратиться въ свою горницу, увѣряя ее притомъ, что она будетъ принимаема тамъ какъ Королева, и представляя ей притомъ, что для нея весьма не прилично подвергаться нападенію народа, еще не успокоившагося и старающагося о своей вольности. Она легко могла понять изъ таковыхъ словъ его, что власть ея уже пресѣчена; однакожъ не смотря на то, спросила у него съ важностію: но чтожъ мнѣ можетъ народъ сдѣлать? Онъ можетъ васъ выбросить, Ваше Высочество, въ какое нибудь окошко, отвѣтствовалъ Норогна.

Архіепископъ Браганскій дрожалъ отъ гнѣва, слушая таковыя рѣчи его. Онъ выхватилъ шпагу у одного солдата, близь него стоявщаго, желая броситься на мятежниковъ для отмщенія за Вице-Королеву. Онъ конечно былъ бы убитъ, ежели бы Донъ Михаилъ Алмеида, схватя его, не далъ ему почувствовать той опасности, которой онъ чрезъ то подвергался; онъ отвелъ его насильно въ особливое мѣсто и увѣрилъ его, что онъ давно бы могъ лишиться жизни, и не обнаруживая своей храбрости, неприличной сану его, ежели бы онъ о томъ одинъ не упросилъ мятежниковъ, которые его не терпятъ. Архіепископъ послѣ того нашелъ себя принужденнымъ возвратиться въ свое мѣсто, и сокрыть также гнѣвъ свой въ той надеждѣ, что время подастъ ему когда нибудь удобной случай отмстить Норогнѣ за обиду, Испанцамъ причиненную.

Прочіе мятежники захватили Испанцевъ, находившихся во дворцѣ и въ городѣ; они взяли подъ караулъ Маркиза Пиэбла, Оберъ-Гофмейстера Вице-Королевы, и меньшаго брата Маркиза де Аеганесъ, Донъ Дикасъ Карденаса

 Фельд-

Фельдмаршала; ДонЪ Фердинанда де Кастро, главнаго надзирателя морскихЪ силЪ; Маркиза де Баинетто, ОберЪ-Сталмейстера Вице-Королевы, и другихЪ ОфицеровЪ, вЪ ГаванѢ находившихся. Все сіе происходило сЪ великою тишиною, и никто не смѢлЪ сопротивляться, какЪ будто указу Испанскаго Короля. Никто не отважился имЪ помочь, а сами они же вЪ состояніи были ни сопротивляться, ни защищаться, будучи захваченными на постелѢ.

По томЪ Антоній де-СалдегнЪ, предводительствуя своими друзьями, вЪ препровожденіи народа, взошелЪ вЪ верховную палату для объявленій. ОнЪ описывалЪ тамЪ благополучіе Португалліи, которая выручила законнаго Короля своего; и представлялЪ, что тиранство истреблено, и что прежніе законы, чрезЪ долгое время попираемые, опять воспріяли прежнюю свою силу подЪ покровительствомЪ мудраго и справедливаго Принца. Таковая рѢчь его была одобрена всеобщимЪ рукоплесканіемЪ, и отвѢтствовали ему радостными восклицаніями, клонящимися кЪ пользѢ своего Государя. ГонзалезЪ Суза Демацедо, первой членЪ

сего

сего высокаго Двора, и отецЪ Историка, на многихЪ мѣстахЪ нами приводимаго, началЪ по томЪ немедленно читать свои судейскія опредѣленія отЪ имени ДонЪ-Іоанна Короля Португалліи.

ВЪ то время, какЪ Антоній СалдегнЪ располагалЪ всѣхЪ кЪ признанію Герцога Браганскаго КоролемЪ ПортугальскимЪ, ДонЪ-ГастонЪ Кутигно освободилЪ изЪ тюрьмы всѣхЪ тѣхЪ, которые были заключены вЪ оную Испанскими неправосудными Министрами. Сіи бѣдные люди, вышедши изЪ оной и освободясь чрезЪ то отЪ смерти, имѣли великую благодарность кЪ особамЪ даровавшимЪ отечеству ихЪ свободу; и опасаясь, дабы опять не попасть вЪ оковы, присоединились кЪ числу мятежниковЪ, изЪявляя не меньше усердія кЪ возведенію на престолЪ Герцога Браганскаго, какЪ и главные зачинщики бунта.

Среди таковой радости, которой предавались мятежники, получивЪ щастливые успѣхи вЪ своемЪ предпріятіи, Пинто сЪ главнѣйшими членами не совершенно былЪ еще спокоенЪ.

Нѣкоторые Испанцы оставались еще вЪ крѣпости, и онЪ весьма опасался, дабы

бы

бы они не зажгли города и не заставили бы народъ раскаеваться о своей безразсудной радости. Они могли бы также въ случаѣ нужды открыть прямой путь Испанскому Королю въ городъ для возстановленія своей власти. И такъ, почитая все для себя безполезнымъ, ежели не возмутъ крѣпости, они пошли къ Вице-Королевѣ для востребованія отъ нея повелѣнія къ начальнику оной, дабы онъ немедленно сдался.

Вице-Королева отвергнула таковое предложеніе ихъ, и называя ихъ бунтовщиками, спросила у нихъ съ презрѣніемъ, не хотятъ ли также они и ее учинить участницею въ своемъ злодѣйствѣ. Алмада, раздраженный ея отказомъ и исполнившись гнѣва, клялся предъ нею, что ежели она не захочетъ подписать въ ту же минуту повелѣнія, отъ нея требуемаго, то онъ перерѣжетъ немедленно всѣхъ Испанцевъ, подъ стражею содержавщихся. Принцесса, приведенная въ изумленіе его словами, и не желая погубить толико знатныхъ людей, считала, что начальникъ оной крѣпости, зная свою должность, не приметъ ея повелѣнія и легко можетъ догадаться, что оно насиліемъ было

было отъ нея исторгнуто: и такъ она рѣшилась подписать повелѣніе оное; но оно произвело такое дѣйствіе, о которомъ она и не помышляла.

Начальникъ крѣпости оной Испанецъ Донъ Лудвигъ Кампо, весьма боязливой человѣкъ, видя у воротъ крѣпости вооруженныхъ мятежниковъ, сопровождаемыхъ великими толпами народа и угрожающихъ ему смертію при малѣйшемъ сопротивленіи, весьма обрадовался, увидя повелѣніе, которое могло прикрыть его подлость. Онъ сдалъ немедленно крѣпость: а мятежники отправили также въ ту же минуту Мендозу и Оберъ-Камергера къ Герцогу Браганскому съ толико щастливыми извѣстіями и съ увѣреніемъ, что къ совершенному благополучію народа недостаетъ токмо его присутствія.

Всѣ равно желали видѣть его. Знатнѣйшіе чиновники Королевства взирали на возвышеніе свое съ нѣкоторою тайною ревностію; а тѣ дворяне, которые не имѣли никакого участія въ бунтѣ, сохраняли молчаніе, которое означало ихъ неизвѣстность. Нѣкоторые изъ нихъ были и такіе, которые говорили даже, что имъ кажется весьма невѣроятнымъ,

чтобъ

чтобъ Принцъ оной отважился на таковое смѣлое предпріятіе, которое всегда по себѣ оставляетъ ужасныя слѣдствія. Друзья Испанцевъ находились въ великой горести; они не смѣли нигдѣ казаться, дабы не навлечь на себя подозрѣнія отъ неуспокоившагося народа и веселившагося своею вольностію: каждый не выходилъ изъ дому своего въ ожиданіи, что само время покажетъ ему, чего должно опасаться, или ожидать отъ намѣреній Герцога Браганскаго.

Но друзья его, которымъ не безъизвѣстны были всѣ его намѣренія, продолжали путь свой. Они собрались во дворецъ, дабы сдѣлать нѣкоторыя повелѣнія въ ожиданіи Королевскаго прибытія. Они признали единодушно Архіепископа Лиссабонскаго первенствующимъ Членомъ Совѣта и Государевымъ Намѣстникомъ. Онъ отказывался отъ сея должности, представляя, что тогдашнее положеніе города и всего Королевства, требовало человѣка съ большими достоинствами, нежели каковыя онъ имѣлъ. Наконецъ уступилъ усильнымъ прошеніямъ друзей своихъ; онъ согласился на то, но съ тѣмъ токмо, чтобы опредѣ-

лили

лили ему въ помощники Архіепископа Брагизскаго, для тѣхъ дѣлъ, которыя долженствовали въ Коллегіи производимы быть до прибытія Королевскаго.

Чрезъ сіе Прелатъ оной, будучи хитрымъ и проницательнымъ человѣкомъ, хотѣлъ подъ предлогомъ раздѣленія своей власти съ нимъ, учинить его единоумышленникомъ своимъ и по томъ преступникомъ противъ Испанцевъ, ежели онъ приметъ на себя достоинство правителя, котораго ему одно бы токмо пустое титло было предоставлено; или, ежели не приметъ онаго, то навлечь на него гнѣвъ Государя и учинить его совсѣмъ ненавистнымъ для всего народа Португальскаго, яко видимаго врага цѣлаго Королевства.

Архіепископъ Брагизскій довольно ясно видѣлъ разстилаемую для него сѣть; но поелику онъ весьма много преданъ былъ Испанцамъ посредствомъ привязанности своей къ Вице-Королевѣ, то и не захотѣлъ имѣть никакого участія въ правленіи. И такъ Лиссабонской Архіепископъ одинъ отправлялъ свое званіе; къ нему были опредѣлены Государственными Совѣтниками Донъ Миха-

ханлЪ Алмеида, ПетрЪ Мендоза и ДонЪ Антоній Аманда.

Правитель вознамѣрился прежде всего овладѣть большими тремя военными Испанскими кораблями, находившимися вЪ Лиссабонской гавани. Вооружили немедленно нѣсколько барокЪ, на которыхЪ отправились всѣ молодые городскіе жители, желавшіе оказать услуги; но они овладѣли ими безЪ всякаго сопротивленія; ибо большая часть ОфицеровЪ и солдатЪ была захвачена вЪ городѣ во время бунта.

ОнЪ отправилЪ ввечеру того же дня курьеровЪ во всѣ провинціи для приглашенія народа принесть благодарственное моленіе Богу, даровавшему прежнюю свободу ихЪ отечеству; онЪ отправилЪ также сЪ оными курьерами во всѣ Судебныя мѣста и города повелѣнія провозгласить Герцога Браганскаго КоролемЪ ПортугальскимЪ и захватить ИспанцевЪ, вЪ оныхЪ находившихся; по томЪ началЪ приуготовляться кЪ принятію наивеликолѣпнѣйшимЪ образомЪ Принца, котораго ежеминутно ожидали. АрхіепископЪ далЪ знать Вице-Королевѣ, что она весьма хорошо бы сдѣлала, ежели бы выѣхала изЪ дворца, дабы очистить мѣсто Королю

ролю со всемЪ домомЪ его. ОнЪ приуготовилЪ для нея жилище вЪ КоролевскомЪ домѣ, вЪ концѣ города стоящемЪ. Принцесса, узнавЪ о намѣренияхЪ Архиепископа, немедленно оставила ДворецЪ; но весьма уже сЪ холоднымЪ видомЪ и не сказавши ни одного слова, она проѣхала чрезЪ весь городЪ переселяясь вЪ новое жилище свое. Она не была уже больше окружаема великою толпою придворныхЪ, обыкновенно ее сопровождавшихЪ. Едва осталось при ней нѣсколько служителей, и одинЪ токмо АрхиепископЪ Брагизский, всегда имѣя кЪ ней постоянную привязанность, оказывалЪ ей почести, которыя подвергали и его жизнь великой опасности.

ОднакожЪ ГерцогЪ Браганский ощущалЪ мучительныя движения вЪ неизвѣстности своего предопредѣления: все то, что токмо лестная надежда имѣетЪ вЪ себѣ приятнѣйшаго, и все то, что можетЪ вообразить и представлять мучительной страхЪ, входило попеременно вЪ его душу. Далекое разстояние Вилларициозы отЪ Лиссабона препятствовало ему получать новости вЪ желаемое имЪ время. ОнЪ увѣренЪ однакожЪ былЪ уже какЪ о жизни, такЪ и о щастии своемЪ. ОнЪ рѣшил-

шился немедленно, какъ мы о томъ уже и выше упомянули, взбунтовать всѣ города, принадлежавшіе къ его смотрѣнію: однакожъ за лучшее считалъ дождаться извѣстій изъ Лиссабона, дабы поступать соотвѣтственно всему въ столицѣ произшедшему. Городъ Элвасъ съ крѣпостію своею служили для него убѣжищемъ, ежели бы могли въ противномъ случаѣ воспослѣдовать непріятные успѣхи въ Лиссабонѣ; и онъ думалъ даже сокрыть чрезъ то свое участіе въ бунтѣ, а особливо тогда, когда Испанцы увѣрятся, что онъ хотѣлъ остаться невиннымъ.

Онъ разослалъ многихъ курьеровъ по Лиссабонской дорогѣ и хотя онъ получалъ ежечасно извѣстія, однакожъ при всемъ томъ находился въ мучительномъ безпокойствіи до прибытія Мендозы и Мелла въ Виллавиціозу. Они повергнулись немедленно къ ногамъ Принца; и чрезъ таковой почтительной поступокъ, также посредствомъ радости и веселія, которыя были изображены на лицахъ ихъ, они увѣряли его больше, нежели словами своими, что онъ учиненъ уже Королемъ Португальскимъ.

Они хотѣли отдать ему отчетъ въ успѣхѣ ихъ предпріятія. Но Принцъ, не

вхо-

входя въ дальныя обстоятельства сего дѣла, повелъ ихъ съ великою поспѣшностію въ покои Герцогини. Сіи двѣ знатныя особы поздравляли ее съ такимъ почтеніемъ, какъ будто бы она находилась уже на тронѣ. Они увѣрили ее о желаніи ея подданныхъ; и чтобы дать ей больше почувствовать, что она признана ими уже Королевою, то весьма часто называли ее *величествомъ*; таковое титло тѣмъ больше ей нравилось, что прежде сего времени Португальскіе Короли назывались токмо *высочествомъ*.

Легко можно судить о радости Принца и Принцессы сея, представляя тѣ мучительныя беспокойствія, отъ которыхъ избавились, и ту высокую степень щастія, на которую они удачно возведены были. Весь замокъ наполнился радостными восклицаніями; новость сія повсюду распространилась. Онъ въ тотъ же самой день провозглашенъ былъ Королемъ Португальскимъ во всѣхъ городахъ, подъ его вѣденіемъ состоявшихъ. Алфонсъ де Мелло не меньше сего старался о томъ въ городѣ Элвасѣ. Всѣ сбѣгались толпами для изъявленія своей приверженности но-

вому Королю; и можетъ быть, что сіи первыя почести, въ великомъ безпорядкѣ изъявляемыя, не меньше трогали душу Принца, какъ и тѣ, которыя онъ принималъ въ особо назначенный для сего день.

Архіепископъ, будучи правителемъ, отправлялъ поминутно почти курьеровъ къ Герцогу Браганскому, дабы чрезъ то показать предъ нимъ, сколь нужно присутствіе его въ Лиссабонѣ. Послѣдній его курьеръ нашелъ Принца въ понедѣльникъ на половинѣ дороги въ Монтеморѣ, которой для прикрытія своего путешествія забавлялся птичьею ловлею: но не успѣлъ онъ распечатать пакета, какъ и опять получилъ отъ правителя письмо, въ которомъ объявлено ему было, явиться въ Алдегалегу, отъ которой онъ отъѣхалъ уже десять миль; и нашедъ въ оной лодку съ двумя рыбаками, немедленно взошелъ на оную и привезенъ былъ въ Лиссабонъ, миновавъ Тагу, которая имѣетъ въ длину три мили. Г. Абланкуртъ, Посланникъ покойнаго Короля, въ Португалліи находившійся, увѣдомляетъ въ своихъ запискахъ, что Принцъ сей остановился недалеко отъ дворца на нѣкоторомъ довольно пространномъ мѣстѣ, окружен-

женномъ съ трехъ сторонъ дворцами и нѣкоторыми частныхъ людей домами, и съ одною Тагою, которая раздѣлялась отъ нихъ одною токмо стѣною въ видѣ открытой площади; что сіе великое мѣсто наполнено было множествомъ народа различныхъ состояній, которой ожидалъ около двухъ дней своего Государя; но никто изъ нихъ, говоритъ Писатель сей, не примѣтилъ, видя оную лодку, что въ ней находился Король: онъ никѣмъ не былъ примѣченъ, и пробивался сквозь толпу народа, какъ частной человѣкъ, и о прибытіи его тогда токмо узнали, когда онъ взошелъ на нѣкоторое возвышенное мѣсто, нарочито для него сдѣланное; онъ обрадовалъ тогда собою всѣхъ Португальцовъ, и провозглашенъ былъ Королемъ съ радостными поздравленіями.

Ввечеру зажжены были различные огни, пріятно разположенные во всѣхъ мѣстахъ. Всѣ жители освѣтили огнемъ свои домы; во всю ночь блистали повсюду пламенныя плошки, и, казалось, весь городъ усѣянъ былъ огнемъ: одинъ Испанецъ, взирая на сіе прекрасное огненное зрѣлище, сказалъ, что Принцъ сей весьма щастливъ; ибо ему прекрасное Королевство стоило огня радости.

ВЪ самомЪ дѣлѣ, весьма скоро воспослѣдовало всеобщее возмущеніе во всемЪ Королевствѣ. Казалось, что каждый городЪ пріуготовленЪ уже былЪ кЪ подражанію примѣрамЪ столичнаго города. Перемѣна сія была сколь скорая, столь и всеобщая. Каждый день пріѣжжали курьеры кЪ Королю сЪ извѣстіями изЪ всѣхЪ городовЪ и провинцій, что Испанцы выгнаны изЪ оныхЪ. Начальники крѣпостей не больше сопротивлялись, какЪ и Лиссабонской, и не имѣвЪ довольно ни войска, ни храбрости кЪ сопротивленію, убѣгали постыднымЪ образомЪ, опасаясь смерти. Каждый изЪ нихЪ опасался, дабы не было сЪ нимЪ поступлено такимЪ же образомЪ, какЪ и сЪ ВасконселлосомЪ: для нихЪ ничего не было ужаснѣе разЪяреннаго народа. И такЪ можно сказать, что оні бѣжали изЪ Португалліи сЪ такою же поспѣшностію, какЪ безчестные преступники изЪ тюрьмы, и не оставалось во всемЪ Королевствѣ ни одного Испанца, которой не былЪ бы взятЪ подЪ стражу; и вся перемѣна сія произошла вЪ двѣ недѣли во всемЪ Королевствѣ.

ОдинЪ токмо ДонЪ ФернандЪ де Квева, начальникЪ крѣпости Св. Іоанна,

рѣ-

рѣшился сопротивляться всеобщему возмущенію и устоять непоколебимо въ вѣрности къ своему Государю. Гарнизонъ его составленъ былъ изъ Испанцевъ, управляемыхъ храбрыми Офицерами, которые весьма удачно сопротивлялись противъ первыхъ Португальскихъ приступовъ. Крѣпость оную надлежало осаждать правильнымъ осразомъ. Изъ Лиссабона были привезены пушки. Траншея была открыта, не взирая на безпрерывной огонь и вылазки, производимыя осаждаемыми. Но поелику путь переговоровъ всегда бываетъ въ такомъ случаѣ надежнѣйшимъ и кратчайшимъ къ полученію хорошихъ успѣховъ: то Король сдѣлалъ столь выгодныя предложенія начальнику крѣпости, что онъ не могъ долѣе сопротивляться. Онъ былъ ослѣпленъ знатною суммою денегъ и орденомъ Кавалеровъ острова Мальты. Согласясь на предложенія, онъ сдалъ немедленно крѣпость подъ предлогомъ недостатка въ войскѣ къ ея защищенію, не смотря на то, что главные Офицеры гарнизона не согласовались съ его мнѣніемъ.

Король, старающійся о своихъ выгодахъ, за лучшее разсудилъ, безъ дальныхъ

ныхъ отлагательствъ короновать себя, дабы чрезъ то освятить свое Королевское достоинство, и учинить особу свою для народа священною. Обрядъ сей исполненъ былъ въ 15 день Декабря великолѣпнымъ образомъ. Герцогъ Авеиро, Маркизъ де Вилляреаль, Герцогъ де Каминъ сынъ его, Графъ Монзано и другіе высокіе чиновники Королевства, находились при ономъ. Архіепископъ Лиссабонскій, начальствуя надъ духовенствомъ, сопровождаемый Епископами, встрѣтилъ его у воротъ соборной церкви; и признанъ былъ торжественно Королемъ Португальскимъ всѣми чиновниками Королевства, которые учинили ему присягу въ вѣрности.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, прибыла въ Лиссабонъ и Королева съ многочисленною свитою своею. Весь Дворъ вышелъ къ ней на встрѣчу: чиновники, назначенные къ ея Двору, явились предъ нее въ готовности, да и Король также самъ выѣхалъ изъ Лиссабона для принятія ея. Принцъ сей не упускалъ ни одного великолѣпія, соотвѣтствующаго новому ея достоинству и увѣряющаго, что онъ не меньше и ей обязанъ за свою корону. Примѣчено, что при перемѣнѣ щастія,

Ко-

Королевское достоинство не перемѣнило ни мало Королевы, и что она поддерживала его съ такою величественною тихостію, какъ будто была рождена для трона.

Таковые-то были успѣхи предпріятія, которое можно назвать чудомъ, въ разсужденіи тайны, ввѣренной людямъ различнаго состоянія. Но сіе происходило отъ чувствованій естественнаго отвращенія, которое каждой изъ нихъ питалъ чрезъ долгое время противъ Испанскаго правленія: чувствованія сіи происходили какъ отъ частыхъ сраженій, которыя сии имѣли между собою, будучи и въ сосѣдствѣ, такъ и отъ общихъ стараній, прилагаемыхъ ими въ разсужденіи коммерціи, въ Индіи отправляемой, и которыя наконецъ обратились въ непримиримую вражду съ того времени, какъ Португальцы были покорены Кастиліею.

Новость сія дошла до Испанскаго Двора. Она чувствительно тронула Министра; и онъ приходилъ въ отчаяніе, что не могъ онаго бунта предупредить. Король, его Государь, не имѣлъ нужды въ новыхъ дѣлахъ; ему довольно многаго стоило защищаться отъ Французскаго

и Голландскаго оружія; что же принадлежало до Каталонскаго бунта, то онъ служилъ ему опаснѣйшимъ примѣромъ и наносилъ великія беспокойствія.

Весь дворъ уже зналъ о сей новости; отъ одного токмо Короля была она закрыта: никто не смѣлъ о томъ увѣдомить его, опасаясь Министра, который никогда не прощалъ тѣмъ, которые вмѣшивались въ его дѣла. Наконецъ вѣсть сія повсюду возбудила великой шумъ, и Графъ-Герцогъ, опасаясь, дабы кто нибудь изъ его недоброжелателей не предупредилъ его въ донесеніи о томъ Королю, рѣшился самъ увѣдомить его. Но поелику онъ совершенно зналъ разумъ своего Короля, то обратилъ оное произшествіе въ такую сторону, что Король никакъ не могъ почувствовать всей потери своей. Государь! сказалъ онъ ему съ веселымъ видомъ; я хочу вамъ сообщить нѣкоторую щастливую новость. „Вы не давно получили великое Графство „со многими лучшими землями. -- Какимъ „образомъ? спросилъ у него удивленный „Государь. -- Участь сія пала на Герцога „Браганскаго, отвѣчалъ Министръ сей: „онъ учинилъ небольшой бунтъ и при-

„знанъ

„ знанъ нѣкоторыми немногими бунтовщи-
„ ками Королемъ Португальскимъ: все
„ имѣніе его описано; и теперь остает-
„ ся токмо присоединить его къ вашему
„ владѣнію, а чрезъ истребленіе онаго
„ Двора, Ваше Величество будете уже
„ царствовать, не имѣя никакихъ беспо-
„ койствій.„

Но сколь ни былъ слабаго разсужденія Принцъ сей, однакожъ не вдругъ ослѣпился толико великолѣпною надеждою, не понимая, какимъ образомъ такъ легко могло все сіе произойти. Но поелику онъ не могъ видѣть далѣе, какъ сколько позволилъ ему Министръ: то совѣтовалъ ему токмо стараться о прекращеніи бунта, могущаго оставить по себѣ опасныя слѣдствія.

Въ самомъ дѣлѣ Португальскій Король не упускалъ ничего нужнаго къ утвержденію своего новаго величія. По прибытіи своемъ въ Лиссабонъ, онъ назначилъ немедленно во всѣ рубежныя мѣста начальниками вѣрныхъ, усердныхъ и опытныхъ людей, которые немедленно отправились, и каждый изъ нихъ, занявъ свое мѣсто, трудился съ великимъ тщаніемъ о приведеніи его въ безопа-

сность. Онъ отдалъ также въ то же самое время повелѣніе набирать войска; и непосредственно по принятіи престола учредилъ Штаты Королевства. Онъ разсматривалъ прилѣжно свои права на корону, дабы не упустить ничего нужнаго къ показанію Португальцамъ ихъ справедливости, и чрезъ торжественное дѣйствіе онъ признанъ былъ истиннымъ и законнымъ Королемъ Португальскимъ, яко произшедшій посредствомъ матери своей отъ Инфанта Эдуарда, Еммануилова сына. Что же принадлежало до Испанскаго Короля, то онъ исключенъ былъ, яко произшедшій отъ дочери онаго Короля, которая по законамъ Королевства не имѣла никакого права на корону, вышедши замужъ за иностраннаго Принца.

Онъ объявилъ въ главномъ собраніи Штатовъ, что онъ можетъ довольствоваться однимъ токмо своимъ наслѣдственнымъ имѣніемъ, и не имѣетъ нужды ни въ какихъ доходахъ для содержанія своего Двора, и что предоставляетъ также все Королевское наслѣдственное имѣніе для нуждъ государственныхъ. А дабы наконецъ дать почувствовать живѣе народу свое правленіе, то онъ уничтожилъ всѣ налоги, Испанцами учрежденные.

Онъ

Онъ возложилъ государственные чины и знатнѣйшія должности на тѣхъ мятежниковъ, которые казались ему достойнѣйшими, и которые показали больше другихъ усердія при возведеніи его на престолъ. Но Пинто не имѣлъ никакого участія при оной всеобщей перемѣнѣ; ибо Государь не почиталъ еще себя довольно сильнымъ къ возвышенію на высокую степень чести одного изъ своихъ служителей, которой былъ самаго посредственнаго происхожденія: однакожъ чрезъ то не меньше онъ имѣлъ власти надъ Королемъ и надъ цѣлымъ Государствомъ; и можно объ немъ смѣло сказать, что онъ, не имѣвъ титла ни Министерскаго, ни Секретарскаго, отправлялъ всѣ должности посредствомъ чрезвычайной довѣренности, которую къ нему имѣлъ Государь.

Приведши все такимъ образомъ по желанію своему въ порядокъ, онъ старался всячески соединиться съ непріятелями Испанскаго Короля, и возбудить противъ него сверьхъ того и новыхъ. Онъ весьма желалъ склонить на свою сторону Герцога Медина Сидонскаго, своего свояка и правителя Андалузіи, совѣтуя

ему

ему учиниться по примѣру его независимымъ. Исполненіе таковаго намѣренія поручено было Маркизу Айамонту, Испанскому владѣльцу, родственнику Португальской Королевы.

Новый Португальскій Король, дабы учиниться извѣстнѣйшимъ, отправилъ немедленно по томъ Посланниковъ ко всѣмъ Европейскимъ Дворамъ. Онъ учинилъ съ Голландцами и Каталонцами союзъ для нападенія и обороны; и ожидалъ также покровительства отъ Франціи. Испанскій Король самъ обнаружилъ свою слабость: онъ не принялъ никакой предосторожности на Португальскихъ границахъ въ продолженіи оной кампаніи; ибо тогда всѣ силы его были обращены къ усмиренію Каталонскаго бунта. Онъ не имѣлъ никакихъ успѣховъ въ своихъ предпріятіяхъ: войска его всегда претерпѣвали уронъ. Спустя нѣсколько времени послѣ того, получено было извѣстіе, что Гоа и другіе принадлежавшія Португальскому владѣнію мѣста какъ въ Индіи, такъ и въ Африкѣ и Перу, послѣдовали также всеобщему возмущенію Королевства. Такимъ образомъ казалось все споспѣшествовавшимъ щастливымъ успѣхамъ Порту

шугальскаго Короля, и обѣщавало учинить спокойнымъ и славнымъ царствованіе его; но при всемъ томъ жизнь сего Принца находилась еще въ величайшей опасности посредствомъ заговора, учиненнаго въ Лиссабонѣ и при Дворѣ его.

Архіепископъ Брагазскій, будучи весьма преданнымъ Испанскому Двору, отправлялъ въ Португалліи должность Министра. Онъ ясно видѣлъ, что ему нельзя было надѣяться достигнуть до прежней своей власти, пока опять не возстановится Испанское правленіе; онъ боялся также, дабы Король, уважившій его характеръ, не поступилъ наконецъ такъ же, какъ и съ прочими Министрами. Однакожъ чрезвычайная его привязанность къ Вице-Королевѣ болѣе всего побуждала его къ славнымъ предпріятіямъ. Онъ взиралъ всегда на сію Принцессу съ истиннымъ прискорбіемъ и отчаяніемъ; но всего прискорбнѣе для него было то, что ему запрещено было къ ней ходить, также и всѣмъ знатнымъ людямъ, имѣвшимъ на то позволеніе: съ тѣхъ поръ, какъ узнаво было, что они пользуются свободою, которая была предоставлена была Королемъ для возбужденія къ бунту всѣхъ

Пор-

Португальцовъ, ее окружавшихъ. Таковой поступокъ казался ему несносным: всегда казалось, что Принцесса, за всѣ свои къ нему милости, проситъ одной токмо отъ него свободы. Воспоминовеніе ея благодѣяній возжигало его гнѣвъ и заставляло его рѣшиться на всѣ опасности, для изъявленія своей благодарности и для отмщенія ея врагамъ. Но поелику весьма трудно было подкупить или обмануть стражу приставленную къ ней, то онъ рѣшился обратиться прямо къ источнику, и чрезъ умерщвленіе Короля возвратить ей прежнюю и власть и свободу.

Утвердивъ себя въ таковомъ намѣреніи, онъ изыскивалъ всѣ средства къ скорѣйшему исполненію своего предпріятія, вѣдая притомъ, что не долго уже ему можно оставаться при своей должности, и что необходимо нужно будетъ удалиться въ Брагу. Онъ скоро разсудилъ, что ему надлежало итти совсѣмъ другимъ путемъ, нежели Королю; что не можетъ также склонить на свою сторону народа по причинѣ всегдашней ненависти къ Испанцамъ; и что дворянство, возведшее на престолъ Короля, не согласится имѣть участіе въ бесполезномъ

заговорѣ. Онъ видѣлъ, что ему можно было ожидать помощи отъ однихъ токмо великихъ людей, которые, не имѣвъ никакого участія въ бунтѣ, съ неудовольствіемъ взирали на возвышеніе Браганскаго Двора. И такъ, надѣясь твердо на покровительство Испанскаго Министра, онъ обратился къ Маркизу Виллареалю.

Онъ далъ почувствовать вопервыхъ сему Принцу, что новой Король, имѣя робкой и подозрѣвающій духъ, старается непрестанно о истребленіи его Двора, дабы не оставить своему преемнику между подданными сильныхъ недоброжелателей; что онъ Герцогомъ Авеиромъ отдаленъ отъ Государственныхъ должностей; и что всѣ чины и достоинства служатъ токмо награжденіемъ для однихъ мятежниковъ; что всѣ добрые люди съ соболѣзнованіемъ взираютъ на презрѣніе, ему оказываемое; что онъ мало по малу ослабѣваетъ, предаваясь недостойной праздности въ своей провинціи; что самое происхожденіе его не позволяетъ ему быть подданнымъ такого малаго Короля; и что наконецъ онъ лишился своего Государя въ особѣ Испанскаго Короля, которой одинъ могъ возлагать на него

него должности, соотвѣтствующія его знатности и происхожденію.

Примѣтивъ, что слова его довольно подѣйствовали надъ духомъ онаго Принца, объявилъ ему потомъ, что онъ имѣетъ повелѣніе отъ Испанскаго Двора обѣщать ему Португальское Вице-Королевство въ награжденіе вѣрности. Но не въ семъ только состояло намѣреніе Архіепископа; онъ старался единственно о свободѣ и о возстановленіи своей Принцессы. Ему надлежало убѣдить къ тому Маркиза Виллареаля еще сильнѣйшими причинами; и онъ, послѣ всѣхъ Архіепископовыхъ представленій, учинился главнымъ зачинщикомъ съ сыномъ своимъ сего дѣла.

Архіепископъ, надѣясь на сихъ двухъ Принцовъ, согласилъ также на то и Духовнаго Судью, яко перваго своего друга. Вступленіе Судьи въ оное дѣло весьма много споспѣшествовало Архіепископовымъ намѣреніямъ; ибо онъ надѣялся, что всѣ Офицеры, при Инквизиціи находившіеся, непремѣнно послѣдуютъ его примѣру. Онъ склонилъ его къ тому вопервыхъ подъ предлогомъ набожности, воспоминая ему о присягѣ, учиненной Испанскому Коро-

лю

лю въ вѣрности, и доказывая, что присяга никогда не должна нарушаема быть, и особливо для бунтовщика; вовторыхъ представляя ему опасность, которой они легко могутъ оба подвергнуться и лишиться своихъ чиновъ при царствованіи такого Принца, которой любитъ возлагать всѣ должности и достоинства на преданныхъ ему единомышленниковъ.

По прошествіи нѣкотораго времени онъ довольно собралъ мятежниковъ; главными изъ нихъ Депутатъ города Крусады, Графъ Армамаръ, племянникъ Архіепископовъ; Графъ де Баллересъ; Донъ-Августинъ Еммануилъ; Антоній Коррея, тотъ самой Васконселлосовъ любимецъ, которому Менезесъ во время бунта далъ нѣсколько ударовъ; Лаврентій Пидезь Карвабль, хранитель Королевской жизни, и всѣ тѣ, которые своими достоинствами и имѣніемъ обязаны Испанцамъ, и которые также не надѣялись быть при первыхъ своихъ достоинствахъ прежде, пока опять не овладѣютъ Португалліею Кастилланцы.

Они склонили на свою сторону и всѣхъ Жидовъ, которыхъ великое множество находилось въ Лиссабонѣ; ибо Ко-

роль не за долго предъ тѣмъ не принялъ отъ нихъ знатной суммы денегъ, которую они подносили ему для того, чтобъ онъ позволилъ имъ свободно отправлять ихъ служеніе. Не трудно было Архіепископу уговорить ихъ при тогдашнемъ положеніи ихъ. Онъ переговорилъ о семъ только съ главными изъ нихъ, которые весьма боялись подвергнуться суду и испытать надъ собою всѣ мученія строгой Инквизиціи.

Прелатъ сей, будучи весьма знающимъ, умѣлъ и страхъ ихъ обратить въ свою пользу: онъ увѣрилъ ихъ о покровительствѣ Духовнаго Судьи, и далъ имъ знать о соизволеніи его на то; потомъ заставилъ ихъ опасаться быть изгнанными изъ Португалліи во время царствованія такого Государя, которой любилъ однихъ токмо Католиковъ; и въ то же самое время обѣщалъ имъ именемъ Испанскаго Короля свободное отправленіе богослуженія, ежели они постараются о возстановленіи его власти.

Страсть сего Архіепископа была столь сильна, что онъ ни мало не стыдился просить помощи у враговъ своего Господа для низверженія съ престола законнаго

наго своего Государя: и я думаю, что Инквизиція въ первой еще разъ тогда соединилась и дѣйствовала вмѣстѣ съ Синагогою.

Мятежники, послѣ многихъ различныхъ намѣреній своихъ, рѣшились наконецъ на предложеніе Архіепископово, которой всегда имѣлъ сношеніе съ первымъ Испанскимъ Министромъ; предложеніе оное состояло въ томъ, чтобъ Жиды ночью въ 5 день Августа мѣсяца зажгли дворецъ и въ городѣ также многіе домы, дабы каждый изъ жителей занялся собственнымъ своимъ домомъ; чтобъ мятежники бросились во дворецъ подъ предлогомъ защищенія его отъ пожара, и среди замѣшательства, необходимо при ономъ случающагося, умертвили бы Короля; чтобъ Герцогъ де Каминъ захватилъ Королеву съ Принцами, ея дѣтьми, съ такимъ намѣреніемъ, съ каковымъ взята была Вице-Королева при сдачѣ крѣпости; чтобъ въ то же самое также время народъ постарался зажечь флотъ; чтобъ Архіепископъ шествовалъ съ Духовнымъ Судіею и другими чиновниками Инквизиціи по городу для усмиренія народа и воспрепятствованія ему

бунтовать, посредствомъ страха, Инквизиціею наносимаго; и чтобъ Маркизъ де Виллареаль принялъ по томъ Государственное правленіе, въ ожиданіи дальнѣйшихъ повелѣній отъ Испаніи.

Но поелику они не были еще совершенно увѣрены о народѣ, то имѣли не малую нужду въ войскахъ для подкрѣпленія своего предпріятія. Они согласились просить Графа Герцога, чтобъ онъ прислалъ знатной флотъ, который бы, находясь во всегдашней готовности при открытіи мятежа, вступилъ немедленно въ гавань; и чтобъ для полученія лучшихъ успѣховъ, подоспѣли также войска, ежели бы могло случиться какое нибудь сопротивленіе.

Но весьма трудно было мятежникамъ о семъ дѣлѣ имѣть нужныя сношенія съ первымъ Испанскимъ Министромъ; ибо съ того времени, какъ узналъ Король, что Вице-Королева писала въ Мадритъ, учреждена на границахъ толико крѣпкая стража, что никого не выпускали изъ Королевства безъ явнаго вида. Они не смѣли рѣшиться подкупить стражу, опасаясь быть обманутыми

ми въ своемъ намѣреніи, и дабы кто нибудь о томъ не донесъ на нихъ.

Наконецъ, весьма сильно желая увѣдомить о своемъ намѣреніи Испанскаго Министра, безъ котораго они ничего не могли предпринять, прибѣгнули къ одному богатому Лиссабонскому купцу Баезѣ, которому, по причинѣ отправляемой имъ великой торговли, не запрещено было отъ Короля отправлять письма и въ Кастилію. Купецъ оный былъ уже Христіянскаго исповѣданія; однакожъ находился еще въ числѣ тѣхъ, которыхъ называютъ въ Португалліи новыми Христіянами, и за которыми также подсматриваютъ, не сохраняютъ ли они втайнѣ и Іудейскихъ преданій. Чтобъ учинить его своимъ единомышленикомъ, поднесли ему знатную сумму денегъ. Онъ по прошенію Жидовъ принялъ оныя деньги, и взялся доставить письма къ Графу Герцогу Оливарскому.

Онъ надписалъ пакетъ свой на имя Маркиза Айамонта, правителя и начальника первой пограничной крѣпости Испанской, считая, что всѣ письма его нигдѣ уже не будутъ задержаны, какъ скоро выдутъ изъ владѣній Португальскихъ.

Маркизъ оный былъ ближайшій родственникъ Португальской Королевы, и имѣлъ всегдашнее почти сношеніе съ новымъ Королемъ; онъ весьма удивился, нашедъ въ своемъ письмѣ пакетъ, запечатанный великою печатію Инквизиціи Лиссабонской, и надписанной на имя перваго Министра Испанскаго. Онъ немедленно его распечаталъ, опасаясь, не увѣдомляютъ ли Министра о его тѣсномъ и тайномъ союзѣ, въ которомъ онъ находился съ Португальскимъ Королемъ, и напротивъ того нашелъ въ немъ планъ мятежа близкаго къ открытію, котораго главною цѣлію было истребленіе Королевскаго Двора. Онъ отослалъ немедленно пакетъ къ Португальскому Королю. Не можно изобразить того удивленія, въ которомъ находился Государь, увидя изъ писемъ, что Принцы, его родственники, Архіепископъ и другіе также знатные люди, при Дворѣ его находившіеся, которые всегда казались ему радовавшимися о его царствованіи, вознамѣрились лишить его не только короны, но и самой жизни.

Онъ немедленно собралъ Тайной Совѣтъ, и по прошествіи нѣсколькихъ дней все то исполнено, что опредѣлено

было

было въ ономъ. Въ пятый день Августа назначено въ 11 часовъ произвести опредѣленіе въ дѣйство, слѣдуя перехваченному плану. Король повелѣлъ въ оный день вступить въ Лиссабонъ всѣмъ войскамъ, находившимся въ близкихъ деревняхъ, подъ предлогомъ смотра, которой долженствовалъ быть предъ дворцомъ. Онъ роздалъ тайно собственною своею рукою запечатанныя записки всѣмъ тѣмъ Придворнымъ, на которыхъ полагался, и приказалъ имъ не прежде двѣнатцати часовъ распечатывать ихъ, и потомъ поступать по нихъ въ самой точности. Послѣ того призвавъ въ свой кабинетъ Архіепископа и Маркиза де Виллареаля, подъ предлогомъ нѣкоторыхъ дѣлъ, и отдалъ ихъ подъ стражу около полудни безъ всякаго шуму: а Капитанъ гвардіи въ то же самое время взялъ подъ караулъ Герцога Камина. Прочіежъ, разпечатавъ свои записки, нашли въ оныхъ повелѣніе захватить мятежниковъ и содержать подъ крѣпчайшимъ карауломъ до новыхъ повелѣній. Всѣ мѣры были приняты къ исполненію повелѣній въ самой точности, и въ одинъ часъ захвачено мятежниковъ сорокъ семь человѣкъ.

Слухъ о семъ бунтѣ распространился по всему городу. Народъ бѣжалъ толпами ко дворцу, и требовалъ съ великимъ крикомъ измѣнниковъ. Король хотя съ удовольствіемъ взиралъ на общенародное усердіе, однакожъ не меньше и безпокоили его сіи великія толпы. Онъ боялся, дабы народъ не пріучился впредь къ подобнымъ движеніямъ, въ которыхъ всегда находится нѣчто возмутительное. И такъ, поблагодаря всѣхъ за попеченіе, которое имѣли о его жизни, и увѣривъ ихъ о наказаніи виновниковъ, отправился немедленно въ Магистратъ, дабы чрезъ то заставить ихъ возвратиться въ свои домы.

Однакожъ, опасаясь не утолить народной ненависти, которая устремлялась съ великимъ бѣшенствомъ противъ преступниковъ, вмѣсто сожалѣнія, на которыхъ должно бы взирать какъ на нещастныхъ, нашелъ себя принужденнымъ объявить, что мятежники вознамѣрились было умертвить его со всею Королевскою фамиліею, и зажечь городъ, и что Испанская политика, для избѣжанія впредь новыхъ бунтовъ и для совершеннаго отомщенія, рѣшилась вновь населить городъ

Ка-

Кастилланцами, а мѣщанъ всѣхъ сослать въ Америку и зарыть живыхъ въ землю, какъ то уже до сего и поступлено съ нѣкоторыми.

По томъ опредѣлилъ Судей на мѣста мятежниковъ, взятыхъ изъ Верховной Палаты; онъ избралъ къ тому знатнѣйшихъ чиновниковъ Королевства.

Король приказалъ Коммисарамъ умолчать о письмахъ врученныхъ имъ, и тогда токмо показать ихъ мятежникамъ, ежели они не признаются въ своихъ преступленіяхъ; ибо онъ опасался, дабы чрезъ то не узнали о тайныхъ его сношеніяхъ съ Маркизомъ Айамонтомъ. Но для узнанія правды не было въ нихъ никакой нужды. Баеза замѣшался въ своихъ словахъ при первыхъ вопросахъ, на судѣ ему учиненныхъ; и едва почувствовалъ первыя мученія пытки, какъ вдругъ повинился въ своемъ преступленіи, и открылъ весь планъ бунта. Онъ признался, что они имѣли намѣреніе умертвить Короля, и что для исполненія сего предпріятія они ожидали токмо отвѣта отъ Графа - Герцога.

Большая часть мятежниковъ были пытаны, и показанія ихъ во всемъ бы

ли сходны съ сказкою Жида онаго. Архіепископъ, Духовной Судья, Маркизъ де Виллареаль и Герцогъ Каминъ, для избѣжанія мучительной пытки, повинились во всѣхъ своихъ преступленіяхъ. Послѣднимъ двумъ опредѣлили Судьи отрубить головы, а другихъ мятежниковъ осудили на висѣлицу; церковниковъ же предоставили на судъ самому Королю.

Король немедленно собралъ свой Совѣтъ, и объявилъ своимъ Министрамъ, что онъ весьма боится, дабы наказаніе толико знатныхъ людей, хотя впрочемъ и безчестныхъ, не произвело опасныхъ слѣдствій; ибо мятежники, говорилъ онъ, будучи знатнаго происхожденія, имѣютъ у себя много родственниковъ, которые чрезъ то могутъ чиниться навсегда недоброжелателями, и въ отмщеніе за смерть, могутъ произвести новые бунты; что смерть Графа Эгмонта во Фландріи, прибавилъ онъ къ тому, родила плачевныя по томъ дѣйствія; и что гораздо лучше, представлялъ онъ, оказать каждому изъ нихъ нѣкоторое снисхожденіе, дабы сіе наказаніе предано было забвенію родственниками ихъ: впрочемъ я не для того васъ собралъ, объявилъ онъ

Чле-

Членамъ Совѣта, чтобы вы непремѣнно послѣдовали моему мнѣнію, основывающемуся на природной моей тихости, но чтобы узнать мнѣніе ваше, и по томъ согласиться на то, которое будетъ признано лучшимъ.

Маркизъ де Ферейра первой настоялъ въ томъ, чтобы они были наказаны скорѣе по всей строгости. Онъ доказывалъ, что Король при семъ случаѣ долженъ слѣдовать одному токмо правосудію; что и самое малѣйшее снисхожденіе, оказанное преступникамъ, можетъ произвести ужаснѣйшія слѣдствія; что снисхожденіе сіе будетъ приписываемо послѣ не Королевской милости, но слабости и боязни; что прощеніе можетъ навлечь великое презрѣніе на Правленіе, и подастъ смѣлость ихъ роднымъ освободить ихъ изъ тюрьмы, и распространить свои намѣренія далѣе; что должно надъ преступниками, старавшимися о похищеніи Короны, показать примѣрную строгость, дабы отвратить и другихъ отъ подобныхъ предпріятій; что преступники оные виновны не только предъ однимъ Королемъ, но и предъ цѣлымъ Государствомъ, которое они хотѣли разорить; и что Король

роль тѣмъ болѣе обязанъ поступить съ ними по правосудію, что правосудія сего требуетъ отъ него народъ; и что наконецъ Король долженъ наказать ихъ не слѣдуя своей природной склонности, на одномъ милосердіи основывающейся, но судя о преступленіи ихъ, которое имѣло своею цѣлію всеобщую погибель.

Поелику весь Совѣтъ былъ одного съ нимъ мнѣнія, то и Король не могъ на то не согласиться, и приговоръ на другой день былъ исполненъ. Архіепископъ Лиссабонскій, желая спасти при семъ случаѣ одного изъ своихъ пріятелей, всячески старался испросить ему милость у Королевы. Но Королева, слѣдуя правосудію и чувствуя необходимость наказанія, предвидѣвъ всѣ тѣ дѣйствія, каковыя могло бы произвести оное отличіе между друзьями и родственниками мятежниковъ, послѣдовала должностямъ правосудія, а не природной склонности своей; ибо и малѣйшее снизхожденіе казалось ей несправедливымъ. Она отвѣтствовала Архіепископу весьма съ важнымъ видомъ и очень коротко на его прошеніе: „ Ваше Преосвященство! сказала она ему: самая

„ боль-

„ большая милость, которой вы можете „ ожидать отъ меня по вашему прошенію, состоитъ въ томъ, что я навсегда забуду объ немъ, и не буду „ больше его помнить.„

Король, желая уважить духовенство, перемѣнилъ наказаніе Архіепископу и Духовному Судьѣ; они оба осуждены остаться навсегда въ тюрмѣ. Спустя нѣсколько времени обнародовано было, что Архіепископъ умеръ отъ болѣзни, обыкновенно случающейся съ извѣстными государственными преступниками, которыхъ политика не позволяетъ выводить на эшафотъ.

Долгое время не знали въ Мадритѣ, какимъ образомъ узналъ Португальскій Король о семъ бунтѣ; ибо Государь сей получалъ увѣдомленіе о намѣреніяхъ Архіепископовыхъ по тому, что въ то же самое время чинимъ былъ заговоръ противъ Испанскаго Короля.

Король Португальскій всегда старался о сохраненіи тѣсныхъ союзовъ съ врагами Испаніи. Всѣ гавани Португальскія были открыты для Французскихъ и Голландскихъ кораблей; онъ имѣлъ Резидента въ Барселонѣ и между взбунтовав-

ши-

шимися Каталонцами; и старался о возбужденіи новыхъ бунтовъ въ самомъ нѣдрѣ Испаніи, которые бы могли отвлечь вниманіе Филиппа IV отъ Португалліи. Онъ поселилъ уже мятежническія мысли въ духѣ Герцога Медина-Сидонскаго, своего зятя. Маркизъ Айамонтъ, Кастилланской владѣлецъ, взаимной ихъ повѣренный, старался возмутить его и больше еще. Онъ былъ близкой родственникъ Королевы Португальской и Герцога Медины. Земли его, лежавшія къ Гвадіанскому устью близь границъ Португальскихъ, весьма много споспѣшествовали тайнымъ сношеніямъ, которыя онъ имѣлъ съ онымъ Дворомъ; и онъ надѣялся умножить свое щастіе чрезъ возвышеніе Португальскаго Двора. Онъ былъ весьма смѣлъ, предпріимчивъ, недоволенъ Министромъ, и судилъ о своей жизни такъ, какъ всякому должно человѣку, предпринимающему великія намѣренія.

Онъ писалъ тайно къ Герцогу Медина-Сидонскому, и поздравлялъ его съ благополучнымъ открытіемъ мятежа, учиненнаго Архіепископомъ, которой старался о погибели Королевскаго Двора; и въ

то же самое время давалъ ему слегка чувствовать, сколь долженъ онъ желать, чтобъ новой Король удержалъ корону, которая нѣкогда будетъ украшать его племянниковъ; что Португаллія, близь Кастиліи лежащая, подаетъ ему убѣжище при жалостныхъ перемѣнахъ и при жизни Графа-Герцога, котораго гордая политика старается о погубленіи великихъ людей. Онъ прибавилъ къ тому также, что онъ не надѣется, чтобы Министръ оный оставилъ его на другое время начальникомъ надъ провинціею, толико знатною и близкою къ Португалліи; что все сіе составляетъ для него предметъ заслуживающій его вниманіе; и что ежели хочетъ онъ узнать отъ него всѣ мысли о семъ дѣлѣ, то прислалъ бы къ нему такого человѣка, на котораго бы можно ему было во всемъ положиться.

Герцогъ Медина-Сидонскій, всегда взиравшій съ потаенною ревностію на возвышеніе своего зятя, понялъ, что въ Маркизовомъ письмѣ скрываются великія намѣренія. Онъ отправилъ немедленно къ нему для подробнѣйшихъ свѣденій одного изъ своихъ любимцевъ. Маркизъ, принявъ отъ него вѣрющее письмо,

мо, немедленно открылЪ ему свои мысли; и по томЪ показавЪ, сколь удобно ГерцогЪ Браганскій получилЪ Португальскую корону, сказалЪ ему, что ГерцогЪ Медины никогда не имѣлЪ удобнѣйшаго случая учиниться независимымЪ отЪ Испанской Короны.

ОнЪ представлялЪ ему, что Испанскій Король истощилЪ всѣ силы свои чрезЪ войну, которую имѣлЪ сЪ Франціею и Голландіею; что онЪ обратилЪ все свое вниманіе на одну Каталонію; что остается взбунтовать Андалузію токмо, дабы народЪ, обремененный налогами, охотнѣе низвергнулЪ своего Государя; что ГерцогЪ Медины не меньше любимЪ своими подчиненными, какЪ и Браганскій Португалліею; что остается только пріискать любовь и довѣренность нѣкоторыхЪ начальниковЪ, не ввѣряя тайны своихЪ намѣреній, и по томЪ дать имЪ такія мѣста, вЪ которыхЪ они могли бы со временемЪ учиниться полезными; что ему весьма легко можно овладѣть галіотами, идущими изЪ Индіи; и что деньги, вЪ нихЪ находящіяся, послужили бы кЪ продолженію войны; и что наконецЪ, чтобЪ скорѣе исполнено было сіе предпріятіе, то

Король

Король Португальскій съ его согласія введетъ въ Кадиксъ нарочито знотной флотъ для покоренія всѣхъ тѣхъ, которые захотѣли бы доказать свою безполезную вѣрность Испанскому Королю.

Повѣренный, возвратясь къ Герцогу Медина-Сидонскому, все ему пересказалъ, и ослѣпилъ его блескомъ короны. Онъ былъ начальникомъ надъ сухопутными и морскими силами и Генералъ-Капитаномъ моря Океана; онъ имѣлъ знатные города и пространныя земли; всѣ сіи владѣнія зависѣли отъ его власти, и ему казалось весьма нетруднымъ дѣломъ захотѣть учиниться Королемъ, и не признавать больше въ Андалузіи никакой другой власти.

Онъ отправилъ немедленно опять повѣреннаго къ Маркизу Айамонту съ увѣреніемъ, что онъ охотно соглашается на его представленія, и желаетъ съ нимъ принять нужныя мѣры въ разсужденіи Португальскаго Двора.

Онъ началъ стараться также въ то же самое время о пріисканіи себѣ единомышленниковъ. Онъ позволилъ приносить жалобы на правленіе, жалѣлъ о не-

 на-

награжденныхъ солдатахъ и о народѣ налогами обремененномъ.

Маркизъ Айамонтъ, увѣдомленный о его расположеніи, помышлялъ уже о скорѣйшемъ произведеніи своихъ намѣреній въ дѣйство, и ему оставалось только снестись съ Королемъ Португальскимъ. Маркизъ, будучи всѣми знаемъ, не осмѣлился самъ переѣхать за границу; онъ употребилъ для сего важнаго дѣла нѣкотораго монаха, старавшагося съ давняго времени о содѣланіи себѣ какого нибудь щастія, и котораго почтенное платье вездѣ могло прикрывать слѣды. Сей набожный монахъ Францусскаго ордена, отецъ Николай де Веласко, прибылъ въ Португальскій городъ Кастро-Маро, будто для освобожденія нѣкотораго плѣнника. Король Португальскій, согласясь съ Маркизомъ Айамонтомъ, приказалъ его взять подъ караулъ, такъ какъ опаснаго подсматривальщика, и его привели въ Лиссабонъ въ цѣпяхъ, какъ обыкновенно поступаютъ съ важными преступниками, которыхъ разспрашивать предоставлено однимъ Министрамъ; по томъ посадили его въ тюрьму, въ которой онъ былъ содержанъ со всякою наружною строгостію:

по

по прошествіи нѣкотораго времени его выпустили и объявили объ немъ, что онъ прибылъ въ Королевство для испрошенія единственно свободы одному Испанскому Офицеру; послѣ сего ему позволено ходить и во дворецъ по его дѣлу, дабы чрезъ то удобнѣе можно было сокрыть отъ потаенныхъ подсматривальщиковъ Испанскаго Двора сношенія, которыя были у него съ Министрами.

Король видалъ его нѣсколько разъ, и обѣщался доставить ему Епископство за его труды. Босоногой монахъ, ослѣпленный надеждою, не удалялся никогда отъ Двора; онъ старался угождать Королевѣ, льстилъ поминутно Министрамъ и вдался также въ хитрости. Онъ хотѣлъ доказать свою пріязнь и любовь, и не обнаруживая явно своего дѣла, открылъ тайну непристойнымъ образомъ. Внимательный придворный человѣкъ, и ревностно старающійся о выгодномъ знакомствѣ, легко могъ отгадать, что тюрьма для него предлогомъ къ полученію входа во Дворецъ. Всѣ дѣлали различныя догадки о его путешествіи, и Кастиланецъ, находившійся въ Лиссабонской тюрьмѣ, узналъ также чрезъ то его тайну.

Кастиланецъ оный весьма много облагодѣтельствованъ Герцогомъ Медина-Сидонскимъ: онъ отправлялъ должность военнаго Казначея предъ послѣднимъ буншомъ. Новой Король посадилъ его подъ караулъ съ прочими вмѣстѣ Кастиланцами, находившимися во время бунта въ Лиссабонѣ; и онъ испыталъ надъ собою всѣ жестокости плѣнничества. Онъ принужденнымъ себя нашелъ не вѣрить уже монаху, и сомнѣвался, чтобъ онъ жилъ при Дворѣ для освобожденія его, а же для отправленія какихъ нибудь важныхъ дѣлъ, которымъ служила свобода его одимъ только предлогомъ; онъ писалъ къ нему письмо, наполненное трогательными выраженіями и удобными угодить его гордости; онъ жаловался въономъ, что Король Португальскій весьма давно содержитъ его въ тюрьмѣ, и назывался слугою Герцога Медина-Сидонскаго, его зятя; а чтобъ увѣрить его въ сихъ словахъ больше, то онъ послалъ къ нему нѣсколько писемъ, полученныхъ имъ отъ Герцога прежде бунта и наполненныхъ великою къ нему довѣренностію и ласками.

Монахъ отвѣтствовалъ Санху весьма въ краткихъ строкахъ, что онъ ни

о комЪ столько не старается, какЪ о людяхЪ преданныхЪ Герцогу Медины, и обѣщалЪ ему непремѣнно исходатайствовать свободу, естьли онЪ сохранитЪ токмо тайну. Благоразумный КастиланецЪ, дабы не навлечь на себя большаго подозрѣнія, ожидалЪ терпѣливо слѣдствій его обѣщанія. ОнЪ представлялЪ ему потомЪ вЪ другомЪ письмѣ о своемЪ семимѣсячномЪ заключеніи; жаловался на Испанскаго Министра, что онЪ совсѣмЪ позабылЪ обЪ немЪ, и увѣрялЪ, что ему остается отЪ него только одного ожидать своей свободы.

Босоногой монахЪ, желая оказать новую услугу Герцогу Медино - Сидонскому чрезЪ освобожденіе Санха, выручилЪ его изЪ тюрьмы. ОнЪ самЪ его извелЪ изЪ оной и вручилЪ ему письмо для пропуску такое же, каковое пожаловалЪ Король нѣкоторымЪ служителямЪ Герцогини де М..., желавшимЪ возвратиться вЪ МадритЪ.

Но лукавый КастилланецЪ отвѣтствовалЪ ему, что городЪ МадритЪ учинился для него чужестраннымЪ и незнаемымЪ; что онЪ не можетЪ вЪ ономЪ явиться ко Двору, не подвергнувЪ себя опа-

ености быть посажену въ новую тюрьму; что строгій Министръ непремѣнно потребуетъ у него щетовъ приходамъ, не смотря на то, что объявилъ монаху, что онъ не желаетъ больше никому служить, кромѣ Герцога Медина - Сидонскаго, своего благодѣтеля.

Монахъ, имѣя нужду отдать отчетъ въ своихъ дѣлахъ Маркизу Айамонту, и получить новыя приказанія, рѣшился послать къ нему Кастилланца, которой всегда казался привязаннымъ и старавшимся о выгодахъ Герцога Медины; онъ примѣчалъ за нимъ нѣсколько времени, и старался испытать его вѣрность. Всегдашнее обращеніе, которое они имѣли между собою, нечувствительно соединило ихъ наконецъ тѣснымъ союзомъ дружбы. Кастилланецъ, будучи лукавымъ, старался всячески узнать тайну, которую монахъ выболталъ; ибо онъ самъ, желая показать предъ нимъ свою знатность, не рѣдко хвалился, что ему посулено Епископство за труды, и что скоро увидятъ его въ пурпуровомъ платьѣ. Санхо, желая проникнуть болѣе въ его тайну, притворялся недовѣряющимъ словамъ его: таковая мнимая его недовѣрчивость весьма трогала босоногаго монаха, и онъ при-

принужденъ былъ въ доказательство сказать Санху, что ежели возможно Герцогу Медина-Сидонскому учиниться Королемъ, то конечно не не возможно и ему быть Епископомъ. Санхо чрезъ притворныя свои сомнѣнія узналъ наконецъ о всѣхъ его намѣреніяхъ. Монахъ открылъ ему, что онъ занимается съ нѣкоторыми Королями весьма важнымъ дѣломъ; что Герцогъ Медины скоро будетъ Королемъ Андалузскимъ; что Маркизъ Айамонтъ всячески старается о томъ, и что Король Португальскій щастливымъ открытіемъ заговора ему токмо одиому обязанъ. Онъ посулилъ ему наконецъ великое награжденіе, ежели онъ возмется доставить письма его къ Маркизу и Герцогу. Санхо, узнавъ толико важную тайну, весьма радовался, и увѣрялъ его больше о своей привязанности къ Герцогу Медины. Принявъ отъ него письма, онъ обѣщался доставить ему и отвѣты, ежели нужда потребуетъ того. Онъ отправился въ Андалузію; но сіе для того токмо учинено имъ, дабы удобнѣе и скорѣе можно было пріѣхать въ Мадритъ. Лишь только успѣлъ туда прибыть, то, желая обо всемъ увѣдомить Министра, немедленно отправился къ нему.

Графъ - Герцогъ по природной своей гордости не захотѣлъ его принять, и велѣлъ ему явиться на другой день. Санхо послѣ таковаго грубаго пріему принужденнымъ себя нашелъ просить, чтобы увѣрили Министра, что онъ пришелъ къ нему не съ прошеніемъ, но для увѣдомленія его о нѣкоторыхъ дѣлахъ.

Сіи громко произнесенныя имъ слова дошли до слуха самаго Графа - Герцога, и онъ приказалъ впустить его къ себѣ. Санхо, бросясь къ его ногамъ, объявилъ ему, что онъ своимъ къ нему приходомъ спасъ цѣлое Государство; увѣдомилъ его также, какимъ образомъ онъ захваченъ былъ въ бунтѣ, и по томъ началъ говорить о новомъ заговорѣ Герцога Медина - Сидонскаго; онъ открылъ ему всѣ его намѣренія и сношенія, имѣвшіяся съ Португальскимъ Королемъ; по томъ увѣдомилъ его, какимъ образомъ Герцогъ хотѣлъ и овладѣть галіотами и предать Кадиксъ врагамъ, и поднять оружіе противъ самаго Короля; а чтобы болѣе доказать истинну оныхъ словъ своихъ, то онъ вручилъ Министру письма, писанныя Францисканцомъ къ Маркизу Айатонту и Герцогу Медины.

Графъ-Герцогъ, услыша таковую нечаянную новость, чрезвычайно испугался; онъ пребылъ чрезъ долгое время въ изумленіи, и не говорилъ ни слова; но опомнившись нѣсколько, онъ благодарилъ Санха съ необыкновенною ласковостію: онъ похвалялъ его за вѣрность къ Королю, и по томъ обѣщался наградить за открытіе толико погибельныхъ предпріятій. Онъ ввелъ его въ особую горницу, и не совѣтовалъ ему о томъ никому сказывать; послѣ того самъ пошелъ къ Королю, и немедленно увѣдомилъ его обо всемъ томъ, что токмо услышалъ отъ Санха, и въ то же самое время показалъ ему письма босоногаго монаха.

Филиппъ весьма былъ пораженъ симъ новымъ извѣстіемъ. Чрезвычайная храбрость Гюзьмановъ давно казалась ему подозрительною и ненавистною; помысливъ въ то же время о недавной потерѣ Португалліи, которую онъ приписывалъ честолюбію Герцогини Браганской, не могъ не сказать своему Министру съ выговоромъ, что всѣ нещастія Испаніи происходитъ отъ ихъ Двора. Сей Принцъ имѣлъ тонкой и проницательной умъ: но любилъ забавы и ненавидѣлъ дѣла:

всякое попеченіе казалось ему тягостнымЪ, и онЪ охотно бы уступилЪ нѣкоторую часть Государства для того только, дабы оставаться празднымЪ. И такЪ по уменьшеніи своего гнѣва, онЪ вручилЪ Графу-Герцогу письма Францисканца, и велѣлЪ ему приказать изслѣдовать ихЪ тремЪ СовѣтникамЪ ГосударственнымЪ.

ОнЪ отдалЪ вЪ полную власть сіе дѣло Министру: и МинистрЪ избралЪ кЪ нему троихЪ своихЪ любимцевЪ. Они разобрали оныя письма; и Сахо былЪ призыванЪ ими и слушанЪ нѣсколько разЪ. Оставалось токмо научить его оправдать Герцога Медины, котораго Министру хотѣлось спасти. МинистрЪ призвалЪ Санха кЪ себѣ, прежде нежели онЪ явился кЪ КоммисарамЪ, и сЪ отличною благосклонностію и ласкою, которую не рѣдко умѣютЪ великіе люди употреблять для ослѣпленія тѣхЪ, сЪ которыми имѣютЪ дѣло, сказалЪ ему: какЪ можно, любезный мой Санхо, оправдать Герцога Медины отЪ обвиненія, основывающагося на письмахЪ неизвѣстнаго монаха, и которой по видимому подкупленЪ былЪ нашими врагами для учиненія его подозри-

зрителвнымЪ вЪ вѣрности, не смотря на то, что онЪ ревностно служилЪ Королю?

Санхо позналЪ справедливость его суда, и опасаясь вмѣстѣ лишиться награжденія, ему посуленнаго, утверждалЪ сЪ большею еще точностію, что ГерцогЪ главный бунтовщикЪ, и что МаркизЪ АйамонтЪ всѣми силами ему вЪ томЪ помогаетЪ; что онЪ читалЪ и видѣлЪ письма у монаха, по которымЪ непремѣнно вскорѣ взбунтуется Андалузія, ежели не будутЪ предупреждены злыя намѣренія начальника провинціи.

МинистрЪ, не желая входить вЪ подробнѣйшія доказательства сего дѣла, избралЪ время поговорить обЪ ономЪ Королю. ОнЪ донесЪ ему, что письма монаха, которой желалЪ погубить Герцога Медины, были разсматриваемы; что Санхо былЪ обманутЪ онымЪ хитрымЪ монахомЪ; что кЪ обвиненію Герцога не имѣется никакихЪ справедливыхЪ доказательствЪ, и что обвиненіе его основывается на однѣхЪ токмо письмахЪ, которыя суть не что иное, какЪ токмо клевета; но поелику, продолжалЪ онЪ, не льзя имѣть довольно предосторожности при таковомЪ важномЪ дѣлѣ, то не-

необходимо надобно отозвать Герцога отъ правленія, и въ то же самое время взять подъ караулъ Маркиза Айамонта, и по томъ поступить съ нимъ по всей строгости законовъ, ежели они найдутся виновными.

Совѣты сего Министра и мнѣнія были для Филиппа закономъ, и онъ во всемъ на него положился, будучи праздно любцомъ. Графъ-Герцогъ отправилъ немедленно Донъ-Лудвига де Геро, своего племянника, съ повелѣніемъ къ Герцогу, дабы онъ вскорости явился ко Двору, и надѣялся бы на Королевскую милость, не смотря на то, что онъ предъ нимъ виновенъ; и что ежели онъ въ противномъ случаѣ хотя мало замедлитъ, то будетъ наказанъ. Другой курьеръ привезъ также Маркиза Айамонта; а Герцогу Кюдадреалю въ то же самое время ввѣрены были войска, въ Кадиксѣ находившіяся.

Герцогъ Медины весьма пораженъ симъ извѣстіемъ. Ему оставалось или повиноваться, или бѣгствомъ спастись въ Португаллію. Но провождать жизнь свою наподобіе изгнаннаго въ чужой землѣ, ему казалось весьма низкимъ и по-

подлымъ поступкомъ. Онъ не находилъ для себя въ Португалліи выгоднаго мѣста; и поелику увѣренъ былъ, что Графъ-Герцогъ все можетъ испросить у Короля, то и рѣшился явиться прямо къ Министру. Онъ отправившись, надѣялся чрезъ свое скорое повиновенiе увѣрить Короля въ своей невинности, или по крайней мѣрѣ получить прощенiе въ своей винѣ.

Онъ явился немедленно къ Министру, и получивъ отъ него новыя увѣренiя о Королевской милости, открылъ ему весь планъ мятежа, и полагалъ главнымъ зачинщикомъ онаго Маркиза Айамонта. Министръ ввелъ его тайно въ Королевской кабинетъ; онъ, увидѣвъ Короля, немедленно бросился къ его ногамъ; и омочивъ ихъ слезами, признался въ своемъ преступленiи и просилъ прощенiя. Король, имѣя доброе и сострадательное сердце, смѣсилъ его слезы съ своими, и видя его раскаянiе, а больше внимая прошенiямъ Графа-Герцога Оливарскаго, милостиво простилъ его. Но поелику не очень надежно было подвергать его новому искушенiю, послѣ такого тонкаго бунта, то ему велѣно никуды отъ Двора

ра не отлучаться. Его лишили также нѣкоторой части имѣнія, которое вдохнуло въ него мысли независимости, и Король опредѣлилъ новаго начальника въ городъ Сентъ-Люкаръ де Бирамеда, въ которомъ обыкновенно Герцоги Медина-Сидонскіе имѣли свое пребываніе.

Министръ, желая увѣрить Короля о истинномъ раскаяніи своего родственника, совѣтовалъ сему владѣльцу вызвать на поединокъ Герцога Браганскаго. Герцогъ Медины таковымъ предложеніемъ приведенъ былъ въ великое удивленіе: онъ представлялъ Министру, что поединокъ запрещенъ не только Божескими, но и человѣческими законами. Впрочемъ, видя упорное на то Графа-Герцога желаніе, просилъ его, чтобы онъ по крайней мѣрѣ испросилъ для него посредствомъ Короля Папской указъ, дабы церковь, за таковой ужасной поступокъ съ своимъ роднымъ, не исключала его изъ числа своихъ сыновъ.

Министръ повторилъ ему, что время не позволяетъ уже судить о таковыхъ ничего незначущихъ бездѣлкахъ; что ему остается заслуживать Королевскую милость, истребить въ народѣ подозрѣ-

ніе,

ніе, дабы не почитали его бунтовщиковъ; ежели же, прибавилъ къ тому Министръ, не хочетъ вовсе онъ драться съ нимъ, то по крайней мѣрѣ послалъ бы къ нему вызывательное письмо, которое онъ постарается повсюду разослать. Герцогъ, видя, что все сіе будетъ походить на одну токмо пустую комедію, которою довольно можетъ позабавиться народъ, не могъ въ томъ отказать Министру: и Министръ самъ взялся сочинить оное письмо. Копіи съ него вездѣ были разосланы, и дошли также до многихъ Европейскихъ Дворовъ: мы поставляемъ за нужное помѣстить его здѣсь яко отличное сочиненіе и приличествующее больше какому нибудь бродягѣ, нежели знатному Испанскому владѣльцу:

Донъ Гаспардъ Алонзо Перецъ де Гюцманъ, Герцогъ Медина-Сидонскій, Маркизъ, Графъ и Владѣлецъ города Сентъ-Люкара де Барамеды, Генералъ-Капитанъ моря Океана, береговъ Андалузскихъ и Португальскихъ арміи, Камеръюнкеръ Его Католическаго Величества,

Богъ да сохранитъ его!

Всему свѣту извѣстна измѣна Іоанна Браганцы, прежде бывшаго Герцога,

такъ какъ и его гнусные виды, съ каковыми онъ старался помрачить измѣною вѣрноподданный домъ Гюцмановъ, который чрезъ толикое число вѣковъ пребывалъ и пребудетъ навсегда въ повиновенiи къ своему Королю и Государю, и засвидѣтельствовалъ сiе кровiю толь многихъ своихъ отраслей, пролитою за сей предметъ. Тиранъ оный увѣрилъ нѣкоторыхъ иностранныхъ Принцовъ, и ввелъ въ заблужденiе многихъ бродящихъ Португальцовъ своей стороны, дабы удовлетворить своей злобности, возбудить ихъ къ принятiю его стороны и привести меня, хотя сiе и тщетно было, въ немилость у моего Государя (Богъ да сохранитъ его), будто и я на то согласенъ былъ, основывая и утверждая соблюденiе себя на слухахъ, каковые онъ о семъ пропускалъ, и коими онъ заражалъ всѣхъ и каждаго, обѣщая себѣ, что ежели онъ будетъ имѣть успѣхъ въ семъ предпрiятiи, т. е. ежели вѣрность мою къ службѣ приведетъ въ сомнѣнiе у Короля Испанскаго, въ такомъ случаѣ не найдетъ онъ уже и съ моей стороны того великаго сопротивленiя, каковое онъ встрѣчаетъ во всѣхъ своихъ видахъ. Для достиженiя же сей

цѣли

цѣли, онъ употребилъ одного монаха, посланнаго корпусомъ города Айамонте въ Кастро-Мармо, что въ Португалліи, для освобожденія одного плѣнника, въ Лиссабонѣ находившагося, и которой наученъ былъ сказать, будто бы я держу его сторону, да и на сей конецъ обнародовалъ нѣкоторыя письма, подтверждающія сей слухъ, и что я доставлю свободный входъ, и окажу всякое благопріятствованіе всѣмъ чужестраннымъ арміямъ, кои придутъ къ Андалузскимъ берегамъ.

Все сіе вымышлено и распущено имъ было въ томъ видѣ, дабы облегчить присылку вспомогательныхъ войскъ, которыхъ онъ просилъ у помянутыхъ чужестранныхъ Принцовъ; и далъ бы Боже, чтобъ сіе случилось: я бы учинилъ цѣлый свѣтъ свидѣтелемъ моей ревности къ службѣ и потери ихъ кораблей, такъ какъ они испытали бы сіе произведеніемъ надъ ними въ дѣйство тѣхъ повелѣній, каковыя я вездѣ оставилъ, когдабъ они предприняли что нибудь тому подобное.

Сіи суть нѣкоторыя изъ моихъ побудительныхъ причинъ, но главнѣйшій

 пред-

предметъ негодованія моего есть тотъ, что жена его происходитъ отъ нашей крови, которая бывъ испорчена симъ бунтомъ, возбуждаетъ меня къ пролитію оной; и я чувствую себя обязаннымъ, доказать симъ дѣйствіемъ моему Королю и Государю то чувствованіе, каковое я ощущаю отъ удовольствія, изъявляемаго имъ за мою вѣрность, и равномѣрно вывести изъ сомнѣнія и Публику, которая легко могла усомниться въ моей вѣрности по причинѣ ложныхъ данныхъ ей впечатлѣній.

Для сего-то самаго я вызываю помянутаго Іоанна Браганцу, прежде бывшаго Герцога, измѣнившаго вѣрности къ Богу и своему Государю, на поединокъ, и оставляю на его выборъ родъ оружія; также и то, съ посредникомъ ли, или безъ посредника онъ захочетъ явиться. Мѣсто будетъ подлѣ Валенціи Алкантарской, то самое, которое служитъ границею обоихъ Королевствъ Португалліи и Кастиліи, гдѣ я дожидаться его буду 80 дней, начиная съ 1 Октября по 19 Декабря текущаго году. Послѣдніе 20 дней я буду самолично въ Валенціи, и въ день, которой онъ мнѣ назна

значитъ, я буду его ждать на границѣ. Срокъ сей хотя и весьма продолжителенъ, но я даю оный помянутому Браганцу, дабы онъ могъ узнать о семъ моемъ вызовѣ, и извѣстна была большая часть Европейскихъ Королевствъ объ ономъ. Я надѣюсь, что онъ допуститъ Кавалеровъ, которыхъ я къ нему пошлю, на одну милю въ Португаллію, такъ какъ и я тѣхъ, кого онъ ко мнѣ пришлетъ, позволю пропустить на одну милю въ Кастилію, и обѣщаюсь извѣстить его совершеннѣе о безчестномъ дѣяніи, имъ учиненномъ. Ежели же онъ не исполнитъ обязанности благороднаго человѣка и не явится на мой вызовъ, дабы истребить его тѣми средствами, какія мнѣ теперь остались: ежели онъ не будетъ имѣть смѣлости явиться на поединокъ, на которомъ я покажу себя таковымъ, каковъ я есмь и каковымъ всегда былъ весь родъ къ службѣ своимъ Государямъ, такъ какъ его родъ напротивъ того былъ всегда измѣнической: то я съ дозволенія Его Католическаго Величества (Богъ да сохранитъ его) обѣщаю дать въ награжденіе тому, кто умертвитъ его, городъ мой Сентъ-Люкаръ де Барамеда, столицу Герцоговъ Медина-

 Си-

Сидонскихъ, и повергаясь къ стопамъ Его Величества, прошу не поручать мнѣ въ семъ случаѣ начальства надъ своими арміями; поелику теперь нужно благоразуміе и умѣренность, каковыхъ ко гнѣву моему не могу я соблюсти въ теперешнемъ стеченіи обстоятельствъ; довольствуясь токмо служить самолично съ 1000 человѣками конницы изъ собственныхъ моихъ подданныхъ, дабы, пользуясь единымъ моимъ мужествомъ, не только могъ бы способствовать къ возвращенію Португалліи и къ наказанію сего бунтовщика, но и чтобы я съ войсками моими, въ случаѣ, ежели онъ отречется отъ моего вызова, могъ привести его плѣннаго или умершаго къ стопамъ *Его Католическаго Величества.* А дабы ничего не упустить изъ того, что можетъ учинить мое усердіе, то я предлагаю одинъ изъ лучшихъ городовъ моихъ владѣній первому Губернатору или Капитану Португальскому, который отдастъ какое нибудь мѣсто Португальской короны, сколь бы оно ни маловажно было для службы *Его Католическаго Величества*, пребывая всегда еще мало доволенъ тѣмъ, что я могу сдѣлать для *Его Величества*, поелику все, что я ни имѣю, получилъ

я

я отъ него и отъ достославныхъ его предковъ. „ Учинено въ Толедѣ, Сентября 23 дня, 1641 года.

Герцогъ Медины, во исполненіе своего вызывательнаго письма, явился на мѣстѣ сраженія; онъ привезъ съ собою различныя орудія, и прикрываемъ былъ Фельдмаршаломъ Испанскихъ войскъ Донъ Жуаномъ де Гарри. Вызовъ былъ сдѣланъ, но никто не явился со стороны Португальскаго Короля; ибо Принцъ сей, будучи довольно умнымъ человѣкомъ, не считалъ для себя честію быть дѣйствующимъ лицемъ при таковой комедіи, и имѣть дѣло съ подданнымъ своего врага.

Министръ Испанскій, занявъ Публику симъ забавнымъ дѣйствіемъ, помышлялъ въ то же время подвергнуть Маркиза Айамонта всей строгости законовъ. Владѣлецъ сей взятъ былъ подъ стражу; и отъ него требовали признанія въ преступленіи. Министръ, желая отъ него узнать всѣ обстоятельства въ самой точности, обѣщалъ ему свое покровительство; и увѣрялъ его, что Государь, будучи живымъ на землѣ изображеніемъ Бога, непремѣнно его проститъ, ежели

токмо онъ учинитъ во всемъ искреннее признаніе,

Маркизъ, обольщенный таковыми обѣщаніями, и видя уже примѣръ на Герцогѣ, своемъ товарищѣ, во всемъ предъ нимъ открылся. Собственное его признаніе обнаружило его преступленіе; и онъ немедленно приговоренъ былъ къ смертной казни. Сіе Судейское опредѣленіе объявлено было ввечеру. Онъ слушалъ его весьма съ спокойнымъ духомъ, и нимало не жаловался ни на Герцога, ни на Министра. Спустя нѣсколько по томъ часовъ, онъ по обыкновенію своему поужиналъ, и провелъ цѣлую ночь въ глубокомъ снѣ. Его надлежало Судьямъ разбудить при наступленіи опредѣленнаго часа для казни: онъ вставши, пошелъ, не говоря ни одного слова, и умеръ съ достойною твердостію наилучшаго случая. Такимъ-то образомъ окончался бунтъ, котораго Испанскій Король избѣжалъ по слѣпому щастію, или лучше сказать, посредствомъ Провидѣнія, которое не терпитъ, чтобы злодѣянія имѣли щастливые успѣхи.

Король Португальскій, получивъ неудачу въ своемъ намѣреніи, рѣшился откры-

крытою силою съ помощію союзниковъ утвердить престолъ свой. Франція весьма много въ томъ спомоществовала ему; ибо она считала для себя достоинствомъ, покровительствовать родственнику своихъ Королей: таковая чужестранная война сдѣлала весьма полезной отводъ, и Испанія долженствовала многія употребить силы къ сопротивленію.

Португальцы, отдаляя Испанцевъ отъ своихъ границъ, великія получили добычи; и Король Португальскій легко могъ бы пробраться въ самую Кастилію, ежели бы имѣли у себя искусныхъ Генераловъ, войско знающее правильную дисциплину: но большая часть его арміи состояла изъ воиновъ годныхъ къ набѣгамъ, а не къ продолженію кампаніи. Сей Государь не имѣлъ также и денегъ довольнаго числа къ содержанію ихъ; ибо онъ по принятіи престола многіе уничтожилъ прежде собираемые налоги, и опасался вновь налагать. Онъ продолжалъ войну съ Испанцами около семнатцати лѣтъ. Испанія не имѣла тогда, также какъ и Португаллія, искусныхъ Генераловъ. Оба Королевства подкрѣпляли себя по большой части взаимною слабостію, а не собственными

своими силами; и недостатокъ, претерпѣваемый въ деньгахъ Филиппомъ IV, составлялъ богатство новаго Португальскаго Короля. Государь сей скончался въ 6 день Ноября, 1656 года. Португальцы, по причинѣ недостатка въ блистательныхъ добродѣтеляхъ, составили ему похвалу изъ многихъ примѣровъ его набожности и тихости. Безпристрастные Историки приписываютъ ему робкой духъ и чрезвычайную недовѣрчивость къ самому себѣ и другимъ; они упрекаютъ его за то, что онъ откровенъ былъ предъ одними токмо престарѣлыми служителями своими, и наипаче предъ товарищемъ своего духовника. Онъ всегда занимался набожными упражненіями, и имѣлъ всѣ хорошія качества частнаго человѣка: но не имѣлъ великихъ добродѣтелей, свойственныхъ Государю. Престоломъ своимъ онъ одолженъ былъ вопервыхъ храбрости и ненависти, также питаемой Португальцами безпрестанно противъ Испанцевъ; а вовторыхъ искусству Королевы, своей жены, умѣвшей воспользоваться оною ненавистію ихъ, и употребить ее къ возвышенію своего Двора. Король въ духовномъ завѣщаніи, по смерти своей оставленномъ, опредѣлилъ ее правительницею

съ

съ тою надеждою, что она, умѣя возвести его на престолъ, будетъ также умѣть хорошо управлять и Королевствомъ до возрасту сыновей. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновъ и одну дочь; большой его сынъ, Донъ Алфонсъ, учинившійся его преемникомъ, былъ тринатцати лѣтъ; онъ имѣлъ весьма задумчивой нравъ, и не владѣлъ половинною частію своего тѣла. Инфантъ Донъ Педро, братъ его, былъ восьми лѣтъ, а Инфанта Донна Екатерина была старѣе обоихъ ихъ; ибо она родилась прежде бунта. Донъ Алфонсъ показался народу, и обыкновенымъ образомъ объявленъ Королемъ, а Королева приняла въ тотъ же день государственное правленіе.

Сія Принцесса весьма желала ознаменовать начало своего правленія какимъ нибудь славнымъ дѣйствіемъ; но всѣ Генералы ея были хорошіе токмо солдаты, а не Полководцы; ни одного не было изъ нихъ такого, который бы умѣлъ укрѣпить мѣсто, или вести осаду. Члены ея Совѣта не всѣ также были искусные Министры: одни изъ нихъ разсуждали о государственныхъ нуждахъ, но не находили средствъ къ избѣжанію оныхъ; а

другіе, не смотря на слабыя силы Королевства, дѣлали пространные планы, изъ чего не рѣдко происходили весьма
1657. опасныя слѣдствія.

Португальцы весьма часто претерпѣвали чрезъ то великія потери; они поссорились съ Голландцами за коммерцію, въ Индіи отправляемую; и Франція чрезъ Пиринейскій миръ казалась ставшеюся единственно о ихъ выгодахъ. Королева не имѣла ни съ кѣмъ дружественнаго союза, и претерпѣвала также великую нужду какъ въ искусныхъ Генералахъ, такъ и въ солдатахъ знающихъ правильную военную дисциплину; однакожъ все сіе не могло поколебать ея духа. Множество дѣлъ ни мало ее не устрашало; все было покорно великому ея уму. Чѣмъ больше встрѣчалось ей трудностей, тѣмъ больше видны были ея блистательныя дарованія. Она изобрѣтала наилучшія противъ всего средства, и посредствомъ всегдашнихъ своихъ трудовъ все постигала. Ничто не могло отъ нея укрыться; она пріискала себѣ отъ всѣхъ Европейскихъ Дворовъ благосклонность.

Порту-

Португаллія посредствомъ ея попеченій приведена была въ самое цвѣтущее состояніе, и храбро могла сопротивляться Испанскимъ силамъ. Но поелику она предвидѣла нужду въ чужестранныхъ войскахъ для обученія своихъ, и не имѣла хорошаго Полководца, то немедленно обратилась къ Фридерику Графу Шомбергу, которой довольно прославился какъ храбростію, такъ и остротою своего ума. Она хотѣла ввѣрить ему всю свою армію; но весьма ей было трудно согласить на то своихъ Генераловъ, которые не хотѣли быть въ повелѣніяхъ у иноземца. Она велѣла своему Посланнику, во Франціи находившемуся, договориться о томъ съ Графомъ Шомбергомъ, который не иначе соглашался вступить въ Португальскую службу, какъ съ тѣмъ, чтобъ быть Фельдмаршаломъ.

Онъ отправился немедленно въ Лисабонъ съ двадцатью четырьмя человѣками Офицеровъ, и взялъ также съ собою 400 человѣкъ старыхъ и искусныхъ солдатъ, которые способны были къ наученію новыхъ. Ѣдучи въ Пор- 1661.
тугаллію, онъ заѣхалъ также и въ Англію для свиданья съ Королемъ Карломъ II.

Пра-

Правительница наслала ему тайное повелѣніе освѣдомиться, не угодно ли будетъ оному Государю жениться на Инфантѣ Португальской. Графъ съ успѣхомъ исполнилъ ея повелѣніе; и заставилъ какъ Короля, такъ и Министра желать онаго союза. Королева, узнавъ отъ него о таковомъ ихъ разположеніи, немедленно отправила въ Англію, для окончанія сего дѣла, Маркиза Санди. Испанскій Король, предвидя слѣдствія, могущія произойти изъ онаго брака, всячески старался объ уничтоженіи его. Онъ дарилъ Карла тремя миліонами, ежели токмо онъ согласится жениться на Принцессѣ Протестантскаго исповѣданія. Посланникъ его предлагалъ ему къ тому трехъ Принцессъ, съ увѣреніемъ, что Король, его Государь, каждую изъ нихъ, которая бы ему ни полюбилась, выдастъ за него такъ, какъ собственную свою дочь. Но Аглинскій Канцлеръ весьма живо представлялъ Королю, сколь нужно для него и выгодно будетъ взять Принцессу изъ Браганскаго Двора, и не терпѣть также, чтобъ были Испанцы подъ державою того Государя, который препятствуетъ Карлу II соединиться бракомъ съ Инфантою. И такъ Министръ,

будучи самЪ Протестантскаго исповѣданія, женилЪ своего Государя на Католичкѣ вЪ то самое время, вЪ которое Король Католицкаго исповѣданія подносилЪ ему великія сокровища, чтобЪ онЪ женился на Протестанткѣ. Государственныя выгоды не рѣдко опредѣляютЪ религію ГосударямЪ. 29 Маія, 1661 года.

Аглинской Король, соблюдая пользу своего союза, постарался немедленно о заключеніи КоммерческихЪ договоровЪ между Генеральными Штатами и Португалліею. ОнЪ ввелЪ послѣ того вЪ оное Королевство довольное число войскЪ, подЪ предводительствомЪ Графа Иншекина; и по томЪ отозвавЪ его оттуда, приказалЪ своимЪ АгличанамЪ повиноваться Графу Шомбергу, который по прибытіи своемЪ вЪ Португаллію, повелѣвалЪ войсками трехЪ Королей. Португальцы не не имѣли уже Генерала; но сіе титло служило пустою пищею честолюбію одного знатнаго владѣльца. ГрафЪ имѣлЪ великую довѣренность отЪ Королевы, и получилЪ полную власть надЪ войсками. ОнЪ употреблялЪ ее единственно кЪ возстановленію хорошаго порядка вЪ арміи: и научилЪ ПортугальцевЪ, какимЪ образомЪ

дол-

должны они поступать въ походахъ, и какія также занимать мѣста подъ лагерь; а по томъ укрѣпилъ по правиламъ всѣ пограничныя мѣста сего Королевства, которыя до его пріѣзду были безъ всякой обороны.

Правительница, имѣя у себя искуснаго Генерала, продолжала войну съ великою бодростію; армія ея повсюду имѣла щасливые успѣхи. Никогда Португаллія не имѣла такихъ хорошихъ войскъ, каковыя были въ ея время. Народъ благословлялъ ея правленіе; а страхъ и почтеніе содержали великихъ въ совершенномъ повиновеніи. Таковое ея благополучное состояніе было снѣдаемо домашними безпокойствіями и лукавствомъ, которое придало Двору совсѣмъ другой видъ.

Правительница всегда старалась о укрѣпленіи короны на главѣ Короля, своего сына: но онъ чрезъ свои поступки учинился недостойнымъ ея. Онъ имѣлъ слабой умъ, а нравъ задумчивой и злой; власть Королевы, его матери, казалась ему несносною. Онъ съ презрѣніемъ отвергалъ совѣты своихъ Министровъ, и ненавидѣлъ владѣльцовъ, его окружавшихъ. Удовольствіе его состояло въ обращеніи

съ

съ Неграми и подлыми молодыми людьми: онъ составилъ себѣ изъ нихъ штатъ, не смотря на всѣ наставленія своего надзирателя. Они составляли его оберегательное войско, и онъ называлъ ихъ своими выборными и провожатыми. Онъ ходилъ съ ними ночью по Лиссабонскимъ улицамъ, и причинялъ великія обиды всѣмъ тѣмъ нещастнымъ, которые ему на дорогѣ попадались.

Неправильность его сужденія происходила отъ паралича, которымъ онъ разбитъ былъ на четвертомъ году отъ рожденія, и которой оставилъ въ немъ жалостныя впечатлѣнія. Почитая строгое воспитаніе вреднымъ для дитяти слабаго сложенія, во всемъ ему снисходили и прощали: но таковое снисхожденіе пріумножило его неспособности и пороки. Съ помощію времени и лѣкарствъ онъ въ здоровьѣ своемъ довольно поправился: самыя тяжелыя управленія не обременяли его. Онъ искусно бился на шпагахъ и хорошо ѣздилъ на лошадяхъ: но нравъ всегда имѣлъ равно жестокой. Въ немъ видно было больше гнѣва, нежели ума; съ возрастомъ его умножались въ немъ страсти; онъ заставлялъ приводить къ себѣ

бъ распутныхъ женщинъ, и не рѣдко и самъ также ходилъ ихъ искать по безчестнымъ домамъ, въ которыхъ проводилъ цѣлыя ночи, предаваясь постыдному и недостойному удовольствію.

Правительница съ прискорбіемъ на него взирала, и боялась, дабы онъ со временемъ за свои поступки не былъ низверженъ съ престола, и не обратилъ бы въ ничто всѣхъ ея попеченій, объ немъ прилагаемыхъ: она принужденною себя иногда находила помышлять о заключеніи его, и на мѣсто его возвести Инфанта: однакожъ не принялась за сіе намѣреніе для того, дабы не возбудить междоусобной брани, которою Испанцы не преминули бы воспользоваться: она надѣялась учинить его лучшимъ, отдаливъ отъ него его любимца Конти, которой былъ самаго низкаго происхожденія, и отправлялъ при немъ должность Министра любовныхъ забавъ. Конти взятъ былъ по ея повелѣнію подъ караулъ, и увезенъ въ Бризель, въ которомъ подъ смертною казнію запрещено ему возвращаться въ Португаллію. Король долго печалился объ удаленіи своего любимца; по томъ принялъ на себя спокойнѣйшій видъ, и ка-

зался также способнѣйшимъ къ добру. Правительница была довольна своимъ поступкомъ, и какъ Министры, такъ и придворные поздравляли ее съ щастливымъ окончанiемъ ея предпрiятiя.

Но наружное оное спокойствiе Короля сокрывало самыя глубокiя намѣренiя, которыхъ Правительница и не могла ожидать отъ него; ибо она, имѣя способность проникать въ сердца самыхъ хитрѣйшихъ придворныхъ, была обманута притворствомъ слабоумнаго.

Король объявилъ о своей печали Графу Кастель-Мелгору, знатному Португальскому владѣльцу, которой былъ самымъ лукавымъ и честолюбивымъ придворнымъ; но способнымъ больше къ придворнымъ хитростямъ, нежели къ отправленiю государственныхъ дѣлъ. Графъ, желая занять мѣсто любимца, воспользовался сею откровенностiю, подъ предлогомъ сострадания о его нещастiи. Онъ увѣрялъ Принца сего, что ему должно жаловаться на самого себя въ разсужденiи Контiеваго приключенiя; по томъ разговаривалъ съ нимъ о Королевской власти, и о совершенствѣ его лѣтъ, и далъ также живо почувствовать ему, что для

 него

него ничего нѣтъ легче, какъ уничтожить уже надъ собою власть Правительницы, и возвратить своего любимца Конти торжествующимъ не только надъ своими врагами, но и надъ самою также Правительницею.

Король, обольщенный совѣтами соотвѣтствующими его расположенію, дѣлалъ ему во всемъ довѣренность: но связь ихъ была еще отъ многихъ закрыта; а любовь его никому не была извѣстною. Графъ всегда требовалъ отъ Короля сея предосторожности, дабы не учиниться подозрительнымъ для Королевы. Но Принцесса сія скоро узнала ихъ тѣсную связь и взаимную довѣренность: она, встрѣтившись съ Графомъ, которой шелъ за Королемъ, остановила его, и по томъ, взглянувъ на него съ величественнымъ своимъ видомъ, приводившимъ всѣхъ въ трепетъ, сказала ему: „Графъ! я увѣ„рена, что Король дѣлаетъ тебѣ вели„кую довѣренность: но ежели что ни„будь выдетъ между вами противное „моей волѣ, то ты за то будешь от„вѣчать мнѣ своею головою.„

Графъ съ великимъ почтеніемъ выслушалъ слова угрожавшей Королевы, и по томъ пошелъ въ слѣдъ за Королемъ,

которой его позвалъ. Онъ пересказалъ ему всѣ слова Королевы; и прибавилъ также къ тому, что онъ ожидалъ уже участи Контіевой, и что надѣялся утѣшить себя тѣмъ только въ своемъ нещастіи, когда услышитъ, что Король, его Государь, освободился уже отъ правилъ строгой Правительницы, которая оставляла ему одно токмо пустое титло Королевское.

Сіи лукавыя его слова чрезвычайно разгорячили Короля. Онъ рѣшился было итти въ ту же минуту къ Правительницѣ для истребованія отъ нея государственныхъ печатей, которыя служили знакомъ власти и могущества: но Графъ, зная его слабоуміе, и также ту власть, которую Правительница имѣла надъ его духомъ, присовѣтовалъ ему удалиться въ Алкантору, не простившись съ нею, и оттуда отправить нарочныхъ съ извѣстіями въ Лиссабонской Магистратъ и ко всѣмъ начальникамъ провинцій о вступленіи своемъ въ государственное правленіе. Принцъ сей по совѣту его ввечеру переодѣлся, и взявъ съ собою своихъ друзей, пріѣхалъ ночью въ Алкантору. Онъ писалъ на другой день поутру къ государственнымъ Секретарямъ, дабы они непремѣнно къ

нему явились; потребовалЪ стражу, и объявилЪ всему Королевству, что совершенный его возрастЪ не позволяетЪ ему больше терпѣть правленія Королевы, его матери.

Большая часть придворныхЪ явились кЪ нему вЪ Алкантору. ДворецЪ Королевы учинился пустымЪ; и она скоро узнала, что уже не имѣетЪ ввѣренной ей власти, которая по правамЪ принадлежала ей.

ОднакожЪ Принцесса сія не унывала отЪ того, и благородной образЪ, сЪ которымЪ она сложила сЪ себя верховную власть, доказалЪ, что она была достойною и долѣе еще управлять для благосостоянія народнаго. Она писала кЪ Королю, своему сыну, что онЪ не долженЪ принимать принадлежащаго ему престола одинаковымЪ образомЪ сЪ хищниками; что ему должно для того явиться токмо поутру во дворецЪ; и что она вЪ полномЪ собраніи великихЪ начальниковЪ городскаго Магистрата вручитЪ ему всѣ печати и государственное правленіе. Король послѣ сего возвратился вЪ ЛиссабонЪ, и Королева, желая сдержать данное ему свое слово, собрала всѣхЪ знатныхЪ чиновниковЪ Королевства, и вЪ присутствіи

ихъ взявъ всѣ печати, сказала Королю:
„ Вотъ тѣ печати, которыя мнѣ были
„ ввѣрены вмѣстѣ съ правленіемъ вашего
„ Государства, по завѣщанію покойнаго
„ Короля, моего Государя: я ихъ вручаю
„ вамъ, Ваше Величество! вмѣстѣ съ вла-
„ стію, съ ними соединенною; и прошу
„ Бога, чтобъ онъ во всемъ споспѣше-
„ ствовалъ вамъ по моему желанію. „

Король ихъ принялъ и отдалъ Государственному Секретарю. Инфантъ и всѣ знатные чиновники цѣловали его руки, яко новаго своего Государя. Королева объявила о себѣ, что по прошествіи шести мѣсяцовъ удалится въ монастырь; она для того назначила таковой срокъ, дабы успѣть замѣтить, какимъ образомъ потекутъ государственныя дѣла.

Королевской любимецъ, опасаясь великаго ея ума, подавалъ случай Государю оказывать ей великія грубости, дабы чрезъ то заставить ее скорѣе удалиться. Королева не могла сносить равнодушно никакихъ знаковъ его непочтенія: она немедленно отправилась въ монастырь, забывъ всѣ пышности земныя, и всегда казалась занимающеюся тѣмъ величіемъ, котораго никто изъ смертныхъ не могъ уже у нея отнять. Она, проживъ

въ своемъ уединеніи не долѣе одного года. въ 18 день Февраля, 1660 года, скончалась. Принцесса сія имѣла чрезвычайной умъ, и вмѣщала въ себѣ великія добродѣтели обоихъ половъ: во время ея правленія въ ней видны были всѣ свойства великаго Государя; а въ уединеніи своемъ она казалась совсѣмъ забывшею о своемъ царствованіи.

Король, свергнувши съ себя власть сея мудрыя Принцессы, началъ поступать со всѣми, слѣдуя своему звѣрскому нраву. Онъ нападалъ ночью съ своими выборными на всѣхъ тѣхъ, которые встрѣчались съ нимъ на дорогѣ; и не рѣдко разбивалъ стражу, приставленную для общественной безопасности. Всякая ночь, въ которую токмо онъ бродилъ по улицамъ, оставляла по себѣ различныя плачевныя исторіи. Встрѣча его была для народа столь опасна, какъ свирѣпый и разъяренный звѣрь, съ цѣпи сорвавшійся. Графъ Кастель-Мелгоръ прикрывалъ всѣ безпорядки, которыхъ самъ былъ причиною. Онъ былъ хорошій придворной, но неискусный Министръ: при щасливыхъ успѣхахъ казался гордымъ, а при малѣйшей неудачѣ глупымъ; и можно ска-

зать смѣло, что Португаллія тогда подкрѣпляема была слабостію Испаніи.

Король Донъ Алфонсъ, котораго власть простиралась не далѣе дворца, вручилъ своему любимцу правленіе всего Королевства, а себѣ предоставилъ токмо свободу производить разныя непозволенныя дѣла.

Испанцы ласкались надеждою легко завоевать Португаллію, управляемую слабоумнымъ и горячимъ Государемъ. Они вооружили противъ нея знатную армію подъ предводительствомъ Донъ Жуана Утрихтскаго, побочнаго сына Филиппа IV. Португальскій Король повелѣлъ противъ него итти Графу Шомбергу, не смотря на то, что титло полнаго Генерала носилъ на себѣ Графъ Виллаль-Флоръ. Сохраненіемъ своей Короны онъ одолженъ былъ Графу Шомбергу; ибо великій сей полководецъ всегда одерживалъ побѣды надъ Кастилланцами; и можно сказать, что ему легче было ихъ побѣждать, нежели упрямство Португальскаго Генерала, который, гоняясь за собственною славою, не рѣдко препятствовалъ его намѣреніямъ, удобнымъ и могущимъ се пріумножить. Впрочемъ Французской Генералъ имѣлъ великую довѣренность отъ Двора въ разсужденіи войскъ,

которыя съ удовольствіемъ повиновались предводителю, повсюду побѣдами сопровождаемому.

Министръ приписывалъ всю славу хорошихъ успѣховъ собственнымъ своимъ трудамъ, хотя онъ и не имѣлъ въ войнѣ другаго участія, кромѣ того, что къ первому ему присылали извѣстія о военныхъ произшествіяхъ. Слава его возрастала всеедневно, и онъ подъ именемъ Короля самъ пользовался верховною властію. Онъ управлялъ симъ Принцомъ какъ машиною, которой пружины дѣйствовали по его желанію; и всегда пользовался его горячностію для погубленія тѣхъ, которые казались ему подозрительными. Онъ отрѣшилъ отъ должности всѣхъ почти Министровъ, избранныхъ Правительницею, и опредѣлилъ на ихъ мѣста тѣхъ, которые совершенно были ему преданными. Совѣтъ и Дворъ приняли совсѣмъ другой видъ: никто не могъ въ нихъ оправдаться, кромѣ того, который нравился Министру. Онъ нашелъ средство послать опять въ ссылку и Контія, перваго любимца Государева, которой недавно былъ возвращенъ. Конти казался ему опаснымъ потому, что Государь чрезвычайно его жаловалъ.

Лишь

Лишь только успѣлъ онъ услышать о его пріѣздѣ, то и заставилъ Государя не позволить ему являться ко Двору; и отправилъ къ нему сіе повелѣніе съ тѣмъ же самымъ курьеромъ, котораго Король послалъ для его возвращенія. Сей нещастный Принцъ, будучи невольникомъ своего Министра, не смѣлъ иначе съ нимъ видѣться, какъ только потаеннымъ образомъ. Но Графъ, желая пресѣчь свиданья ихъ, которыя могли бы, можетъ быть, разрушить со временемъ его власть, немедленно обвинилъ его яко бунтовщика, приписавъ ему ложную вину выдуманнаго имъ самимъ бунта, которой хотя и не имѣлъ въ себѣ никакого правдоподобія, однакожъ послужилъ надежнымъ средствомъ къ погибели соперника.

Погубя такимъ образомъ Контія, Министръ обратилъ все свое вниманіе на Инфанта Донъ Педра, Королевскаго брата.

Принцъ сей, приходя въ возрастъ, имѣлъ всѣ благородныя склонности; онъ пріобрѣлъ себѣ отъ всѣхъ Португальцовъ почтеніе и любовь посредствомъ своего хорошаго поведенія и поступковъ, которыми отличался отъ своего брата Короля.

Графъ при Дворѣ его помѣстилъ своего брата, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы

чрезъ то заблаговременно пріобрѣсти отъ него довѣренность и управлять по желанію обоими братьями. Молодой Принцъ охотно принялъ брата Королевскаго любимца; но онъ не имѣлъ никакого участія въ его дружбѣ; ибо къ нему стараніями еще Правительницы, которая всегда на него взирала какъ на подпору Королевскаго Двора, опредѣлены уже были самые лучшіе люди. Мудрые его надзиратели и вѣрные друзья же рѣдко давали ему чувствовать возможность быть на престолѣ на мѣстѣ своего брата, ежели онъ не перемѣнитъ своихъ поступковъ: но въ то же время увѣдомляли его о тѣхъ великихъ выгодахъ, которыми пользуется Графъ при Алфонсовомъ царствованіи. Изъ сего нечувствительнымъ образомъ раздѣлился Дворъ на двѣ половины; число Графскихъ единомышленниковъ превосходнѣе было числа державшихся стороны Инфантовой: но старые Министры, предвидѣвшіе скорой конецъ безразсуднаго Алфонсова правленія, и всѣ также знатные чиновники Королевства, которые не могли рѣшиться рабствовать предъ любимцемъ, оставались на сторонѣ Инфанта, яко законнаго наслѣдника короны.

Графъ

Графъ, увѣдомясь, что противная ему сторона много поддерживаетъ себя слухами, распущенными о недостаткахъ и болѣзняхъ Короля, рѣшился разрушить ее посредствомъ его женидьбы. Король по совѣту его просилъ себѣ въ супружество Марію - Елисавету - Франциску Савойскую, дочь Карла Амеды Герцога Немурскаго и Елисаветы Вендомъ. Принцесса сія была на то согласна. Цесарь Эстресъ, ея дядя, Епископъ и Герцогъ Ласкскій, учинившійся довольно извѣстнымъ въ Европѣ подъ именемъ Кардинала Эстреса, проводилъ ее въ Португаллію. Онъ сопровождаемъ былъ Маркизомъ Ривеньи, Чрезвычайнымъ Французскимъ Посланникомъ, и другими знатными дворянами, друзьями и подданными Савойскаго Двора.

Обряды брака отправлены были съ свойственнымъ великолѣпіемъ. Весь Дворъ удивлялся рѣдкой красотѣ молодой Королевы. Инфантъ казался весьма къ ней привязаннымъ: одинъ король былъ нечувствителенъ къ ея пріятностямъ; и начали въ скоромъ времени подозрѣвать, что достоинство Королевской жены служило для оной Принцессы пустымъ титломъ, которымъ хотѣли прикрыть недостатокъ Государя.

Ми-

Министрѣ надѣялся овладѣть духомѣ молодой Принцессы такимѣ же образомѣ, какѣ и Короля, своего Государя: онѣ началѣ различныя изыскивать кѣ тому средства; но скоро узналѣ, что она имѣетѣ такой духѣ, который никогда не унизится предѣ своимѣ подданнымѣ. И такѣ, желая ей отомстить, онѣ не упускалѣ ни одного удобнаго случая кѣ показанію своей надѣ нею власти. Всѣ государственныя дѣла были отѣ нея закрыты; а что принадлежало до частныхѣ, то всѣ тѣ, вѣ которыхѣ она принимала хотя малѣйшее участіе, были передѣлываемы. Все то, что она одобряла, было Министромѣ уничтожаемо. Напослѣдокѣ начали не выдавать ей изѣ казны для издержекѣ ея Двора и денегѣ, подѣ предлогомѣ государственныхѣ нуждѣ и великихѣ военныхѣ расходовѣ. Король, обольщенный своимѣ Министромѣ, и знавшій всѣхѣ тѣхѣ, которые ему не нравились, причинялѣ такія горестныя досады Инфанту и Королевѣ, что ее нерѣдко видали выходившую изѣ его покоевѣ обливающеюся слезами.

Ея красота, нещастія и жалобы, распускаемыя повсюду придворными служителями, которымѣ не выдавали денегѣ,

возбудили сострадание во всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые не были невольниками любимца: сіе подало случай произойти при Дворѣ еще и другой противной сторонѣ. Всѣ громко говорили о бездѣтствѣ Королевы, не смотря на то, что она была не болѣе одного года за мужемъ.

Всякъ почти старался умножить въ народѣ подозрѣніе и увѣрить народъ, что Король ненавидитъ Королеву.

Принцесса сія открыла своему духовнику всѣ безпокойствія своей совѣсти, и по томъ по его приказанію сообщила ихъ и духовнику Инфанта. Оныя набожныя особы совѣтовали имъ обоимъ согласно дѣйствовать при таковомъ хитромъ бунтѣ, въ которомъ находились великія выгоды. Единомышленники къ примиренію ихъ не находили никакой невозможности. Они воскресили первыя намѣренія Правительницы, и сіи обѣ стороны, Министру противныя, составили напослѣдокъ одну весьма сильную. Королева своими стараніями склонила на свою сторону Графа Шомберга, предводительствовавшаго всею арміею: а Инфантъ, который никакихъ не находилъ препятствій къ исполненію своихъ желаній, привлекъ къ себѣ въ то же время Магистрат-

стратскихЪ чиновниковЪ и другихЪ знатныхЪ особЪ.

Король изображалЪ тогда собою изчезающее вЪ Королевствѣ привидѣніе; однакожЪ все еще поддерживаемЪ былЪ честолюбивымЪ МинистромЪ, и которой умѣлЪ придать довольную важность почщенному титлу Государя. Прежде всего опредѣлено было отдалить отЪ Двора лукаваго сего Министра, который не прежде бы рѣшился отойти самЪ собою, пока не пресѣклась бы вЪ государственномЪ правленіи его власть. Для сего подкупили тайно одного изЪ его друзей, дабы онЪ увѣдомилЪ его, что ИнфантЪ всю Королевскую кЪ себѣ немилость приписываетЪ его стараніямЪ, и угрожаетЪ ему великою опасностію, ежели онЪ останется хотя на малое время при Дворѣ. МинистрЪ, испугавшись сихЪ угрозЪ, обЪявилЪ всѣмЪ почти о таковомЪ извѣстіи; умножилЪ стражу и вооружилЪ придворныхЪ: онЪ хотѣлЪ самаго Короля заставить итти сЪ ними кЪ Инфанту, и взять его по томЪ подЪ стражу. Но Король, употребляя ночи для притѣсненія беззащитныхЪ, отложилЪ таковое трудное и опасное предпріятіе; ему казалось довольнымЪ, велѣть Инфанту

фанту къ себѣ явиться. Но Инфантъ не соглашался на то, подъ предлогомъ обидныхъ для него и разсѣянныхъ Графомъ слуховъ, и представлялъ Королю, что онъ не прежде къ нему явится, пока не будетъ отдаленъ отъ него его Министръ. Король продолжалъ о семъ дѣлѣ чрезъ долгое время переписку съ Инфантомъ; копіи ихъ писемъ каждой почти имѣлъ у себя; онъ согласился наконецъ послать Графа къ Инфанту для испрошенія прощенія въ своей винѣ.

Но Инфантъ, имѣя дальнѣйшіе виды, настоялъ въ своемъ требованіи, чтобы онъ былъ изгнанъ изъ дворца. Дворъ и весь городъ находились во всегдашнемъ движеніи, все было расположено къ междуусобной брани. Министръ скоро познaлъ къ великому своему огорченію, что Графъ Шомбергъ держался совсѣмъ противной ему стороны. Большая часть знатныхъ чиновниковъ торжественно объявили себя доброжелателями Принца Донъ Педра; что же принадлежало до родственниковъ и друзей Министровыхъ, то они также дали ему знать, что они не хотятъ вмѣстѣ съ нимъ погибнуть, и находятъ себя слабыми къ сопротивленію противъ Инфантовой стороны, подкрѣпляемой Короле-

ролевою. ГрафЪ, видя себя оставленнымЪ отЪ всѣхЪ, пришелЪ вЪ уныніе, и выбрался ночью изЪ дворца потаеннымЪ образомЪ. ОнЪ немедленно уѣхалЪ вЪ монастырь, за семь миль отЪ Лиссабона отстоявшій, а оттуда отправился вЪ Италію, и по томЪ искалЪ себѣ убѣжища при ТюринскомЪ Дворѣ.

ИнфантЪ послѣ того пріѣхалЪ во дворецЪ, будто для изЪявленія Королю своего почтенія. Всѣ казалось ему покорнымЪ, и онЪ пріискалЪ себѣ любовь и отЪ МинистровыхЪ друзей. король, лишившись своего совѣтника, казался скромнѣйшимЪ.

ОднакожЪ ИнфантЪ, не желая прослыть похитителемЪ Короны, не осмѣлился вдругЪ ее возложить на себя; надлежало верховной силѣ вручить ему ее законною властію: для сего толико важнаго дѣла не обходимо нужно было созвать и по томЪ согласить всѣхЪ знатныхЪ чиновниковЪ Королевства.

Но поелику сіе возможно было учинить одному только Королю, то ему и дѣлали предложеніе, подЪ предлогомЪ государственныхЪ нуждЪ, дабы онЪ собралЪ во едино всѣхЪ вѣрноподданныхЪ. Государь не былЪ еще столько простЪ, чтобЪ не могЪ предвидѣть изЪ такого собранія видимой опасности.

сности. Будучи въ таковыхъ мысляхъ; онъ чрезъ долгое время не отвѣчалъ на всѣ представленія и прошенія Инфантовы. Наконецъ Совѣтъ послѣ того написалъ опредѣленіе, которое заставили подписать сего нещастнаго Принца, и онъ самъ подписалъ свое отрѣшеніе отъ правленія.

Инфантъ, получая во всемъ желаемые успѣхи, почиталъ ихъ основаніемъ своего возвышенія; что же принадлежало до Королевы, то она съ его согласія немедленно удалилась въ монастырь. По пріѣздѣ своемъ въ оной, она писала къ Королю, что различныя беспокойствія заставили ее оставить Царскіе чертоги, въ которыхъ живучи она никогда не была его женою; и по томъ требовала отъ него своего приданаго и также позволенія возвратиться въ свое отечество.

Король, по полученіи сего письма, побѣжалъ немедленно въ монастырь съ великою горячностію для наказанія Королевы. Но Инфантъ, имѣя уже большую власть въ столицѣ, нежели онъ, и предвидя его замыслъ, явился у монастырскихъ воротъ со всѣми своими единомышленниками. Онъ не допустилъ Короля войти въ оной и возвратилъ его во дворецъ, хотя онъ и ему равно угрожалъ, какъ и Королевѣ.

23 Ноября 1667 года. Инфантъ, не опасаясь ни мало его угрозъ, рѣшился совершенно утвердить свою собственную власть. Онъ явился для сего на другой день во дворецъ: его сопровождали всѣ знатные дворяне и Члены Магистрата; а народъ, для узнанія развязки сего важнаго дѣла, преслѣдовалъ ихъ великими толпами. По приходѣ своемъ въ Царскіе чертоги, онъ нашелъ Государственныхъ Совѣтниковъ, которые его тамъ ожидали, и по непродолжительномъ съ ними сношеніи, онъ приказалъ никуда не выпускать Короля изъ его покоевъ.

По томъ всѣ подписали его отрѣшеніе отъ Государственнаго правленія. Инфантъ не осмѣлился однакожъ присвоить себѣ Королевскаго титла: онъ довольствовался титломъ правителя, которое ему было укрѣплено главными Членами Королевства, учинившими ему также и присягу яко правителю въ вѣрности своей. Первыя намѣренія сего Принца были устремлены къ заключенію мира съ Испаніею. Аглинской Король былъ его посредственникомъ, и наконецъ Испанской Король торжественно призналъ Португальскую корону независимою отъ Кастиліи.

13. Февраля 1668 года.

Пра-

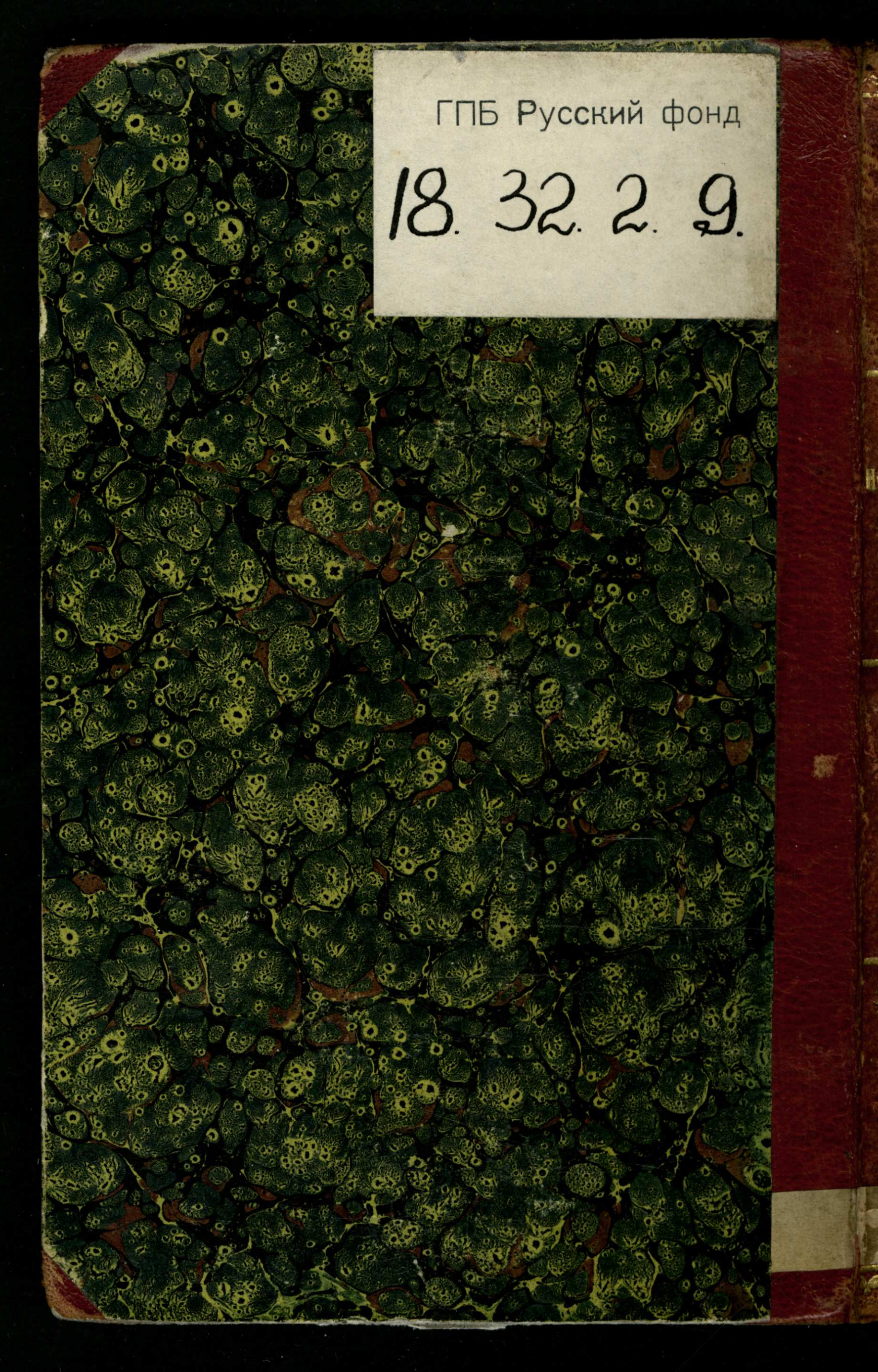
Правитель, къ усовершенствованію своего благополучія и къ исполненію всѣхъ желаній, не успѣлъ токмо жениться на своей невѣсткѣ. Сія Принцесса по вступле- 22
ніи своемъ въ монастырь подала въ Лис Ноя-
сабонское Духовное Правленіе прошеніе бря 1667
объ уничтоженіи брака, которой не могъ года.
совершенъ быть во все время ея замужества. Правленіе оное признало его недѣйствительнымъ безъ дальныхъ споровъ; а правитель посредствомъ судейскаго 24
рѣшенія получилъ возможность жениться Мар-
на Королевѣ. Ему совѣтовали однакожъ, та 1668
для сохраненія общественной честности, года
испросить на то позволеніе отъ Папы. По щастію, которое казалось нѣсколько предварительнымъ, въ то же самое время пріѣхалъ изъ Франціи М. Веріусъ, и привезъ съ собою нужное къ тому разрѣшеніе. Оно получено было отъ Кардинала Вендома, Папскаго Посла, на котораго для того сіе достоинство возложено было, дабы онъ могъ присутствовать вмѣсто Папы при крещеніи Дофина. Епископъ 8
Тарга, помощникъ Лиссабонскаго Архіепи- Мар-
скопа, получа разрѣшительную Папскую та 1668
грамоту, совершилъ обрядъ бракосочета- года.
нія; позволеніе оное, для нужнаго спокойствія совѣсти сочетавшихся и для без-

опасности Королевства, подтверждено также и Папою Климентомъ IX.

10 Декабря 1668 года. Король Донъ Алфонсъ отлученъ былъ отъ Португаллiи навсегда. Народъ, сострадавшiй о нещастныхъ, видя его лишеннымъ всего, весьма жалѣлъ, что лишили его также и климата, ему свойственнаго: но лишенный всего человѣкъ не легко можетъ сыскать себѣ благодѣтеля. Никто изъ великихъ не осмѣливался говорить въ его пользу, и многiе надъ собою испытали, сколь не нравилось правителю таковое ихъ сострадание, наносившее обиду его правленiю. Донъ-Алфонсъ находился въ отлученiи своемъ до 1675 года; по томъ самъ правитель, опасаясь, дабы онъ не учинилъ бунта находясь въ толь дальнемъ разстоянiи, возвратилъ его въ Португаллiю. Онъ умеръ близь Лиссабона въ 1685 году, и по смерти его правитель принялъ на себя Королевское титло, котораго ему недоставало, и котораго токмо одного онъ не отнялъ у онаго нещастнаго Принца, своего брата.

КОНЕЦЪ.

ГПБ Русский фонд
18. 32. 2. 9.